

Acta Orientalia Voronensia
Воронежское востоковедение
сборник статей

0

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Факультет международных отношений

Центр восточных исследований

Acta Orientalia Voronensia

Воронежское востоковедение

Выпуск 2

Воронеж
Факультет международных отношений
Центр восточных исследований
2017

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION HIGHER EDUCATION
«VORONEZH STATE UNIVERSITY»

The faculty of international relations

The Centre for Oriental Studies

Acta Orientalia Voronensia Voronezh Oriental Studies

Volume 2

2

Voronezh
The faculty of international relations
The Centre for Oriental Studies
2017

УДК 94
ББК 63.3
А 19

Редакционная коллегия:

д-р экон. наук, проф. О. Н. Беленов (декан факультета международных отношений, председатель редакционной коллегии);

д-р экон. наук, проф. А. И. Удовиченко (завкафедрой регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений ВГУ);

д-р ист. наук, доц. М. В. Кирчанов (кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений ВГУ, научный редактор);

канд. ист. наук, доц. А. В. Погорельский (кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений ВГУ);

преп. О. В. Горте (кафедра маркетинга экономического факультета ВГУ, языковой редактор);

канд. геогр. наук, доц. И. В. Комов (факультет географии, геоэкологии и туризма ВГУ, секретарь редакционной коллегии)

А 19 Acta Orientalia Voronensia. Воронежское востоковедение: сборник статей / науч. ред. М. В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений; Центр восточных исследований, 2017. – Вып. 2. – с.

В сборник, подготовленный Центром восточных исследований ВГУ, включены работы на английском и русском языках, посвященные различным проблемам истории и современного состояния востоковедения, исследования по истории, культуре и политике Востока. Статьи, вошедшие в сборник, сфокусированы на актуальных проблемах политической современной истории. Авторы анализируют проблемы истории Кыргызстана, политические процессы и отношения, культуры и традиции Востока.

УДК 94
ББК 63.3

© Воронежский государственный университет, 2017
© Факультет международных отношений, 2017
© Центр восточных исследований, 2017

UDC 94
BBC 63.3
A19

Editorial board:

Oleg N. Belenov (Professor, DrSc in Economics, Dean of International Relations Faculty, Chairman of the Editorial Board);

Aleksandr I. Udovichenko (Professor, DrSc in Economics, Head of Regional Studies and Foreign States Economies Department, International Relations Faculty);

Maksym W. Kyrchanoff (DrSc in History, Associated Professor, Regional Studies and Foreign States Economies Department, science editor);

Aleksandr V. Pogorel'skii (PhD in History, Associated Professor, Regional Studies and Foreign States Economies Department);

Olesia V. Gorte (lecturer, Department of marketing, Economic Faculty, English language editor);

Igor W. Komow (PhD in Geography, Associated Professor, Department of socio-economic geography, Faculty Geography, geo-ecology and tourism; Secretary of the Editorial Board)

A 19 Acta Orientalia Voronensia. Voronezh Oriental Studies: a collection of articles / ed. Maksym W. Kyrchanoff. – Voronezh: The faculty of international relations - The Centre for Oriental Studies, 2017. – Volume 2. – p.

The book, prepared by the Center for Oriental Studies of Voronezh State University, includes articles in English and Russian languages, focused on various problems of a history and actual state of Oriental Studies, works in Oriental history, culture and politics. The articles included in the book, touch upon actual problems of the modern political history. The authors analyze the problems of a history of Kyrgyzstan, political processes and relations, Oriental cultures and traditions.

4

UDC 94
BBC 63.3

© Voronezh State University, 2017
© The faculty of international relations, 2017
© The Centre for Oriental Studies, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

PROBLEMS OF ORIENTAL STUDIES: PROCEEDINGS OF THE REGULAR ON-LINE INTERNATIONAL WORKSHOP (VORONEZH, SEPTEMBER – DECEMBER 2016)

<i>Dmitrii Vogradenko</i> , Japan as politically dependent state	11
<i>Maksym W. Kyrchanoff</i> , Oriental Studies in Latvia between cultural origins, the Soviet displacement and actual forms of national Orientalism	29
<i>Aleksandr V. Pogorel'skii</i> , Arab spring: dynamics and consequences for the countries of the region	83
<i>Tamara Habibova</i> , Women's rights issue in Saudi Arabia and Iran	92
<i>Iuliia Mozharenska</i> , Specificity of integration of refugees from the Middle East in Germany	99

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

<i>Ю.В. Власова</i> , «Вестник Европы» и «Русские Ведомости» о сербо-турецкой войне 1876 года	108
<i>Н.П. Горошков</i> , Пантюркизм: генезис и эволюция (историко-политологический анализ)	114
<i>Л.Е. Мелкумян</i> , Гарегин Нжде и его учение об армянском роде между Востоком и Западом	136
<i>Галей Хайтам</i> , Политические и национально-религиозные конфликты в арабском мире в контексте интересов ЕС	145

КИТАЙ: ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

<i>Д.С. Маджун</i> , Англо-русское противоборство в Средней Азии в связи с Дунганским восстанием в Китае в конце XIX в.	157
<i>К. Каблуков</i> , Китайский треугольник: китайская политика между вызовами моря и суши	174

<i>Т.А. Гадаева</i> , Основные направления энергетического сотрудничества России и Китая	182
<i>Y.N. Golotvina</i> , The China's foreign policy priorities in Central Asia	188

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ВОСТОК – ЗАПАД, ЗАПАД – ВОСТОК

<i>Ж.Э. Серикова, В.А. Тонких</i> , Россия – Турция: исторический опыт сотрудничества и современность	194
<i>Е.В. Бадалова, А.А. Золотарева</i> , Стратегическое партнерство Казахстана и Германии	207
<i>В.М. Новоселова</i> , Перспективы развития отношений России и АТЭС	217

СОВРЕМЕННЫЙ ВОСТОК: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ

<i>Кирчанов М.В.</i> «Индонезия – не только страна мусульман-суннитов»: трудности постколониального политического языка индонезийского либерального ислама	223
<i>М. Пукалова</i> , Организация Исламского Сотрудничества: история, структура и основные направления деятельности	243
<i>В.И. Сальников</i> , ИГИЛ и феномен «токсичных государств»	261
<i>Аугушту да Силва Ие</i> , К вопросу общих тенденций миграционных процессов из стран Западной Африки в Европу	274
<i>Н. Богатырёва</i> , Рейтинг несостоявшихся государств как инструмент информационного воздействия	281
<i>Нуари Малалааривуни Ралафиариндаза</i> , Партийная конкуренция в Республике Мадагаскар до и после кризиса 2009 года	292
<i>Галёб Хайтам</i> , Дарфур: гуманитарная катастрофа 21 века	304

**«ТАКОЙ КИТАЙ ПРЕДСТАВЛЯЛ БЫ СОБОЙ САМУЮ МОГУЩЕ-
СТВЕННУЮ НАЦИЮ В МИРЕ»: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИС-
ТОРИИ КИТАИСТИКИ (КИТАЙ В РАБОТАХ УКРАИНСКОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛЕВОЙ ЭМИГРАЦИИ 1950-Х ГОДОВ)**

<i>Б. Лэвыцький, Ещё раз к вопросу народных коммунах в Китае</i>	320
<i>Василь Чэрнэта, Национальный вопрос в Китае</i>	326
<i>Василь Чэрнэта, Аграрный аспект китайской революции</i>	338
<i>Иван Майстрэнко, Укрупнение колхозов и коммун в Китае</i>	347
<i>Иван Майстрэнко, Энциклопедист антисталинской революции Мао</i>	
<i>Цзэдун</i>	355
<i>Василь Чэрнэта, Падение Ли Лисаня</i>	365

ПЕРЕВОДЫ

<i>Квамэ Нкрума, Классовая борьба в Африке</i>	369
<i>Александр Адлер, Кризис исламского авторитаризма</i>	376

CONTENTS

PROBLEMS OF ORIENTAL STUDIES: PROCEEDINGS OF THE REGULAR ON-LINE INTERNATIONAL WORKSHOP (VORONEZH, SEPTEMBER - DECEMBER 2016)

Dmitrii Vogranenko, Japan as politically dependent state

Maksym W. Kyrchanoff, Oriental Studies in Latvia between cultural origins, the Soviet Union

Aleksandr V. Pogorel'skii, Arab spring: dynamics and consequences for the countries of the region

Tamara Habibova, Women's rights issue in Saudi Arabia and Iran

Iuliia Mozharenska, Specificity of integration of refugees from the Middle East in Germany

ORIENTAL COUNTRIES AND NATIONS: THE PROBLEMS OF HISTORY

Iu.V. Vlasova, "Vestnik Evropy" and "Russkie Vedomosti" about the Serbian-Turkish War of 1876

N.P. Goroshkov, Panturkism: genesis and evolution (historical and political analysis)

L.E. Melkumian, Garegin Nzhdeh and his theory about the Armenian gents between Orient and Occident

Galeb Haytham, Political and national-religious conflicts in the Arab world in the context of EU interests

CHINA: HISTORY, POLITICS, ECONOMY

D.S. Madzhun, Anglo-Russian confrontation in Central Asia and the Dungan uprising in China in the end of the 19th century

K. Kablukov, Chinese triangle: Chinese policy between the challenges of the sea and land

T.A. Gadaeva, The main directions of energy cooperation between Russia and China

Y.N. Golotvina, The China's foreign policy priorities in Central Asia

**INTERNATIONAL RELATIONSHIPS:
ORIENT – OCCIDENT, OCCIDENT – ORIENT**

J.E. Serikova, V.A. Tonkikh, Russia-Turkey: historical experience of cooperation and modernity

E.V. Badalova, A.A. Zolotareva, Strategic partnership of Kazakhstan and Germany

V.M. Novoselova, Prospects for the development of relations between Russia and APEC

THE CONTEMPORARY ORIENT: POLITICAL PROBLEMS

Maksym W. Kyrchanoff, "Indonesia is not only Sunni Muslims country": difficulties of postcolonial political language in Indonesian liberal Islam

M. Pukalova, Organization of Islamic Cooperation: history, structure and main vectors of activity

V.I. Sal'nikov, ISIS and the phenomenon of "toxic states"

Augustu da Silva, The general trends of migration processes from West Africa to Europe

N. Bogatyriova, Rating of failed states as an instrument of informational influence

Noary Malalaarivuny Ralafiarindaza, Party competition in the Republic of Madagascar before and after the 2009 crisis

Galeb Haitham, Darfur: humanitarian disaster of the 21st century

**"THIS CHINA WOULD BE THE POWERFUL NATION IN THE WORLD":
UNKNOWN PAGES OF HISTORY OF SINOLOGY
(CHINA IN THE WORKS OF UKRAINIAN NATIONAL LEFT EMIGRATION OF THE 1950s)**

B. Levyts'kyj, Once again to the question of people's communes in China

Vasyl' Cherneta, The National Question in China

Vasyl' Cherneta, Agrarian aspect of the Chinese revolution

Ivan Majstrenko, Enlargement of Collective Farms and Communes in China

Ivan Majstrenko, Mao Zedong as the encyclopedist of the anti-Stalinist revolution

Vasyl' Cherneta, The Fall of Li Li Sang

TRANSLATIONS

Kwame Nkrumah, Class Struggle in Africa

Alexandre Adler, The Crisis of Islamic Fundamentalism

PROBLEMS OF ORIENTAL STUDIES: PROCEEDINGS OF THE REGULAR ON-LINE INTERNATIONAL WORKSHOP (VORONEZH, SEPTEMBER – DECEMBER 2016)

Dmitrii Vogranenko

Japan as politically dependent state

В течение 20 века американо-японские отношения доказали свою долговременность и прочность, но несмотря на это все еще имеют место нерешенные вопросы касательно альянса, которые нуждаются в более глубокой разработке. В первую очередь, должно быть определено, до какой степени Япония зависит от американского видения мировой политики и в какой степени США влияли на японское экономическое и политическое развитие. Для того, чтобы воплотить эту цель в реальность, необходимо уделить особое внимание эволюции двухсторонних отношений с момента первого контакта между японцами и американцами до настоящих дней, а также рассмотреть механизмы, которые в целом используются для внешнего контроля государств.

Ключевые слова: зависимость, японо-американские отношения, национализм, империи, Бжезинский, Тарик Али

During the XX century, American-Japanese relations proved to be solid and durable, but still a lot of issues concerning the roots of the alliance demand better understanding. First of all, it shall be defined to what degree Japan has been dependent on American understanding of the world politics and in which way had the United States influenced Japanese economic and political development. To fulfil this purpose it's necessary to give a special attention to the evolution of bilateral relations from the first encounter between the Japanese and Americans to the present days and to have a look at the mechanisms that may be deployed for the sake of external control.

Key words: dependency, Japanese-American relations, nationalism, Empire, Brzezinski, Tariq Ali

Starting with a policy of sakoku (鎖国) in the seventeenth century, excluding the country from the outer world for more than a century, Japan grew to be one of the largest economies of the contemporary world with a nominal gross national product (according to the data

collected by IMF in 2014) of 4920 billion dollars, one of the major exporters of high technology. It's a remarkable notion that such a small insular state as Japan, lacking natural resources, has gained a capacity of economic competition with two superpowers – China and the United States. As for Japan, such a success is possible greatly due to its specific national features which were developed throughout its unique history and through Japanese long-term and deeply-rooted contacts with Chinese civilisation and the neighbouring Korea. The Japanese were taught that the success of the nation is superior to the individual one, so they exerted all their potential working extra-time to boost homeland's economic expansion[1] being at the same time trustful and cooperative. Mental character of the Japanese was shaped by their national understanding of Buddhism, which was exported there from Korea in the sixth century, by the practice of Confucianism, borrowed from China and aimed at reinforcement of Emperor's rule, and by their traditional practice of Shinto, which encouraged them to observe nature and have a respect for beauty. Japanese cultural originality distanced it from the Western world and is to blame for the development of Japanese nationalism (which was also nurtured by Japanese perception of the Emperor who was believed to be a son of goddess Amaterasu who descended to Earth from Heavens and laid a foundation of Japan). Nationalism has always been, in fact, to some extent a milestone of Japanese foreign policy, the primacy of the factor doesn't need to be reasserted – in the twentieth century it even resulted in militarists' rise to power which drew the nation into World War II. Accordingly, isolationism has become Japanese way of relating to other political entities, and up to present days it can be disclosed in Japanese endeavors to distance oneself from the greater part of the events occurring in Europe and Asia (another form of this nationalism is pacifist ideas characteristic of Post-World War II Japan [2]). Notwithstanding it

doesn't mean that Japan has been refusing to engage in world politics at all, the time had passed when a country had been able to stay aside. Modern Japan is starting to play greater part internationally as it yields the results of prosperous decades and reconsiders its history.

Despite the fact Japanese financial system is presently at the peak of one's might, we have to admit Japan is no longer an absolutely independent state (although it's fighting to become independent). It ceased to be one after the bombing of Hiroshima and Nagasaki followed by American full-scale occupation and deployment of several military bases on Japanese territory (most of which are still there). Then it was dictated by the confrontation of imperialist America with the communist Soviet Union and American need to be able to influence the situation in the Asia-Pacific region. Consequently, it's for the assistance of the United States that Japanese post-war economic miracle was possible. The winner of the war did everything in order to fend off communism by the elimination of all the premises for the hypothetical communist revolt in Japan, also by this means America managed to attain Japanese perpetual political support.

But before we proceed to direct discussion concerning Japanese dependence, let us briefly review some of its histories. Westernized Japan was born on the day Meiji revolution (明治維新) was initiated, although then it was solely a project to be implemented. Why can we denounce the period as the beginning of the Japanese shift towards Europe? Because many of the reforms introduced were based on European order: the education system was reformed after the French; the established parliament (Japanese Diet) was based on the idea of the separation of powers; a new army was modeled after the Prussian force, and Japanese scholars went to Europe to study science bringing home European philosophical thinking (these steps were dictated by the need to survive and successfully compete in the industrialized world).

But before the fall of the Tokugawa Shogunate, there was another event that had changed Japanese history. It's only after American Commodore Matthew Perry had moored to a shore close to a city of Edo and forced the shogun to sign the proposed trade treaty that Japan started becoming a semi-colonial state. In advance Perry had sent a letter to a shogun demanding that Japanese government (bakufu) signs The Kanagawa Treaty, otherwise, Perry would declare a war on Japan – unluckily for the Japanese, Perry's "embassy" was accompanied by a well-equipped fleet. The Kanagawa Treaty opened the ports of Shimoda and Hakodate to foreign trade and at the same time, it didn't include provision for it [3]. American government nicknamed it 'gun-boat diplomacy'. Surprisingly enough, the Japanese themselves often-times happen to forget that the establishment of Japanese-American relations was promoted mainly by the violent threats, not by the mere diplomacy.

More to that, for some reason everyone seems to miss out how non-democratic of America it has been to nuke thousands of innocent people only for the sake of demonstrating the Soviets the devastating capability of newly designed nuclear arms. It's a widely accepted truth that by the time two bombs were dropped on the cities Japan had already been defeated and ready to surrender. In spite of everything, the incident hasn't been even pronounced to be a war crime and the case has never been brought to the court until Russian State Duma proposed instigating an international investigation into the bombing in 2014 [4]. The reason for the prevalent amnesia is the rewriting of Japanese history that was put into practice by American overseas administration[5]. Negationism is one of the expedite tools that do a great service for the sustainment of the United States' global domination. Also, why shall Japanese government bother making the superfluous dispute over the events so long-gone while it currently enjoys such

productive relations with the U.S.? Actually, the case of Japan is paradoxical in a way that the dependence appears to be advantageous for now. But what were the other stages in the history of Japanese dependence (or independence)?

The period of Meiji Restoration was also marked by Iwakura mission aimed at renegotiation of unequal trade accords with Western countries. The desired outcome wasn't achieved, but two other objectives were – that was to present a credible face to the Western countries and to take up some of their skills in economics and administration [6]. Thanks to the diplomatic mission, Japan commenced the reforms that would later contribute to Japanese war victory over Russian Empire. At that time Empire of Japan succeeded in preserving the sovereignty, it became a truly independent country, but unfortunately, it didn't last long. After the World War I was over, Japanese leaders faced a number of policy alternatives (the first one was presented by Foreign Minister Shidehara Kijuro, another one – by Japanese Prime Minister Tanaka Giichi and the last one by political philosopher and the inspirer of militarists' rule Kita Ikki) and they chose to act according to the most radical one (Kita Ikki) which proclaimed Japanese historical mission to overturn international status quo, dominated by Europeans.[7]

Having looked at the history, we get back to our primary discussion which is whether present-day Japan keeps being dependent. There is no consent among those who study International Relations whether the country is presently being penetrated by the will of the United States. To clarify once and for all the statement that Japan has been excessively dependent on the United States, let's refer to the Zbigniew Brzezinski's work "A Great Chessboard" which reads: "As one of the very top economic powers in the world, Japan clearly possesses the potential for the exercise of first-class political power. Yet it doesn't act on this, eschewing any aspirations for regional domination

and preferring instead to operate under American protection.” Hereby the former conclusion that can be drawn is that Japan in consideration of foreign affairs and national security acts mostly under American protection. Afterwards, we disclose that Japan has chosen the passive role more or less voluntarily. Later on, Brzezinski proposes that U.S. should cultivate Japanese self-restraint, thereby keeping it from becoming a geopolitical actor; also he states that if China and Japan are to unite, it would be an end of American prevalence. He suggests that the U.S. should at all costs prevent the Japanese-American ties from weakening. Well, for now, let us estimate the current influence of Brzezinski’s thinking on those who are responsible for decision-making in the U.S. administration, are his ideas still relevant? The article titled “The Man Behind Obama’s Foreign Policy” supposes it to be so[8], more to that, from looking at an article by U.S. News “Zbigniew Brzezinski Still a Foreign Policy Force” we see him being a foreign policy adviser not only to Barack Obama but also to George H. W. Bush [9].

All in all, the U.S. considers Japan to be its only true and loyal ally, and so thinks Japan of its only protector whose trustworthiness was reassured by long-term cooperation. The issue of Japan gets much more complicated if we inquire into the history of Japanese-American relations. Once more it proves the statement that Japan partially desires to be dependent, settling a sui generis compromise by signing Treaty of Mutual Security and Cooperation in 1960 – the U.S. agrees to assist Japan with its border patrol, so that Japan can peacefully abstain from engagement in the world affairs and concentrate on the internal affairs (for that moment it needed time off for the post-war reconstruction). In return, Japan readily advocates all American undertakings regardless of their actual use toward the nation. Since the treaty is in force up to now, Japan proceeds to be a politically-military protectorate

of the States. For instance, Japan had to impose sanctions on Russian Federation in spite of the collision of such a policy with Japanese ongoing attempts to return four Chishima (Kuril) islands. Actually, the sanctions were imposed soon after John Kerry's meeting with Japanese ministry of foreign affairs Fumio Kishida in New York on September 23[10]. In conclusion, it may be said that the soft power is the main principle of American approach to relations with Japan, only by rethought application of this method was it possible to contain Japanese national interest (in a number of specific cases which interfered with the interest of the U.S.) and deter Japanese nationalism from crossing the boundaries.

But is there really a place for dependent states in a world where globalisation, liberalism and democracy are preponderant? Generally speaking, what is called neocolonialism is widely spread greatly because of its functional importance to the existing world system. It's vital for the capitalism-based democracies to have an unlimited access not only to the internal markets of different countries but also to their internal affairs and management systems. But isn't it a flagrant violation of the principle of sovereign nations defined and preserved by the UN? The conception of sovereignty has gradually been shifting since the signing of the Treaty of Westphalia and nowadays so-called humanitarian intervention is performed on various occasions by a variety of nations who are members of NATO. The renowned book "Empire" by Antonio Negri and Michael Hardt proclaims that it is *Empire's* duty to present force as being in the service of right and peace. The authors conceive that the imperial sovereignty enables *Empire* to conduct juridically legitimate interventions. During the interview dated July 8 2002 a British-Pakistani writer Tariq Ali, making reference to Negri and Hardt's work, states the following: "*Empire* is a very stimulating account of globalisation, but it is hopelessly wrong on two central issues.

The state has not withered away. Strong states still exist—USA, China, Germany, etc—but the difference with the past is that there is now only one Empire and this is not the nebulous entity imagined by Cultural Studies, but a real, living organism and it has a name; the United States of America”. So, authors also hint that the U.S. is the XXI century empire.

Now a need arises to define whether economic intervention to be considered as a challenge to the national sovereignty. If we presuppose it to be true, then we are to admit that this day even a scope of the developed countries possess only limited sovereignty due to their involvement in such multilateral structures as the World Bank and International Monetary Fund. Strictly speaking, it wouldn't be an intervention since the participation is voluntary (which means that participants support the idea of giving away some of their economic sovereignty for the sake of better cooperation) if only these two organisations weren't used by a certain country for the sake of reinforcement of its own policy.

As a part of the Informational Age, a new type of external control emerges – this is a control maintained by propaganda and by the indirect impact on psychics of the masses through media (which leads to Informational Wars). For instance, Japanese people are told that Japan is absolutely independent in its foreign policy, also we know that it is not true. Mayor of Tokyo claimed that the U.S. had persuaded Japan into imposing sanctions on Russia, and Japan couldn't have resisted because it is dependent on the United States in regard to security[11]. Hence, by means of providing Japan with security, the United States manage to greatly influence Japanese decision making.

There is another method of legal infringement upon the sovereignty of the nation – it is authorised by a treaty agreed and signed by both countries. Moderate Japan is a participant of Trans-Pacific Partnership

since 5 October 2015. The treaty allows foreign investors to legally interfere in some of the Japanese internal affairs[12]. Senator Bernie Sanders, who is a current participant of the presidential rally, writes[13] that the agreement will have a disastrous impact on the poorest people of the world; the only interested party here is a multinational business. Still, it is to be discussed what form the final document will take. But what is TTP in general? It's a major trade treaty which is negotiated behind closed doors by representatives of the United States, Canada, Mexico, Chile, Peru, Malaysia, Singapore, Japan, Vietnam, Brunei and Australia[14]. What's most important here is that government officials do not have an access to a draft text, so they have absolutely no idea what the businessmen are signing. International Business Times' article[15] reads: "The draft language in the 95-page chapter alarmed advocacy groups on both sides of the Pacific Ocean, as it made clear that the secretive negotiations over the TPP have produced a document with wide-ranging implications for copyright law, Internet freedom, access to medicine and other important domains". It needs mentioning that protesters in Tokyo had posters on which it was said that "TPP will make Japan a colony of USA". There was no response from Japanese ruling party to Japanese citizens' requests to interfere and stop the negotiations. Overall, the modern Japanese economy is comparatively independent of American, and yet Japan is the major foreign source of financing of American national debt[16]. In many cases, it's difficult to distinguish simple cooperation from subordination, but it can be said for sure stronger Japan becomes economically, weaker become the ties restraining its will.

The representatives of the state are also participants of Trilateral Commission[17] – a globalist project backed by the U.S government. TRICOM members were to influence both those who are wealthy and those who are directly involved in policy making of Western Europe

and Japan, so all the affluent nations would play according to the rules proposed by the States[18]. It was another mechanism aimed at the attainment of American domination; the final goal is to establish The New World Order. And the Trilateral is indeed extremely functional since politics and the richest businessman have their own tangible interest in joining the organisation.

To crown it all, the current Constitution of Japan, which was enacted on May 3, 1947, was composed under omnipresent American supervision, thus at the same time corresponding to American national interest and American understanding of the proper law system; once again Americans were creating a market for their products and a justification for a continuous military presence in the region. But not only was it written under American watch, but the draft of it was produced in Washington D.C. [19]. A successful transplantation of American democracy was completed. Article 9 of the Constitution, also known as a no-armed-force clause, prohibits Japan to maintain land, sea or air forces. On the one hand, the article may seem just, since it keeps the country from a possible war (mainly it serves as the punishment for Japanese aggressive role in the WWII), but on the other, it deprives Japan of a right to declare and end the war. With the number of troops permitted Japan cannot protect its borders from a potential external threat. Not to mention, Japanese Self-Defense forces (numbered 247,150 troops) are unlikely to withstand against American forces (numbered 53,000 American troops, but more thoroughly trained and provided with a better military equipment) positioned on both Okinawa and the Japanese main island in case the conflict emerges[20]. Recently there has been a heated discussion in Japanese society concerning the placement of the U.S. military units in Japan and amending the Constitution to lift the ban on fighting in the conflicts overseas[21]. Finally, in the year of 2014, there was a reinterpretation of the Article 9,

which allowed Japan to assist its allies in case one of them is to be attacked (what is mostly beneficial to the U.S.)[22]. As for the relocation of American troops, after dozens of protests held by the population of Okinawa, the U.S. announced plans[23] to transfer some of the troops stationed in Japan, thus expressing nothing but a good will with respect to one's Pacific neighbour. Conclusively, we may see that the progress has been made in Japanese liberation, but it wouldn't be possible but for American support.

It is no surprise why Japan tolerates such a strong American influence - the country is concentrated on the maintenance of the economic thriving, more to that, similarly to Germany, the nation is still a subject to a terrible remorse for the crimes committed by Japanese militarists during the World War II. From a different perspective, the truth is that information on some of these crimes has also been excluded from officially approved history textbooks [24]. As a matter of fact, existing Japanese society is stable due to an evenly distributed income and a high standard of living.

In general, Japanese people are constituted in a way that they are extremely bearable and patient. It is their mentality to blame for the little interest shown towards the events taking place abroad. Additionally, the Japanese are used to hiding one's true feelings and controlling oneself all the time. Still, collectivist tendencies prevail over individualist. According to a notorious psychologist and philosopher Erich Fromm, Eastern civilisations always had a different perception of the world compared to European – they used to be non-materialistic and didn't know what it means “to have”. Japan is still on a stage of adolescence if it comes to relations with other nationalities. As far as linguistics concerned, in the Japanese language a verb is always positioned at the very end of the sentence – this fact defines Japanese way of thinking and is essential to mention in order to achieve a better un-

derstanding of Japanese character. The language has been greatly changed throughout XX century – now even such commonly used words as ‘love’ are very often substituted by American analogues and if an old Japanese woman to open a book written in 2009, she will have difficulties understanding some of the vocabularies.

As for particularly Japanese nationalism, it was brought about by previous Japanese self-imposed exile and subsequent incapability of Japanese people to understand gaijins’ mind. Japanese culture itself is to such a degree different from the Western one that this inability was easily preserved across the generations. Similarly to the U.S. and China, Japan has always perceived itself as the centre of the civilised world. Japan has become the best country possible for the Japanese to live in. Even after the country was defeated in the World War II, the education continued nurturing national pride despite a number of attempts by American Administration to uproot it.

Nowadays Japan keeps being a relatively closed state which sometimes infringes upon rights of foreigners (e.g. foreigners are not allowed in some of Japanese bars and restaurants) and provides very limited possibilities for immigration.

At least a passing reference should be made to the history of Japanese-American relations between Opening of Japan and World War I, between the occupational period and the moment when Japan successfully restored territorial integrity. After seven years have passed since Commodore Perry’s departure from Japan, the Japanese government sent an embassy to the United States to reinforce bilateral relations and attempt to revise imposed treaty. The period followed when the relations of two isolationist countries were passive. Some years later Japan supported the U.S. idea of ‘an open door’ in China and invited American president to act as a mediator after the Russo-Japanese war of 1904-1905. It was after then that Japan started to act aggressively to-

ward the neighbours, trying to make possession of Southern Manchuria. Japan saw the Great Britain as an alternative to an alliance with the United States, and Anglo-Japanese Friendship Treaty was signed in 1902. Once again the United States demonstrated the power to Japan by sending The Great White Fleet as a response to a growing interest in Japan in becoming a dominant of the Asia-Pacific region. It was the time that the United States and Japan finally settled a problem of Japanese immigration – the solution is known as the Gentlemen's Agreement made sure that Japanese immigrants would have equal rights with Americans. It was soon that Japan understood it's destiny to expand over its neighbours – the attempt resulted in a war loss.

Occupation of Japan was ended on September 8 1951 after San Francisco Peace Treaty was signed[25]. Surprisingly enough, it was the same day that Japan also signed Japan-U.S. Security Treaty[26] which granted the U.S. with an opportunity to keep the military bases in Japan and at the same time obliged Japan to pay for the stationing of U.S. forces. According to Japan-U.S. Security Treaty, the U.S. established military administration on Okinawa. The newly formed alliance makes no sense in a way that two wartime adversaries allied so quickly. It looks as though the U.S. used its authority over Japan to dictate one's will. Following the treaty, Japan also agreed to establish Japan-U.S. Joint Committee on Trade and Economy during the visit of Japanese Prime Minister Ikeda to the States in 1961. In 1967 Prime Minister Sato reaches a compromise with the U.S. President Johnson in matters of the restoration of Ogasawara Islands to Japan, which for a long time have been a cause for frictions between allies. In 1969 Japan Sato also succeeds during the negotiation on Okinawa's reversion to Japan, and only three years later did it finally happen; vice-president of the United States Agnew represents Nixon at Okinawa Reversion Ceremony. The ceremony was broadcasted throughout the country and met with pub-

lic approval.

It's by means of trade and pop-culture (an essential element of which is television) America managed to win Japanese support. There is little left of the traditional Japanese culture, it insensibly dissolves as the West takes over. Present-day Japanese teenager is no more concerned with religious practices or Japanese ethical norms, Japanese illustrious politeness; he, who once was all too modest and reserved, prefers American movies to Japanese and frequently strives to apply to an American college; he has no interest in politics while he has life to live and goods to purchase. A world web public survey demonstrates that the greatest number of Japanese still share a favourable attitude towards America [27]. So, taking the results of the survey into account, we can presume that the numbers of those who actually oppose American presence are not enough to persuade Japanese politics into making decisions regarding the total liberation of the nation. For some reason, the politics seem to be satisfied with the stability that the country reached by giving up part of its sovereignty. Indeed, how can Japan turn against the country which for so many years secured Japanese economic growth and did only good? More to that, Japan doesn't seem to have many beneficial regional alternatives to an entanglement with the United States. Japanese-Chinese relations are very unstable and full of controversies rooted in mutual claims for some of the Pacific islands. As for South Korea, It is itself extremely dependent on America since the times of confrontation of Eastern and Western Blocs although the ties have been gradually loosened. Russia wouldn't be able to substitute the U.S. as a trade partner. In 2013 American goods exports to Japan were estimated at \$65.1 billion, whereas U.S. goods imports from Japan totalled \$138.5[28].

Tariq Ali informs [29] that the word 'sovereignty' was forgotten by the Japanese. Then he explains that it didn't happen by accident. What

propaganda should have been used in order to turn the nation of fearless kamikaze and honourable samurais, who would never surrender even to the most horrendous enemy, into passive consumers? The author of the book *The Diplomatic History of Post-War Japan* emphasises that zealotry prevailed over Herodism, but really it is because of Herodism that Japanese tolerated American political pressure.

The last key element of American invisible control over Japan is the Liberal-Democratic Party of Japan which came to power in 1955; it was America who helped the party of businessmen to find the way to upper and lower house of a newly established parliament of the post-war Japan. Since then liberal-democrats managed to be the only dominant power in the country turning Japan into a single-party state. The only exceptions were when oppositional Democratic Party of Japan won in an election of 2009 and acquired the majority in the parliament[30] and mid-1993 when the party lost its majority in the Diet for a short period[31]. Karel van Wolferen, author and expert on Japan, argues that the Democratic Party failed to win the following election in 2009 not because of the weak policy it persuaded, but because it was purposely overthrown by the American government (of course, not directly)[32]. As long as America perceives itself as the Empire, it uses genuine empirical methods of control over territories – it appoints vassals, those who would promote interests of the Empire, and then pulls the strings to perform all the needed manipulations. But what role does Liberal-Democratic party plays? First of all, it pursues a democratic policy, thus making Japan much alike the United States. Secondly, the party is a promoter of liberal and democratic ideologies among Japanese electorate; it serves as a gear of the propaganda machine. Thirdly, it guarantees the permanent existence of Japanese-American alliance.

So, what is modern Japan – an economic rival to the U.S. which

gained a capacity to implement its independent policy or is it still a partially dependent state which keeps manoeuvring between the interest of American politics and its own citizens? As the world of foreign politics is complicated having multiple layers, it's rational to pronounce that Japan is neither of the above, but the country is now working towards the second option.

References

1. A long-running struggle over a new military base is coming to a head.
–
2. URL: <http://www.economist.com/news/asia/21643232-long-running-struggle-over-new-military-base-coming-head-showdown>
3. Brzezinski Zbigniew. The Grand Chessboard / Zbigniew Brzezinski. – New York: Basic Books, 1997.
4. Constitution-Making In Occupied Japan. – URL: <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=3609>
5. Duus Peter. The Cambridge History of Japan / Peter Duus. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. Volume 6.
6. Japan curtails its Pacifist Stance. – URL: <http://www.theatlantic.com/international/archive/2015/09/japan-pacifism-article-nine/406318/>
7. Japanese economic takeoff after 1945. – URL: http://www.iun.edu/~hisdcl/h207_2002/jecontakeoff.htm
8. Japan-U.S. Foreign Ministers' Meeting. – URL: http://www.mofa.go.jp/na/na1/us/page3e_000244.html
9. Japan to pay \$3.1bn to remove US troops from Okinawa, will host spy drones. – URL: <https://www.rt.com/news/japan-usa-okinawa-drones-697/>
10. Hardt Michael. Empire / Michael Michael, Antonio Negri. – Cambridge: Harvard University Press, 2000.
11. How To Fight The Trans-Pacific Partnership: Anti-TPP Petitions, Pro-

- tests & Campaigns. – URL: <http://www.ibtimes.com/how-fight-trans-pacific-partnership-anti-tpp-petitions-protests-campaigns-1475530>
12. Iokibe Makoto. The Diplomatic History of Post-War Japan / Makoto Iokibe. – London: Routledge, 2011.
  13. Nich Ian. The Iwakura Mission to America and Europe: The New Assessment / Ian Nich. – Tokyo: Japan Library, 1998.
  14. Office of the United States Trade Representative. – URL: <https://ustr.gov/countries-regions/japan-korea-apec/japan>
  15. Opinion of the United States. – URL: <http://www.pewglobal.org/database/indicator/1/country/109/>
  16. Overview of Japan-U.S. Relations. – URL: <http://www.us.emb-japan.go.jp/english/html/japanus/japanusoverview2009.htm>
  17. Security Treaty Between the United States and Japan. – URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/japan001.asp
  18. Senator Bernie Sanders: The Trans-Pacific Trade (TPP) Agreement must be defeated. – <http://www.sanders.senate.gov/download/the-trans-pacific-trade-tpp-agreement-must-be-defeated?inline=file>
  19. State Duma chief suggests trying US for WWII nuke attacks. – URL: <https://www.rt.com/politics/217787-naryshkin-russia-hiroshima-trial/>
  20. Text of the Trans-Pacific Partnership. – URL: <http://tpp.mfat.govt.nz/text>
  21. The Formation of the Trilateral Commission. – URL: <http://www.rockarch.org/publications/resrep/knudsen.pdf>
  22. The Meiji Restoration: Roots of Modern Japan. – URL: <http://www.lehigh.edu/~rfrw1/courses/1999/spring/ir163/Papers/pdf/hs3.pdf>
  23. The Trilateral Commission Website. – URL: <http://trilateral.org/page/7/membership>
  24. The Rise and Fall of the Democratic Party of Japan. – URL: <http://web.stanford.edu/~plipscy/kushidalipscydpjintro.pdf>
  25. The World Today - Japan: A Self-governing Colony. – <http://www.youtube.com/watch?v=tNt8Vg9XaL821>
  26. Thousands Protest U.S. Okinawa Base. – URL:

http://abcnews.go.com/International/story?id=83109&nfo=/desktop_newsfeed_ab_refer_homepage

27. TPP no done deal; hurdles include interpretation, legislative approval, U.S. election. – URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2015/11/16/reference/tpp-no-done-deal-hurdles-include-interpretation-legislative-approval-u-s-election/>
28. U.S.-Japan Economic Relations: Significance, Prospects and Policy Options. – URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/row/RL32649.pdf>
29. What Japanese history lessons leave out. – URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-21226068>
30. Zbigniew Brzezinski Still a Foreign Policy Force. – URL: <http://www.usnews.com/news/blogs/washington-whispers/2011/03/01/zbigniew-brzezinski-still-a-foreign-policy-force>
31. Zbigniew Brzezinski: The man behind Obama's foreign policy. – URL: <http://www.mintpressnews.com/zbigniew-brzezinski-the-man-behind-obamas-foreign-policy/21369/>
32. Gubernator Tokio: Iaponiya vvela sanktsii protiv RF pod davleniem SShA. – URL: <http://ria.ru/world/20140904/1022738565.html>

**Oriental Studies in Latvia between cultural origins,
the Soviet displacement and actual forms
of national Orientalism**

Introductory remarks. Orientalism in the 19th and 20th centuries was among attempts of Western intellectuals to collect facts about Orient, organise them in the scattered information and also transform them into one of the chapters of European humanities. Orientalism, informally, formally, objectively, repeatedly was described, invented, imagined, convicted, damned, justified, and revised in the academic literature and political criticism [Ioffe, 2006; Ioffe, 2009; Shteiner, 2009; Kobrin, 2008; Ryzhakova, 2014; Kobrins, 2009; Kucherskaia, 2007; Govorunov, Kuz'menko, 2014; Ashkerov, 2002; Nikitin, 2003; Teslia, 2011].

The dominance of positivist tendencies among Western authors and their careful fixation, systematisation and classification of the facts that were located in history, linguistics, and ethnography formed their collective representations about Orient and transformed them into a single and honourable science with its object and subject. The 19th century in European history was the era of rapid formation, dynamic emergence, and development of national schools in Orientalism. Orientalism as a new science about Orient as the rest of non-Western world developed quickly and confidently. The considerable colonial experience of some European countries including France, Russian Empire and British Empire stimulated the development of national schools of Orientalism as collective Western knowledge about non-West. Collective Western representations about Orient were always subjective because

there are only 'people of Orient', 'Asians', 'Semites', 'Muslims', 'Arabs', 'Jews', only race, types of thinking, the nation for the Orientalists,... Orientalism is the description of the Orient and Islam from a certain point of view in the wider sense of the word, which does not always grasp the true state of affairs and often distorts reality. Orientalism regards Islam and all its derivatives including a culture, a civilisation, a geographical area as something that does not fit in human understandings of the rational, pragmatic style of Western thinking since the Reformation" [Muhamedzhanov, 2014]

These new national Orientalisms simultaneously were histories of its imagination and invention, the conquest and subordination, exploration and colonisation. Unique national academic schools of Oriental Studies gradually emerged in other European countries also, including Italy, the Netherlands, and Germany. A history of Orientalist traditions in these countries form the stable hard-core in a history of European Orientalism, but its history is not limited by academized Oriental experiences of leading states only.

Other European countries, including small and peripheral states, also made their national impacts in the formation of the invented and imagined Oriental traditions of Europe, but their voices, roles and significances in the adjusted and harmonious choir of the great Orientalist nations were hearing less. The peripheral European countries, which gained state and national independence and sovereignty, only in the first quarter of the 20th century after the collapse and the fall of European continental empires also attempted to form their own national schools of Oriental Studies, and Latvia is among these unknown members of European Orientalist imagined community.

The purpose and tasks of the article. The purpose of this article is the analysis of the main problems and features of the invention of Oriental tradition in a history of Latvian humanitarian community. The author will analyse national intellectual roots and origins, external, predominantly historical German and Russian incentives,

and actual American impacts that formed Latvian Orientalist discourse. The author intends to analyse the basic forms, methods, tactics and strategies of formation and development of collective representations about Orient in a history of Latvian intellectual discourse in the pre-state period, in the First Republic's era, during the Soviet occupation and after the restoration of independence.

Methodological backgrounds. The author presumes that modern constructivist approaches are applicable for studies of Orientalism's history in Latvia. American and British intellectuals, including Benedict Anderson, Eric Hobsbawm and Terence Ranger [Hobsbawm, Ranger, 1983] in the first half of the 1980s identified and proposed program ideas, principles, terms, and definitions including "imagination", "invention", and "tradition" which in the following years formed conceptual apparatus of constructivism in the context of intellectual, a new social and cultural histories. Eric Hobsbawm and Terence Ranger defined the invention tradition in the following way:

[...] invented tradition is taken to mean a set of practices, normally governed by overtly or tacitly accepted rules and of a ritual or symbolic nature, which seek to inculcate certain values and norms of behaviour by repetition [...] [Hobsbawm, Ranger, 1983]

The author presumes that this definition and other methodological principles proposed by Benedict Anderson, Eric Hobsbawm, and Terence Ranger can be applied for studies of Orientalism's intellectual history in Latvia. On the other hand, the author presumes that a history of Orientalism in was a part of social and intellectual history in its cultural [Burke, 1997; Burke, 2008] forms and dimensions. Therefore, the author insists that the history of collective concepts of East and attempts to imagine and invent Orient, academic desire to localize and map Oriental spaces and contexts in historical memories and national identities can be written as a cultural history,

but it stimulates and inspires the historian to abandon the old and archaic methods of histories writing. A history of Latvian Orientalism can not be written; it can be only imagined and invented: every historian is free to write a history of Orientalism in the most applicable and acceptable intellectual coordinates and methodological preferences.

Preliminary orientations in terminology. The Latvian language uses two words for reference of different Eastern meanings and senses, for the actualization of Otherness, for characteristics of non-Europeanness and description of non-Westernness. This situation made Latvian academic discourse closer to English language forms. English language, as Latvian one, also uses two words – East and Orient – the first one for the description of geographical, spatial, and territorial understandings and the second one for the actualisation of political, cultural, religious, and ethnic perceptions. Word “austrums” belongs to a common Baltic lexical fund and it is akin to Lithuanian “rytus”.

Lithuanian and Latvian Baltic general designations of the East have common etymologies and genetically rooted from the designation of the dawn and sunrise. “Austrums” and “rytus” fix the fact morning and victory of the light over darkness. Latvian and “rīts” and Lithuanian “rytus” also link with mental mapping of the East in Baltic languages. Word “Oriens” in the Latvian language belongs to the academic discourse and number of neologisms. “Oriens” represents the East as the cultural, political and economic category. The genesis of words with Orientals meanings and genetically related and linked with its concepts of Orientalisms and Orientālistika belong to the number of contentious problems. German Orientalismus could encourage the emergence of these concepts in the Latvian language, but the author presumes that the later and actual influences of English-speaking American discourse where “Orientalism” is in active academic use encouraged and inspired its in-

tegration in Latvian language imagination and symbolic landscape in Latvianized form as “Orientālisms”.

Preliminary orientations in typologies. The dualism in the linguistic imagination of the East in Latvian language influences on genesis, emergence and development of collective ideas and representations about Orient among Latvian intellectuals. The political history of the 20th century, a brief period of state and national independence, and the Soviet (re)occupations in the 1940 and 1944 provided earlier neutral “austrums” with politicisation and ideologization in Latvian intellectual and linguistic imagination. Latvian romantic poetry mythologized and idealised Austrums and romantic poets provided this concept with collective representations about the revival of nature and man, dawn, sunrise etc.

The positive and romantic mythologizations of Austrums ended in 1940 with the beginning of the period of Soviet occupation, which led to the actualisation of negative connotations of “austrums” in Latvian linguistic imagination. The concept of “austrums” politically and ideologically changed and evolved during the Soviet period. Latvian intellectuals began to associate it with organically hostile and alien East. Latvian intellectual invented Russia or Krievija in language imagination as universal geographical, political, cultural, and collective incarnation of “austrums”. The rest of the East in Latvian linguistic and cultural discourses evolved and developed as politically and ideologically neutral and geographically distant “Orients”. Latvian collective Oriental representations have much in common with the same concepts in Polish academic tradition of Orientalism, where Russia become part of non-Western and non-European political and cultural world.

Fragmentation of Oriental locus. The collective representation about “austrums” among Latvian authors and intellectuals never were stable, but they constantly changed and transformed. Historically Latvian intellectual proposed three forms of collective representations about “austrums”. The folk Latvian traditions represent

the first perception of “austrums”. Traditional folk culture represented in Latvian *dainas* and actualized pagan collective representations and ideas about East. These ideas genetically traced back to a common Indo-European mythology in the context of perception of “austrums” as a place where the sun is born. These ideas about “austrums” are archaic and have traditional legitimacy. The second form of collective representations about “austrums” became a result of the nationalist revival and a history of Latvian national movement. Latvian nationalists and romantics assisted to the idealization of “austrums” in the romantic coordinate system, but Oriental motifs and themes never were among the dominant and dominating in Latvian poetic discourse.

Political developments and the negative dynamics of the second half of the 20th century actualized different dimensions of “austrums” in Latvian prose, but the majority of Latvian authors, especially in exile, preferred to develop and cultivate negative connotations of “austrums” as geographical territory where Russia is located, because the interior regions of the USSR, including Siberia as place of exiles and deportations actualized negative trends on imagination of “austrums”. The experience of forced intercommunication of Latvians with Russia, as part of imagined geographical East in the 20th century, was predominantly negative and significantly influences on their collective ideas about “austrums” and determined the main vectors and trajectories of actualization of negative images of “austrums” as predominantly Russian space.

The third form of collective representations about “austrums” is academic in its nature, but “austrums” in this context transformed into “Orient” and collective understandings of it became known as “Orientālistika”. The following sections of this paper will be focused on the analysis of these forms of the imagined Oriental mental locus in linguistic, historical and political imaginations of Latvian intellectuals who historically were condemned and forced to fluctuate and

manoeuvre between ethnicised, politicised and romanticised “austrums” and ideologized and academized “Orients”.

Religious and secular origins of Orientalism. The development of Latvian Orientalism had bright national characteristics, but the actualization of Oriental experience and collective representations was impossible without external cultural influences and intellectual stimuli. German Baltic activists were among the firsts who tried to import Oriental motives and images in emerging Latvian identity, but these attempts were not successful because German intellectuals preferred to use religious forms of communication.

The attempts of German pastors, priests and teachers to translate religious Christian texts in Latvian language were the first attempts to map imagined biblical geographical Middle Eastern motives from New and Old Testaments in Latvian emerging identity. Oriental images became part of the traditional Christian identity of Latvians after translation of religious texts in Latvian language inspired by European Reformation, but traditional knowledge and collective representations about where Oriental territories are located and Biblical events took place did not become impetus for further transformation of these ideas in more complex and standardized collective representations about East. Latvian Protestantism in the period between 16th and 19th centuries had predominantly traditional and conservative, despite the attempts of its nationalisation and integration into emerging Latvian intellectual, political, and religious canons.

Latvian nationalism of the 19th and early 20th centuries emerged and developed as the secular movement and its aims were political and economic. The religious component in a history of Latvian nationalism was less developed than the same intellectual trends in neighbouring Poland and Lithuania, where nationalist ideologies rooted in Catholicism. The religious thinkers were among active participants of Enlightenment which preceded political Latvian nationalism that emerged in the 19th century and developed later

as the secular political movement. Nationalist modernization, invention and imagination of Latvian nation as a modern political and state nation significantly influenced and determined the main vectors and trajectories of development and intellectual history of Latvian literature. Latvian writers of the 20th century preferred to construct and imagine their invented traditions in a national and nationalist system of coordinates. Latvian poets as Latvian nationalists preferred to nationalise collective representations about the world as concrete geographical, political and cultural areas and landscapes, including Eastern and Oriental ones.

East in Latvian identity appeared primarily as Austrums, and Latvian nationalists were active in its nationalisation, imagination and invention of collective representations about Orient. Latvian nationalists integrated Austrums as invented tradition into Latvian national historical and geographical myth. The genesis of Latvian Orientalism had exclusively Latvian roots and intellectuals in Latvia when they invented collective Orient preferred to solve local problems. Russian orientalist Evgenii Shteiner comments the genesis of collective ideas about Orientalism presumed that

the Middle East for the Europeans of the middle of XIX century developed a number of purely Western European complexes”
[Shteiner, 2009]

Latvian Orientalists as their German or British colleagues invented and imagined their own Orients, but the similarities of Latvian Orientalism was radically different from Russian one. Russian historian Kirill Kobrin commenting on the features of the development of Russian version of Orientalism emphasises that

the subject and the object of the internal Russian transformed into a schizophrenic. Egyptologist in the colonial helmet, mummy and kid-fellah mixed into one being [Kobrin, 2008]

Latvian Orientalism developed differently because Orientalists in Latvia opposed themselves as West and Occident to Orient as non-West. Latvian Orientalism in this intellectual context became a classic case of the invention of Orient for its Western and European cultural objectives. The invention and imagination were key factors in this process and depended on the political and ideological conditions of general cultural and intellectual situation. The strategies of the invention significantly influenced and designated the basic trajectories of the invention of Orient in Latvian national discourse. The idea that Orientalism is an attempt to privatise “the right to speak for the other” [Govorunov, Kuz'menko, 2014] was one of the most influential in the historiography.

Latvian Orientalism as Russian or British, Dutch or Italian ones was an attempt to imagine and understand them, national and cultural identities. The imagination of Orient was an element in intellectual practices of the invention of Otherness. Latvian Orientalists as other nationalists preferred to speak in European and Western voices for others, deprived Orient of its voice, a place in a history and the right to write its own history. This situation became possible because Orient in Western historical consciousness and European cultural invented an imagined geography lost its attributes and characteristics of the subject and degenerated into an object for academic descriptions and museumification. Orient could not answer Occident on its attempts to invent, map, locate and organise it in frontiers of Orientalism. Orient in European historical consciousness was dead, and any attempts to its resuscitation or hear the voices of the extinct Egyptians and Babylonians also were achievements of West. Western Orientalists were able to translate ancient Oriental languages and texts into European ones and they made Oriental silent voices audible. Latvian Orientalists were among them in their attempts to imagine and invent Orient.

Austrums and universal temptations of Occidentalism. Latvian poets were among the forerunners of cultural Orientalism in Lat-

via, but they did not become founding fathers of Latvian national academic Orientalism. Latvian cultural discourse historically developed as part of Western political, intellectual, religious and cultural landscapes. German conquest in the 13th century actualized negative form of Occidentalization of Latvian cultural and political spaces. Latvian national movement in the 19th century, despite the fact that Latvia was part of Russian Empire, had a much in common with Western nationalisms because the West became political motherland of the universal and social principles and values of nationalism.

The objective political, social and cultural proximity of Latvia with other Central and Eastern European countries, its belongingness to the greater European context determined the main vectors, trajectories and directions of cultural Latvian nationalism's developments and transformations. Latvian romantic poets, who simultaneously were nationalists made a considerable and significant impact in imagination of nation as invented tradition. Nationalists preferred to idealise and mythologize national past and they also became the first inventors of the national history as an ambitious attempt to integrate Latvia in a European context and imagine it equal with other regions of Europe. Latvian writers in the 20th century preferred to invent Latvia in their dreams, ambitions, and aspirations in Western contexts: relatively geographically close and culturally understandable Italy and France, Paris and Rome became for them more interesting than exotic and mysterious countries and lands of geographically distant Orient.

Occidentalist perceptions and understandings of the imagined and invented geographic, political and cultural spaces in Latvian intellectual discourse, on the one hand, emerged and developed faster than other collective representations about Orient despite the fact that from the early 13th century until 1918 Latvia had not political independence and grievously existed as part of German political and Russian imperial spaces. On the other hand, an Occidentalist

paradigm in cultural and historical imaginations had the significant impact on processes of the invention of their own Orient by Latvian intellectuals. Latvian intellectual were able to invent their own tradition of Orientalism despite the two existential barriers. Firstly, Latvia is located geographically too distant from the classical Orient. Secondly, Latvia historically never was a victim of Oriental or Asian aggression and did not take part in the colonisation of Orient. Russian Empire was the main channel for familiarisation of Latvian intellectuals with Orient despite the attempts of this continental empire to be more Westernized and even a bit Europeanized.

Egypt as the premonition of Latvian Orientalism's cosmos. Latvians as Baltic Germans, Georgians, Poles, Finns, Lithuanians and Estonians in Russian Empire by the early 20th century had their own national intellectuals, national culture, literature and were among dynamically developing, the most educated and culturally developed groups. Latvian intellectuals, as representatives of national and religious minorities, were forced to integrate into the social and cultural institutions of the empire in general, including academic science and higher education. The significant number of Latvians got the university education in Russian Empire and their cultural presence in the social life of the republic allowed independent Latvia quickly organise its own system of higher education and establish the national university.

The return of a considerable part of representatives of Latvian intellectual community, who in the period of the Empire were forced to read lections in Russian universities, radically stimulated and inspired progress of Latvian science. Latvia in the 1920s made its first steps in the development of national traditions of Orientalism but did not have enough historical time to realise this project, despite it had necessary academic potential. Latvia in the period between the two world wars belonged to one of few European countries where Egyptology dynamically developed. Francis Balodis [Straubergs, 1938; Mugurevičs, 1997] became the first Latvi-

an professional Egyptologist in particular and Orientalist in general. The circle of academic interests of Francis Balodis was too wide and varies from classical Orientalism [Ballod, 1910; Ballod, 1912; Ballod, 1913; Ballod, 1914; Ballod, 1917] to studies of ancient Latvian history. Francis Balodis spent many years in Russia and understood the mixed nature of Russian political culture, where Oriental and Occidental elements co-existed simultaneously [Ballod, 1923].

Francis Balodis was also among the first Latvian intellectuals who began to study the internal Orient of Russia. Francis Balodis as representative classical Orientalism studied cultural problems of Egyptian history, including painting, sculpture, and religion of ancient Egypt [Ballod, 1924]. Francis Balodis in 1937 visited Egypt, where he participated in a conference focused on studies of Egyptian antiquities [Ballod, 1937]. Francis Balodis in interwar period published several books Latvian language on Egyptian history and culture [Ballod, 1924; Ballod, 1928], and became the founder of academic studies of Egypt in Latvian academic and intellectual discourse.

The works of Francis Balodis were known not only in Latvia. Egyptological works of Latvian historians were translated and published in Germany, Denmark and Sweden [Balodis, 1927; Balodis, 1942; Balodis, 1943; Balodis, 1947; Balodis, 1944; Balodis, 1949], and their recognition indicates a significant academic potential and possibilities of Latvian intellectuals to form and develop Oriental Studies, but Latvia was not able to successfully implement Egyptian academic project because the Soviet occupation, the incorporation of Latvia into the Soviet Union and the political repressions interrupted and stopped development of the Latvian Orientalism, which was among the most successful and promising cultural and academic achievements of independent Latvia.

From Robert Wipper to Roberts Vipers: Russian intellectual influence. The external influences determined the main vectors and trajectories of development of collective representation about Aus-

trums in Latvian intellectual discourse and they were extremely different. Russian historian Robert Vipper, who in 1924 emigrated in Latvia, inspired Latvian intellectuals in their attempts to create, imagine, and invent their own Orient. By the time of his emigration to Latvia, Robert Vipper belonged to leading Russian historians, but problems of Oriental history never were central and dominant among his academic interests.

Robert Vipper actualized them in his books focused on different periods of world history from antiquity to modern times. Robert Vipper from 1925 to 1928 published in Riga in Russian language three history textbooks [Vipper, 1925; Vipper, 1927; Vipper, 1928] where he factually repeated his pre-revolution lections in ancient, medieval and modern histories. The works by Robert Vipper in modern history were also published in three volumes in Latvian language in 1936. Some other texts of Robert Vipper including short popular essays "Light from the East" (1907) [Vipper, 1907] and "The Origins of Christianity" (1918) [Vipper, 1918] were focused on Eastern problems. These texts could be known and available for Latvian intellectuals because the great number of them studied in Russian universities. Boris Vipper, Robert Vipper's son, emigrated in Latvia with his father and successfully integrated into Latvian intellectual community where he became Boriss Vipers [Vipers, B. 1927; Vipers, B. 1937; Vipers, B. 1940; Vipers, B. 1988]. Latvian artist Kārlis Neilis in his memoirs wrote that

the professor sat down beside the projector and began to lecture in the very good Latvian language. It seemed that he during his life never told otherwise. The language flowed easily, without an accent. He uttered every word clearly and only it distinguishes him in contrast to other Latvians. It was so good to hear him! From that day, the number of listeners of his lectures increased twice" [Neilis, 1986]

Boriss Vipers, as his father, was not only an expert in a history of the Orient. Boriss Vipers studies a history of Western and Latvian

arts, and periodically actualized Oriental and Asian elements in their histories. For example, Boriss Vipers was among the first Latvian historians of art who began to study Chinese cultural heritage. The books [Vipers, 1925; Vipers, 1930; Vipers, 1936], formal and informal cultural influences of Robert Wipper hypothetically could become the intellectual and cultural stimulus for the genesis and further development of Latvian Orientalism because historian proposed original ideas and thoughts about Oriental history.

Latvian historians recognised the influence of Robert Wipper and integrated his ideas into the context of Latvian national historiography [Alksne, 1939; Bīlmanis, 1939; Stepermanis, 1939; Stepermanis, Švābe, Zeids, 1939]. Robert Wipper had chances to finally become a Latvian historian Roberts Vipers, but the Soviet occupation forced him to return to Moscow, despite the fact that Latvian intellectuals already accepted his ideas [Vipers, 1925, Vipers, 1936] and recognised him as the participant of Latvian national historiography and cultural history. One of the late Latvian works of Roberts Vipers “Vēstures lielās problēmas” [Vipers, 1940] significantly influenced vectors and trajectories of development of Latvian historiography and its theoretical, methodological, and conceptual backgrounds. Roberts Vipers was among those non-Latvian intellectuals who significantly influenced and inspired Latvian intellectuals in their attempts to write histories of nation-states and regions, histories of long eras and periods, including oriental themes in numerous contexts of world history.

Mental maps and the inevitability of Occident in the imagination of Orient. Oriental images in Latvian intellectual situation was less attractive than the universality of Western motifs, but in spite of this Latvian poetry provide its researchers with examples and attempts of its outstanding representatives to commit, imagine and invent Austrums as a collective hero of Latvian literature. Modernism in the 20th century [Tabūns, 2008] was a determining factor in a history of Latvian literature and nationalist discourse, but modern-

ism simultaneously actualized concept of West and East as collective representations in a dynamically modernising and changing Latvian identity. The genetic intellectual forerunners of European modernism, including Friedrich Nietzsche [Nīče, 2002], used oriental motifs and themes, but they preferred to imitate them and were far from classic Western Orientalism. Latvian intellectuals were familiar with “Also sprach Zarathustra” in the translation of Vilis Pludonis “Tā runāja Zaratustra” [Nīče, 2002] as the most “Oriental” text of German philosopher, where he imitated and simulated Oriental discourse.

Latvian poets imagined Orient as something geographically distant, rooted and localised in different cultural and religious traditions. These Latvian authors theoretically and methodologically were close to Western Orientalists. Latvian authors also used Oriental images in their lyrics. Jānis Rainis was the author of the poetic cycle “Austrumu dziesmas”. Jānis Akuraters, on the one hand, mentioned and sang Napoleon in his verses as a conqueror of the world, including Orient [Akuraters, 2013]. He also imagined Arc de Triomphe in Paris as a symbolic attempt to locate historical Occidental triumph and dependent status of Orient.

On the other hand, Jānis Akuraters actualized Orientalist images in his prose, for example, in the story “Indietis” [Akuraters, 1930] image of “Āzijas dēls” presents, but these attempts were rare and they did not have a systemic character in Latvian prose. Andrejs Eglītis belonged to the Occidentalists in Latvian poetry and pure Oriental images were very rare in his texts. His poem “Meditācija par nepiepildītiem sapņiem” [Eglītis, 2002 (1935)] only formally actualized Asian spiritual practices, but in fact, the text was personalist and too distant from Eastern values of collectivism. Valdis Grēviņš [Grēviņš, 2007 (1926), (1928), (1930), (1932), (1946)] was more consistent in his attempts to actualize Asian, mostly Chinese and Japanese, images in his texts, but Europe and West were his cultural ideals and William Shakespeare was more frequent among his

characters than Buddha. Edvarts Vizra [Virza, 2013] attempted to synthesise traditional nationalist romantic collective representations about Austrums with contemporary perceptions of modernism.

The poet combined Oriental motifs in his poetry with the cult of the machine and civic religion and progress. For example, Edvarts Vizra sang and romantically glorified technical Drang nach Osten in contexts of “pret sauli vērstie propelleri dzied jaunu dziesmu Latvijai” in his poem “Lidotājiem” [Virza, 1937], dedicated to Latvian pilots. Edvarts Vizra in this intellectual context cultivated the myth about Latvia as a new young and dynamic West, which opposed to traditional and archaic non-European Asian world. Latvian nationalists preferred and attempted to imagine the East and integrate it into Latvian centred system of cultural geographical coordinates. These motifs dominated predominantly in poetry. Some authors tried to analyse collective expulsion of traditional representations about Austrums, but it was not an independent category and mapped in contexts of idealising traditional pagan religion. Latvian intellectuals in the inter-wars independent Latvia and exile invented their own images of Orient in the context of European system of coordinates. Latvian modernists preferred to imagine Orient from Western positions because Occident was their universal cultural reference point, and “geographical macro criteria” of Latvian modernism, as Maija Burima [Burima, 2011] suggested, simultaneously rooted in European topos and located Latvian modernist culture in Western imagined geographies.

Occidental projections of politically banned and frustrated Orientalism. The mental paths of Latvian authors which led them to their discovery of Orient were too long and passed imagined worlds of Greek philosophy and Christianity [Kundziņš, 1936], which actualized various Oriental images. The chronological understandings of the past allow more organically fit different ethnic elements into a modern political nation. The history of past is only the past facts that are not burdened with the additional political meanings while mo-

dernity is constructed through a free interpretation of the past [Navuka i stratehii ... 2006]. Latvian philosopher and theologian Haralds Biezais [Biezais, 1939; Biezais, 1944] was among those intellectuals who actualized Oriental images in Latvian cultural discourse, but he preferred to integrate them into the greater Christian context. Orient was the background for development of other subjects: Haralds Biezais, for example, declared that "Palestine was the cradle of Christianity" [Biezais, 1953] and he also pointed out the necessity and importance of studies in oriental cults of antiquity and a history of Judaism, but Oriental motives in his text had secondary role.

Haralds Biezais, analysing a history of Christianity, actualized its universalist levels and dimensions because its history was interesting for him in the Western centred system of coordinates as an imagined and logically necessary bridge to nationalism. Latvian philosopher Pauls Jurevičs [Jurevičs, 1936; Jurevičs, 1947; Jurevičs, 1955; Jurevičs, 1956] believed that

countless times when people were suffered and felt miserable were in a history of the Western world" [Jurevičs, 1956]

Latvian intellectuals stressed that frontier political nature of Latvia, its forced geographical proximity to Russia as East assisted to the actualization of disaster feelings and negative collective ideas in national identity, but they also time believed in their involvement in Europe as voluntary captives "European charm". Pauls Jurevičs also believed that "our destiny is inseparable from the fate of Europe" [Jurevičs, 1960] and insisted that European cultural heritage and classical philosophy belong to Latvian culture in the same sense as it belongs to other cultures of the West. Pauls Jurevičs simultaneously insisted that some Asian cultures, including Indian and Chinese ones, were also among integral elements of "classical antiquity" [Jurevičs, 1960]. Pauls Jurevičs paid considerable attention to the

problems of the genesis of communism and believed that “it would be no modern communism without Christianity there” [Jurevičs, 1960]. Latvian philosophers in their attempts to analyse a history of Christianity inevitably actualized its Oriental dimensions, non-Western roots and origins, and attempted to combine problems of Christianity with communism. Pauls Jurevičs and other Latvian intellectuals inevitably actualized Oriental roots of communist ideas and communist forms of economy. Pauls Jurevičs stated similarities between Soviet communism and Oriental despotisms in their solidary use of slave labour. Pauls Jurevičs compared communist rulers of the Soviet Union with

ancient Asian rulers of Egypt, Assyria, and Mongolia for whom human life was less valuable than the life of animals [Jurevičs, 1973]

Latvian intellectuals as representatives of the imagined greater European cultural family had potencies and social potential for the invention of Latvian national tradition of Orientalism, but they did not have enough time to realise this ambitious project. The Soviet occupation and Sovietization inspired emigration of some intellectuals who actually became hostages of the national myth and were forced to actualize it in their texts. The problems of cultural history and originality of cultures in the predominantly Western system of coordinates became one of the grand narratives which determined the main vectors of Latvian intellectual history in the 20th century. Pauls Jurevičs, on the one hand, actualized in his texts the collective feelings and understandings of the crisis of modern ideas. He presumed that Latvian impact in personalist philosophy became too late reaction on the rise of communism as an alternative to Western humanism and humanistic philosophy.

On the other hand, the philosopher believed that Western culture changed in the era of decadence and become less adaptive because lost some of its systematic features. Pauls Jurevičs insisted that

“the mechanical ideal” [Jurevičs, 1956] replaced moral ideals and spiritual values. This de-humanisation and mechanisation of culture were among incentives which inspired Sovietization of Europe, including Latvia. Pauls Jurevičs also presumed that philosophical category of “human” became a victim of cultural erosion [Jurevičs, 1950; Jurevičs, 1960], stimulated by communisation of Europe and its transformation into an ideological and political Orient. Pauls Jurevičs, commenting on utopias of the 20th century, believed that the new utopia institutionalised undemocratic political order and inevitably transformed Europe into a non-European, non-Western, but predominantly Oriental or Orientalized landscape.

The texts of Latvian philosophers and theologians demonstrate significant intellectual potential, deep integration into Western cultural canon and European philosophical contexts, but the Soviet occupation of Latvia and Sovietization of its intellectual spaces and cultural institutions in Latvian SSR led to fragmentation of Latvian intellectual discourse. Therefore Latvian intellectuals despite their interest in Orient could not and did not have time to form Latvian tradition of Orientalism. Orient and Oriental motifs and images were normal for the texts of Latvian intellectuals of the First Republic. Latvian intellectuals, who after the occupation of 1940 and re-occupation in 1944 preferred exile to forced journey in the wide open spaces, steppes and deserts of Soviet Asia and Siberia, also were able to provide their faithful readers in Latvian communities of Europe and America with numerous Oriental allusions.

Latvian intellectuals when they were reflecting on a history of European philosophy, analysing the historical and political experience of the West, debating on problems of religion and threats of secularism, unconsciously contrasted and compared Oriental and Occidental cultural situations. Orient in Latvian intellectual discourse presented and developed latently. Latvian intellectuals invented, imagined and constructed their own idealised Orients differently than their European counterparts. European Orientalism

historically was Orientalism of direct type because European intellectuals contacted with Orient as its colonisers. Latvian Orientalism was radically different from European one because it has a reversible character. Latvian intellectuals did not contact directly with Orient. The orientalised Soviet Russia, the Union of Soviet Socialist Republics, made Latvia contact with it because the USSR forced its Sovietization and incorporated it into its own political landscape. Sovietization of Latvia and the forced emigration of a considerable number of intellectuals fragmented Latvian culture, destroyed its unity and forced Latvian intellectuals to become hostages of the national idea and myth. Sovietization of Latvia became a mild form of political and ideological Orientalization. It actualized principles and values of forced Latvian cultural and psychological Orientalism, but it was not Orientalism Latvian intellectuals dreamed about. Latvian Orientalism in exile and cultural realities of Sovietised Latvian SSR became an unrealized project and inexcusable and unnecessary luxury because Latvian intellectuals preferred to preserve Latvian national identity and transiently refuse to develop classical Orientalism as invented tradition.

Attempts of national Orientalism's invention: poetry and nationalism. A history in the era of the nation-states is doomed to be a nationalist because actual state of the group actualizes and uses collective perceptions of the past. Zenon Kohut presumes that emergence of national historiography plays a decisive role in the formation of modern identity [Kohut, 2004], but the predominance of the national paradigm in texts of Latvian authors can be compared only with the dominance of positivism in the earlier historiography. History always was used to legitimise political processes and states and it becomes an important element of various national projects because its functions in the invention of identity were too important for nationalists [Kusko, Taki, 2003].

Latvian poets preferred to write in the national coordinate system and they had predominantly Western and European intellectual

and cultural reference points. They periodically actualized the Oriental images in their texts, but these motives never were among trends which defined national discourse. Viktors Eglītis [Eglītis, 1937] mentioned Arabs poetry in his historical mention, but they were not among independent images but appeared among Germans, Greeks and Slavs as trading partners of Latvian tribes. Pēteris Atspulgs [Atspulgs, 1937] more actively than other Latvian poets used motifs and with Oriental connotations and Eastern parallels. Pēteris Atspulgs in his the "Austrumu sargi", on the one hand, actively used oriental motifs, synthesised collective representations about "austrumos sarkana saule" with more stable mythical pagan connotations. On the other hand, images of Austrums as a political neighbour also presented in his texts because he mentioned "austrumu valstī".

Latvian intellectuals understood that ancient Latvians did not have direct contacts with countries of classical and geographically distant Orient and only Russia actualized its poetic non-Western status in Latvian poetry. Daugava, which "Austrumos Daugavas ūdeņi dun, Rietumos savijot straumes ar Gauju" [Cedriņš, 1937] in the Latvian poetic imagination monopolised status of a geographical water frontier and the symbolic mental border with Austrums in the poetry of Vilis Cedriņš, who compared two historical Latvian rivers as a symbolic personifications of East and West. Eriks Raisters [Raisters, 1937] cultivated the same sentiments and motives because preferred to mythologize and idealise Latvian tribes in their historical fights with Austrums which was symbolised and personified form of military and political threats.

Pēteris Atspulgs in his poem "Austrumu sargi" [Atspulgs, 1937] and Atis Ķēniņš [Ķēniņš, 1937] in "Latvijas robežnieku dziesma" imagined and invented simultaneously dual status of Latvia as the last stronghold and fortress of Europe, and also the latest historical and political border with its mediating role in the contacts between the world of the West and the landscapes of the East. Western clas-

sic Orientalism based on the opposition of Orient and Occident and the idealisation and chanting of Occident became universal in Latvian poetic imagination. These cultural trends simultaneously coexisted and combined with nationally localised forms and attempts to invent, imagine and fix Oriental images in imagined Latvian mental geography.

The poets, romantics and nationalists in this intellectual situation actualized the concepts of Austrums, they consistently preferred to write about. Oriental intellectual discourse in this situation developed as fragmented in Latvian poetry. The modernists and European-oriented nationalists preferred to divide imagined worlds in Oriental and Occidental. Romantic nationalists proposed other collective representations and images of Orient. They were inspired by the fact that Latvia in 1918 gained independence. Radical changes on political maps of the post-war Europe inspired them to revise imagined cultural geography and locate Austrums predominantly ideologically and less geographically.

Ideological and political dynamics forced them to imagine their neighbours as representatives of Orient with other political and even hostile ideology. The images of Austrums in the 1920s and 1930s changed and became less romantic but more secular and politically pragmatic. Latvian romantic poets revised earlier romanticism and Austrums lost its exclusive status as the birthplace of pagan idealised and glorified the sun. This pagan component in the invention of Austrums by the end of the 1930s became weaker than on the previous period. Latvian intellectuals abandoned collective inventions and individual imaginations of Orient as a mythical homeland of Sun. They preferred to its geographical opposition to the West and the historical cultural antithesis of Occident. The soviet occupation of 1940 and re-occupation in 1944 finally orientalized Austrums and made it full of Bolshevik threats and dangers.

Ethnic trends in Latvian invention of Austrums. Andrejs Pumpurs was among the first Latvian poets who in their verses ac-

tualized Oriental images. The military career of Andrejs Pumpurs was the result of Russian imperial colonial policy, and despite the fact that the poet was a Latvian, and was not a native from the classical Orient, he took part in Orientalization of Russian cultural and political landscapes. Andrejs Pumpurs [Cimdiņa, 2010] directly contacted with Orient realities because he participated in Russian-Turkish war in the 1877 and 1878. Andrejs Pumpurs actualized the images of Austrums in his central poem “Lāčplēsis”. Austrum appeared in this text in the context of Christianity:

Nav Kristus mācība jauna
iz austruma pamati viņai” [Pumpurs, 1928]

Andrejs Pumpurs actualized Eastern images also in the context of ancient Latvian pagan faith and collective representations of Latvians about their gods and sky:

Debešos viņi pret austrumu bada
Dievi gan karos, dievi gan dzīvos [Pumpurs, 1928]

Andrejs Pumpurs was among the first Latvian intellectuals who attempted to invent national version of the Aryan myth because they imagined and invented Austrums as a historic ancestral home of Latvian ancient gods and Latvians themselves:

Svētajie burti tikumus māca
Un stāsta teikas par austruma zemi,
Un apdzied latviešu varoņus dziesmās,
Dievības, ticības dziļumus atklāj” [Pumpurs, 1928].

Andrejs Pumpurs in “Lāčplēsis” cultivated idealized and mythological collective representations about Austrums as

zeme teiku pilna,

Šī tā sapņu valstība –
Austrums - svēta ilgošanās,
Pirmais tautu šūpulis!" [Pumpurs, 1928]

Austrums in poetry of Andrejs Pumpurs emerges as a universal geographical landmark in rudimentary archaic collective memories about distant pagan ancestral collective home of Aryans. Andrejs Pumpurs was among those poets who actualizes the pagan component in Latvian identity and inspires further development of collective ideas about Austrums in the context of the nascent and emerging Latvian version of Aryan myth. Another Latvian poet Auseklis [Auseklis, 1938], who also represented romanticism, also cultivated Oriental motifs and images, but he actualized them in the context of ethnic Latvian culture.

Auseklis, for example, mentioned in his texts the names of Latvian pagan heroes and gods, but academic studies of Latvian paganism in those years were simply absent. The names of pagan heroes surprisingly were tune with Indian ones and hypothetically it can not be excluded that Auseklis simply invented them or adapted Indian ones for Latvian cultural realities. Latvian intellectual of the First Republic Ernests Brastiņš and his supporters, including Alfrēds Goba, attempted to continue and develop ideas formulated in the era of romanticism by Andrejs Pumpurs [Cimdiņa, 2010] and Auseklis. Ernests Brastiņš attempted to combine ideas of Latvian political nationalism with ethnic nationalism, and he also radically suggested that paganism was the best basis for development of Latvian identity and ethnicity.

Ernests Brastiņš actualized concept of Austrums in a predominantly pagan and romantic system of coordinates, and presumed that Orient was a historical collective home for Aryan as Latvians ancestors, but Ernests Brastiņš preferred to locate it in Baltic region and insisted that 12 thousand years ago Aryans were the first people who predeceased to other Indo-European. Ernests Brastiņš imag-

ined and invented East as Orient extremely selectively. He was interested in East mostly in the context of the archaic ancestral home of the Aryans as Latvian ancestors. Therefore Ernests Brastiņš's interests in Indian religious cults had an instrumental nature only because they were interesting for him as potential source for the restoration of ancient Latvian religion because he believed that German invasion in the 13th century and further forced Christianization destroyed its ancestral bases and roots. Modern Latvian supporters and adepts of neo-paganism, inspired by experience and heritage of Ernests Brastiņš [Brastiņš, 1929; Brastiņš, 1931; Brastiņš, 1932], attempt to revive Latvian ethnic religion and actualize collective understandings of Austrums in context in solar narratives.

Contemporary Latvian nationalists of neo-pagan orientation, on the one hand, developed Austrums narratives and try to integrate them into ethnicized version of Latvian identity. On the other hand, contemporary followers and supporters of Ernests Brastiņš, as representatives of European neo-paganism [Ryzhakova, 1999] in general, attempt to nationalize collective representations about Austrums and transform them in more Latvian. Ernests Brastiņš tried to nationalize collective representations about Austrums, but Oriental problem never were among his main academic and literary interests despite he spent parallels between heroes of Latvian and Indian pagan pantheons [Goba, 1933]. India was the major collective source of Ernests Brastiņš's inspirations in his attempts to revive ethnic Latvian religion. He suggested for example to translate the New Testament and compare its text with Indian ones [Brastiņš, 1936; Brastiņš, 1938]. Ernests Brastiņš actively used Oriental narratives, but these intellectual tactics and strategies had predominantly political roots.

Oriental narratives in the interwar Latvian neo-paganism had exclusively applied and instrumental role because Ernests Brastiņš invented them as one of the possibilities in actualization of Latvian Aryan identity in the wider European contexts. Latvian nationalists as classical Orientalists imagined and invented their own Orients,

but Ernests Brastiņš preferred to write about Austrums in contexts of Latvian history [Brastiņš, 1966; Brastiņš, 1980; Brastiņš, 1993]. Ernests Brastiņš demonized East and presumed that it was the source of external threats and dangers. Ethnic nationalists in Latvia also formulated principles of intellectual and political Austrumism as a special case of perception of Austrums and Latvian private case of the invention of traditions. Latvian nationalists accepted East-Orient as Austrums, and they also tried to nationalize it and integrate in imagining Aryan geography. The intellectual strategies and tactics of Aryanizing of Orient assisted to mental migration of Austrums and its further re-invention in national system of coordinates. Latvian intellectuals politicized Eastern images, transformed them in national and provided them with classical attributes and characteristics of ethnic legitimacy and correctness.

Contemporary adherents of Latvian neo-paganism [Grīns, 1992] do not agree with academic versions of Orient. They tend to deny Orientalism because they imagine it as a threat to European ethnic purity. Latvian version of neo-paganism also actualizes the collective representation about Aryan Orient as a pure Aryan region or hypothetical ancestral home of Indo-Europeans. Latvian nationalists and regionalists in Latgale [Cherevenko, 2016; Valerjan, 2015; Valerjans, 2015] continue to develop ethnic trends in Orientalism and also try to compare Baltic languages with Sanskrit, but all these “theories” have nothing in common with earlier academic and ethnic Latvian forms of Orientalism and belong to the folk-history. The supporters of ethnic Latvian Orientalism prefer to actively manipulate with history, believing that its falsification and attempts to “export” contemporary national and ethnic identities in the past are quite normal and acceptable. Latvian nationalists extremely excite that Latvians are among the relatively young nations in Europe, and they believe that this fact is only one among numerous historical injustices.

Latvian nationalists as nationalists in other Eastern European countries in 1990s and 2010th repeatedly tried make history of Latvians more ancient. Nationalists believe that the best way to prolongize history is ancientizing of linguistic and ethnic ties of the nation they belong to. They also projected Latvian identity in ethnic and cultural groups of antiquity. Valdis Šteins [Šteins, Linde, 2016] actively imposes Aryan ethnicity to Latvians and compare numerous parallels with Oriental cultures. Māris Linde [Šteins, Linde, 2016] also actively compares Latvian language and Sanskrit, and eager to prove special close linguistic, cultural and ethnic affinities between modern Latvians and ancient Aryans.

Comparing Latvian language and Sanskrit Māris Linde express himself as Orientalist and Nationalist: he included in Latvian-Sanskrit dictionary compiled by him German words because he attempted to prove that Germanic languages had less in common with Sanskrit than Latvian language and Germans have no right to claim to be a pure Aryans. The parallels between Latvian and Sanskrit were clearly insufficient for Māris Linde and he compared Latvian with Etruscan language despite the fact that belonging of the last one is controversial and uncertain. Latvian austrumism has a lot in common with the Polish “wschodoznawstwo”, but it differs from it by tendencies to actualize collective romanticized ideas and myths about right Latvian Austrums or Russia as universal Eastern and non-European threat. Nationalist attempts to invent and imagine Orient as Austrums contradict and oppose academic tradition of Orientalism, where scholars replaced images and myths about Aryan national Latvian Austrums by simultaneously academized and geographically distant, religiously, culturally and ethnically different Orient.

Failed Latvian Soviet Orientalism: repressed and latent. Latvian Orientalism developed fragmently and discretely. Latvian intellectuals in Latvia and the Soviet Union cultivated and promoted various collective representations about Orient. Latvian intellectuals

who lived in the USSR after the First World War invented their own Orient, but they were forced to integrate their collective ideas in the official Soviet ideological canon and discourse. Latvian Orientalism in the Soviet Union was radically different from Orientalism in independent Latvia. If Latvian intellectuals in Latvia cultured representation about Orient and Latvian Orientalism proposed formally visible and recognisable versions of it, the Soviet version of Latvian Orientalism was different. Latvian intellectuals in USSR understood the undemocratic nature of the totalitarian Soviet state and cultured official ideological discourse.

Latvian poetry in the USSR was Sovietized, its nature and tendencies rooted from authoritarianism. Latvian writers in the Soviet Union between the two world wars in their texts actually invented and imagined undemocratic Orientalist discourse. The chanting and praising of Iosif Stalin [Eidemanis, 1934], the cultivation of narratives about Lenin [Ceplis, 1934], the active invention of a positive image of Bolshevik party were among the central features of characteristics of Latvian Soviet version of Orientalism. Linards Laicens formally imitated in his texts Oriental flavour and exotic [Laicens, 1934]. Latvian Orientalism in this cultural Soviet situation in the USSR mutated and actualized only artist functions.

The images of Soviet Caucasus in the poetry of Linards Laicens [Laicens, 1934] actualized the image of the new Sovietized Orient which was correct from the political and ideological viewpoint. Other Latvian poets in the Soviet Union [Preedneeks, 1934] also actualized the Soviet Central Asian images as proper forms of the Soviet Orient. Latvian Orientalism in the USSR was not political and developed as the intellectual project because repression led to the death of a considerable part of Latvian intellectuals in the Soviet Union. The repressions against Soviet Latvian intelligentsia, on the one hand, were the result of the frustration of Soviet elites in national communism. On the other hand, Soviet political ruling elites in the second half of the 1930s were not able to anticipate and predict

changes in the international politics and did not plan Sovietization of Latvia, but the rejection of these plans had temporal character.

Sovietization of Latvia in the 1940s led to its incorporation into the Soviet Union, but Soviet elites faced with new challenges. The repressions of the second half of the 1930s led to the destruction of national party leaders which were loyal to the Soviet regime. Soviet repressions of the 1940s and emigration of Latvian intellectuals significantly slowed down development of Latvian national Orientalism. The proponents of national Orientalism were exiled, Latvian pro-Soviet Orientalists were killed during the second half of the 1930s and these factors institutionalised intellectual vacuum in Latvian Orientalism in the 1940s. Soviet Latvian intellectuals between 1950 and the end of the 1980s did not have enough time to form a new national tradition of Orientalism and intellectual history of Soviet Latvia did not know what Orientalism was. Latvian Sovietised intellectual discourse contained only some elements from Orientalist mosaic. The development of Latvian national Orientalism delayed and postponed by half-century period.

The intellectual influences of Robert Wipper actualized their potential several decades later in the works of Latvian historians who specialised in ancient, medieval and modern history. Latvian intellectuals in the period of the First Republic did not have time to actualize the creative potential of Latvian Orientalism, and the incorporation of Latvia in the USSR forced them to deal with other tasks. They were more interested in the actualization of national Latvian history as a component of the preservation and development of the national identity. Some Latvian poets tried to develop Oriental motifs, but these attempts were formal, and writers, including Bruno Saulītis [Saulītis, 1972] were forced to integrate them into official political discourse and write about Korean War, Africa or China.

Orientalism in Latvia during the Soviet occupation degraded to external geographic forms, expressions, attributes, and Oriental narratives and images were gradually pushed out of national Latvian

memory and forgotten because they were no longer relevant to political and intellectual situations: it was ideologically banned and politically prohibited to develop national academic Orientalism in Latvia. Historians of nationalism, including Pavel Varnavskii, presume that the discourse of ethnicity from politics migrated in the discourse of culture in authoritarian and non-democratic societies [Varnavskii, 2003, 157]. Latvian Orientalism in the Soviet period lost its political forms and dimensions, and Soviet censorship minimised it to a small number of literature forms and dimensions.

Communist ideology did not prescribe Latvian intellectuals to form the image of Russia as the negative Orient in particular and Latvian intellectuals were unable to develop its national forms and versions in particular. Latvian SSR was one of those republics who was not allowed to establish and develop their national Oriental academic tradition, but Oriental motifs and themes sporadically appeared in texts of Latvian historians focused on different aspects of ancient, medieval and modern histories. Therefore, Orientalism in Latvia during the Soviet occupation was, on the one hand, latent, repressed and almost invisible. On the other hand, Latvian historians learned well the art of political and ideological mimicry and could mask their Oriental motifs in other formally permitted and ideologically authorised historiographical contexts.

Austrums in contemporary Latvian political discourse. Contemporary Orientalism in independent Latvia develops simultaneously in academic and political discourses. Latvian literature lost its functions and ideological commitments in the actualization of Oriental images after the forced Sovietization in the early 1940s and in the 1950s. Socialist Realism as politically and ideologically motivated form of modernism marginalised Oriental myths as archaic forms and relics of the pagan Latvian identity. Latvian literature after the restoration of political independence was not interested in the revival of the early romantic ideas about Austrums. Latvian writers sought to marginalise and forget Oriental myths and collective ste-

reotypes because they perceived them as relics of an archaic national ideological and mythological culture [Lācis, 2006]. Contemporary Latvian literary discourse develops as fragmented, but Latvian writers [Ogriņš, 2011; Ogriņš, 2012; Zvirgzdiņš, 2011] prefer to actualize problems of identity in a globalized or globalizing world and urban landscapes which also lost clear and strict geographical connotations with East and West because they became post-modernist imagined categories [Kalnačs, 2011] and re-invented traditions of urbanized post-Soviet landscape.

Latvian intellectuals concerned about the rise of influence and strengthening of Islam in Europe, including attempts of international Muslim publishers [Adb-ul-Alā Maudūdī, 2011; Šerīf Abdu-l-Azīm, 2011; Ahmeds Māris Bergholds, 2012; Ahmeds Māris Bergholds, 2011; Hadidža Daiga Kučinska, 2011; Muhammad At-Tamīmī, 2011; Salmāns Abū Dāvūds, 2011; Salmāns Abū Dāvūds, 2009] to promote and popularize the ideas and values of Islam in Latvia with use of Latvian language. Latvian intellectuals preferred to cultivate other forms of identity and integrate it into a wider context of attractive culture and literature of Western post-post-modern. If academic Orientalism gently and lovingly imagines and invents a perfect Orient, political Orientalism has much in common with the historical forms of Orientalist imaginations and reflection of the interwar period.

Contemporary Latvian Orientalism varies from negatively mythologization of Austrums to attempt to re-vitalize occult ideas of Nikolai Roerich [Streita, 2011]. Nikolai Roerich's figure was too attractive for Latvian Orientalists [Rudzīte, 2013; Rudzīte, 2014], who actualize his relations with Latvia and his attempts to compare Latvian language with Sanskrit. If academic Orientalism actively uses Western theoretical approaches and integrates them into Baltic regional and national contexts, leaders of political Orientalism are not interested in any theorizations of Orient. If academic Orientalism uses theoretical ideas of Edward Said for analysis of modern identi-

ties and studies of their genesis, different strategies of domination and subordination, political experience of Baltic nations in the empire, supporters of the politicised forms of Orientalism prefer to ignore these theoretical problems. Orientalization of Latvian intellectual discourse has different forms, but its not classical Orientalization.

Contemporary and actual Latvian Orientalism rooted from collective representations about Austrums. The forms and expressions of this Orientalism are also too diverse and range from the traditional Oriental cultural narratives in literature to attempts to actualize legacy of emigration and restore paganism [Biezais, 1961; Biezais, 2008]. Contemporary Latvian authors have much in common with European extreme rights who believe that Europe in particular and the West in general face with threats of migration with further Islamization. Jānis Rokpelnis [Rokpelnis, 2015] for example believes that

Europe in the previous centuries participated in the final battle, it almost won, and otherwise, it would have been an Islamic country” [Jemberga Briselē, 2004]

Leons Taivāns, Latvian Orientalist, who propose a wider definition of the Orient, including Russia, actualizes the danger of Turkish eventual integration into the EU, presuming that:

Turkey has no place in the EU if we wish to preserve our identity and do not want our grandchildren spoke in the Turkish language. Europe has problems with labour shortages, but Turkey is the best from the bad choice, but the effect of cheap labour is short-lived. Another problem is the compatibility of culture and civilisation... Islam and Christianity are incompatible, but politicians do not want to take into account that the Muslims are very serious in religion... Europe will lose its cultural and anthropological identity, Europe will represent another human type. Turks live in Germany for three genera-

tions, but they did not assimilate in Western culture" [Jemberga Briselē, 2004]

Leons Taivāns also actualizes Islamic threat in his interviews and stresses that

Islam is not interested in humanism in the Christian sense... Islam as a religion consists of structures filled with violence" [Taivāns, 2014; Taivāns, 2015]

Contemporary Latvian Orientalism in this context develops as politicised and ideologized because intellectuals periodically actualize Oriental problems for their national political needs. They cultivate and promote anti-Islamic messages because Latvia is among national states with dynamically nationalising society. Latvian society is not ready and has no political will to accept the values and principles of Western tolerance and political correctness. Latvian Orientalists with positions in universities and academic degrees are simultaneously scholars and formators of political message. The political discourse of Latvian Orientalism actualizes political ideas that were normal for European academic Orientalism in the first half of the 20th century when Orientalisms was inseparable from Western colonialism. Latvian theologian Juris Rubenis invents the image of Turkey as the Orient in Europeanized coordinate system and asserts that

Turkish presence in European space is a great problem and the momentum for European identity which must formulate more clearly its determination. Islam in Europe is alien to its spiritual tradition, but it can be a catalyst in the restoration of the role of religion in the modern world in general... the competition with Islam can become an effective tool for Christianity and rise of its importance in the revival of Europe... I think that it is right to start a dialogue with Turkey about its accession to the EU. This will encourage European countries more

thoroughly assess their identities. I think that the process will be long" [Jemberga Briselē, 2004]

Latvian poet Uldis Bērziņš develops alternative views and believes that

Turkey should be in the EU, because we have the same roots. The historical predecessor of Turkey, the Ottoman Empire from the 18th century was recognised part of Europe... Islamic values demonstrated that they can co-exist with Europe... the creator of a new Turkey, Mustafa Kemal, after the First World War chosen a policy of Europeanization... Turkey must continue the process of liberalisation... If you stop the rapprochement with the EU, Turkey will drift into the Eastern steppe. Then Europe will lose the opportunity to become wider" [Jemberga Briselē, 2004]

The viewpoints of Leons Taivāns and Uldis Bērziņš are different only formally, but in fact, they actualize two forms of European Orientalist perception, imagination and invention of the non-European world. Turkey, as part of Orient, does not have independent values and senses for Latvian intellectuals who prefer to perceive Orient as an area for projection of their collective representations about it. Latvian authors construct, imagine and invent their own Orient. These images can be different, they have minor differences, imagining in negative or positive ways, but Latvian Orientalists always invent and imagine their Orient in the national and European system of coordinates and values. Contemporary Latvian nationally oriented intellectuals actively invent and promote politically and ideologically motivated collective representations about austrums.

Latvian authors prefer to oppose Rietums (West of Occident) to Austrums in modern intellectual and cultural situations. Latvian intellectuals imagine Rietums as universal historical and political landmark and invent Austrums as its eternal and inevitable cultural and historical antipode. Visvaldis Lācis [Lācis, 2006] stress that Lat-

via historically existed and developed between Eastern and Western civilisations, and Austrums in the 20th century was able to propose only “communist anti-civilization”. Aivars Slucis [Slucis, 2011] also actualizes threat from Austrums and presumes that Russians in Latvia [Slucis, 2013] represent Oriental and culturally alien minority which has much in common with German Turks [Slucis, 2011]. Aivars Slucis imagine Russia as a non-European and partly Asian state [Slucis, 2013], actively orientalizing and providing it with the classic attributes of Orient, including undeveloped democratic institutions, the absence of civil values, and a tendency to territorial aggression.

Academic trends in Latvian Orientalism. Political Orientalism in actual Latvian intellectual discourse coexists with academic trends. Academic Orientalism in Latvia has a number of features and the most important of them are the following: representatives of Orientalist academic community in Latvia are simultaneously academic theorists and ideologues of political forms of Orientalist ideas. For example, Leons Taivāns successfully, on the one hand, combines development and promotion of political Orientalism in the public spaces of Latvia with academic Orientalist studies. On the other hand, Leons Taivāns is an editor of the academic journal “Orientālistika”, published by University of Latvia. “Orientālistika” is a fortress of academic Orientalism in Latvia.

Academic Orientalism in Latvia in its modern forms emerged in the early 1990s and originally Latvian Orientalism revolves as predominantly Asian studies. The Chair of Oriental Studies or Orientālistikas katedra, later renamed in Department of Asian Studies (Āzijas studiju nodaļa) was organised at the University of Latvia in 1991 [Ivbulis, 2012]. Contemporary Latvian Orientalists continue to develop ideas of their national predecessors and also attempt to combine and synthesize national achievements with internationally accepted successful methods and recognized theoretical approaches, including various post-modernist constructivist interdisciplinary concepts. Latvian Orientalism in 2000 and 2010s demonstrated sus-

tainable rise and progress. This progress was very impressive because by the moment when Latvia restored its political independence, it unlike some other post-Soviet republics did not have developed traditions of national academic Orientalism.

Thematically modern Latvian Orientalism is extremely diverse. Latvian Orientalism are interested in its own historical, genetic, intellectual and cultural roots and Latvian historians, for example, Sigma Ankrava [Ankrava, 2012], on the one hand, try to analyze the coexistence of Western and Eastern elements and images in identity of Janis Rainis. On the other hand, Sigma Ankrava also attempts to actualize the deep horizons of collective representations about dichotomy “East / West” in Latvian national identity in the context of cultural and religious archetypes about Lāčplēsis [Ankrava, 2015]. Latvian Orientalists [Lapiņa, 2013] prefer to invent a history of Orientalism in constructivist and modernist contexts, and accepted its history as a history of ideas and attempts to imagine, invent and construct Orient and its images in national identities.

Latvian historians, cultural critics, and political analysts engaged in Orientalist Studies actively and successfully analyse the basic non-Western political, historical and cultural regions. Methodically and theoretically Latvian national Orientalism, on the one hand, develop as an attempt to revive and restore the earlier forms of national Orientalist tradition, lost after the Soviet occupation of Latvia and assimilated in ideological Sovietization. On the other hand, the impact of international Orientalist discourse in contemporary Latvian Orientalist Studies is undisputed and indisputable. The author in this part of the article will attempt only to provide a brief overview of the main trends in contemporary Latvian Orientalism’s developments because this problem should be the subject of an independent study. Contemporary Latvian Orientalism develops and functions in two languages, including Latvian and English.

The trends to use English language [Paegle, 2008] as an international lingua franca of academic communication became obvious in

the 2010s. The rise of a number of texts of Latvian Orientalists in English actualizes achievements of Latvian Orientalists in their integration in the international contexts. The use of English and partly German languages makes the voice of Latvian national Orientalism more audible in the international Orientalist community.

Contemporary Latvian Orientalism continues to actualize the national narrative because Orientalist Studies did not loose their connections and links with national history and some intellectuals attempt to actualize Oriental dimensions and levels of Latvian national history. Analysing a history of Latvian emigration and national groups in Asia, including China [Šļare, 2008] in the period between the two world wars actualize transitional nature of contemporary Latvian academic Orientalism. Actual Latvian Orientalism has a transitional nature because Latvian Orientalists simultaneously use the positivist forms of history writing, the old schemes and archaic ideological clichés, including concepts of dialogue and the clash of civilisations [Taivans, 2008] and the post-modernist approaches. The studies of Oriental, Eastern and Asian languages [Baltgalve, 2012; Taivans, 2012; Ivbulis, 2012; Ešots, 2012] are among system features of contemporary Latvian Orientalism.

Purely academic studies are combined with efforts to form a new image of Orient in contexts of attempts to orientalize contemporary political and religious realities in Russia [Taivans, 2015]. Genetically these ideas of Latvian intellectuals are completely normal and natural in historical contexts of relations between Latvia and Russia in the 20th century, when Russian narratives in the Latvian identity mentally transformed into Oriental ones. Latvian Orientalist Karens Petrosjans tries to synthesize the traditional historiographical narrative with post-modern ones in his studies of imagined geography and mutual groups and collective representations of Chinese and barbarians. Karens Petrosjans [Petrosjans, 2008; Petrosjans, 2015] presumes that Chinese ethnonyms actualized collective representations about identity, selfness and otherness. Latvian Oriental-

ists pay special attention to problems of historical trends and actual developments of Oriental and Asian cultures [Baltgalve, 2008; Taivāne, 2008]. The wide range of Latvian Orientalism's interests in Buddhism [Laudere, 2013; Baltgalve, 2013], heritage of Nikolai Roerich, activities of International Society for Krishna, the various trends in development of yoga in has mostly traditional nature and can be accepted as a form of integration in international contexts. Latvian Orientalists actively study problem of synthesis of Hellenistic and Jewish cultures, compared religious texts, including Christian and Tibetan ones.

The organisation of these studies differ from the same works of Russian orientalists because Russian Orientalism develops as the predominantly secular phenomenon, but religious aspects of Orientalism in Latvia are actively studied in theological faculties [Priede, 2008; Stašulāne, 2008], which defines the main directions of development of Orientalism. Latvian Orientalists actively analyse Christology and collective representations of Jesus Christ in Oriental religions and cults in comparative perspective [Stašulāne, 2012; Priede, 2012; Haijima, 2012; Taivāne, 2012]. Latvian Orientalism in this cultural situation express its interdisciplinary nature and Latvian intellectuals synthesize the theoretical approaches and achievements of a history of ideas, intellectual history, cultural history.

Latvian Orientalists actively study problems of religious history of Orient and Asia. These texts form the hard core of contemporary Latvian Orientalism's texts which actualize its transitional nature, rudimentary dominance of positivist practices that coexist with attempts of constructivist analysis. Some texts of contemporary Latvian Orientalists belong to traditional standardized and almost exclusively descriptive discourse. The articles of Katrīne Anspaha about modern Islamism and political Islam are predominantly traditional and belong to relevant, but extremely static and archaic tradition of political analysis [Anspaha, 2008]. Article Jānis Ešots [Ešots, 2015; Ešots, 2008] of collective representations about Justice in Sufism. The

great number of texts of Latvian orientalists belongs to traditional narrative historiography, and problems of jihad are among the commonplaces of contemporary Latvian Orientalism [Kļaviņš, 2015; Mustafa, Kļaviņš, 2015; Stašulāne, 2015].

The attempts to analyze problems of migration, role of Islamic groups and communities in Europe [Petrova, 2008], relationships between Christians and Muslims are important for development of Orientalism, but these themes are traditional and universal. The interest of Latvian authors in these problems make Latvian contemporary Orientalism comparable with global tendencies, but these trends significantly slow institutionalization of Orientalism in Latvia as national academic tradition. The careful fixation of facts and attempts to analyze political processes in details brings the texts of Latvian orientalists with classical historiographical positivism.

Latvian historians attempt to actualise approach proposed by Boriss Vipers in the interwar period and also try to develop a synthetic historical narrative with its tendencies of significant generalization of historical experience of Indian art and painting [Adele, 2008], but a few of Latvian Orientalists prefer to analyze these problems in interdisciplinary contexts [Antoņonoka, 2008] and combine traditional normative and descriptive approaches with attempts to use post-modernist theories of intentionalism and imaginalism.

Preliminary conclusions. The development of Latvian Orientalism was radically different from similar processes in other European countries, where national traditions of Orientalism rooted in colonialism. Latvian cultural situation historically developed under the simultaneous influence of Russian and German academic traditions and they presented external stimuli and were not able to identify the main trends, vectors and trajectories of development Orientalism in Latvia.

Independent and original forms of Latvian Orientalism emerged during the First Republic and had expressed national character. Latvian Orientalism during different eras of its history devel-

oped simultaneously as the various cultural activities of Latvian intellectuals and purely academic phenomenon. Academic Orientalism in Latvia emerged later than the first forms and dimensions of Orientalism. Cultural Orientalism became apparent and obvious in Latvian literary tradition. Latvian literature was among spheres where Orientalist ideas developed. These Oriental projections and speculations determined cultural and social faces of Latvian Orientalism in the pre-academic period. The images of Austrums in Latvian political and historical imagination were extremely idealised, mythologised and developed in intellectual contexts of Latvian nationalism.

Latvian intellectuals actively imagined and invented their own Orient specifically as Austrums, but classical Orientalist connotations and Oriental images located on the mental maps of non-European landscapes emerged in Latvian cultural discourse later. The external Russian and European incentives assisted to the emergence of academic Orientalism in Latvia and inspired it. The academic and intellectual potential of the country between the two world wars testified that Latvian historians were able to become active members of international Orientalist community, but Soviet occupation and incorporation of the republic in the USSR radically interrupted early history of Latvian Orientalism.

Orientalism in Latvian SSR did never belong to the most developed areas of interdisciplinary humanities. Some Latvian intellectuals got the special education in Leningrad or Moscow, but their academic studies belonged predominantly to World History and Oriental Studies had no independent status. Oriental Studies developed as part of ancient, medieval or modern history. The collapse of the Soviet Union and restoration of Latvian independence led the inspired restoration of Orientalist academic tradition. Actual Latvian Orientalism, on the one hand, develops as predominantly academic. Cultural forms of Orientalism in literature, including poetry, lost its positions and do not play a significant role. On the other hand,

Western and American intellectual influences determine the main trends and vectors of the development of Latvian Orientalism. Orientalism in Latvia develops as a dichotomy of simultaneous and parallel coexistence of neo-positivist traditional historical grand narratives with attempts to integrate the post-post-modernist constructivist theories in Latvian academic contexts.

Latvian Orientalism in this intellectual and cultural situation develops as a collectively invented tradition, but the voice of Latvian Orientalism, as well as its historical masterminds presented by Russian and German Orientalisms, is hardly heard in the international Orientalist choir because the main language of communication and publications for Latvian orientalists is still Latvian. It is logical to presume that Latvian Orientalism and other national Orientalisms will develop exclusively for domestic academic consumption. The acts of symbolic exchange between Latvian Orientalism and other national schools in Oriental Studies are too rare and extremely sporadic. American cultural influence will be a positive factor in the further history of Latvian Orientalism. The achievements of Latvian intellectual Oriental tradition, unfortunately, be unknown in Russia where Russian orientalists will continue to ignore the successes of their Latvian colleagues from imagined international Orientalist guild.

References

1. Adb-ul-Alā Maudūdī, (2011), Islāms un džahilija. Rīga: parislamu.lv
2. Adele, O. (2008), Indijas tradicionālās glezniecības lappuses, Latvijas Universitātes raksti. 722. sējums. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 19. – 36. lpp.
3. Ahmeds Māris Bergholds, (2011), Stāsti un spēles mazajiem musulmiem. Rīga: parislamu.lv
4. Ahmeds Māris Bergholds, (2012), Islams iztulkots latviski. Rīga: parislamu.lv

5. Ahmeds Māris Bergholds, (2012), Īss ilustrēts ceļvedis islāma saprašanai. Rīga: parislamu.lv
6. Akuraters, J. (1930), Ģimenes. Rīga: J. Roze
7. Akuraters, J. (2013), Triumfa vārti, Parīzes noburtie: Elza Stērste, Jānis Akuraters, Edvarts Virza. Rīga: Jumava, 53. lpp.
8. Akuraters, J. (2013), Vive l'Empereur, Parīzes noburtie: Elza Stērste, Jānis Akuraters, Edvarts Virza. Rīga: Jumava, 44. – 52. lpp.
9. Alksne, I. (1939), Profesora Dr. hist. Roberta Vipera raksti (bibliogrāfija), Stepermanis, M., Švābe, A., Zeids, T. (1939), red., Latviešu vēsturnieku veltījums profesoram Dr. hist. Robertam Viperam. Rīga: A. Gulbis, 29. – 36. lpp.
10. Ankrava, S. (2012), Austrumu dimensija latviskās identitātes attēlojumā latviešu literatūras sākotnē un mūsdienās, Latvijas Universitātes raksti. 779. sējums. Orientālistika. Latvijas orientālistikas 20 gadi. Rīga: Latvijas Universitāte, 39. – 52. lpp.
11. Ankrava, S. (2015), Latvian Bearslayer as a Mythological Hero between the Cultural Traditions of East and West, Latvijas Universitātes raksti. 803. sēj. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 13. – 27. lpp.
12. Anspaha, K. (2008), Hizb al-Tahrir al-Islami rašanās vēsture un ideoloģija, Latvijas Universitātes raksti. 722. sējums. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 91. – 104. lpp.
13. Antoņonoka, O. (2008), Androgīna tēls un pseidohomoseksuālisms mūsdienu Japānas populārās kultūras fenomenā – yaoi mangās, Latvijas Universitātes raksti. 722. sējums. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 8. – 18. lpp.
14. Ashkerov, A. (2002), Neorientalistiskie motīvi v zhizni i tvorchestve Edvarda Saīda, Sotsiologicheskoe obozrenie, no 4, ss. 25 – 29.
15. Atspulgs, P. (1937), Austrumu sargi, Krasnais, V. (1937), sak., Arbenes dziesmas. Rīga: Latvju Nacionālā Jaunatnes Savienības Latgales apgabala izdevums, 13. – 14. lpp.
16. Auseklis, (1938), Latvijā, Zālītis, A. (1938), sast., Tev mūžam dzīvot Latvija. 1918. – 1938. Rīga: Izglītības ministrija, 237. lpp.
17. Ballod, F. (1910), Predvaritel'nyj otchet o komandirovke v Germaniiu letom 1910 goda. Moskva
18. Ballod, F. (1912), Vaza s figuroi izobrazheniem Besa, Pamiatniki Muzeia Iziashchnyh Iskusstv. Vyp. I. Moskva, ss. 31 – 36.

19. Ballod, F. (1913), *Drevnii Egipet, ego zhivopisi i skul'ptura (I – XX dinastii)*. Moskva
20. Ballod, F. (1913), *Vvedenie v istoriiu borodatyh karlikoobraznyh bozhestv v Egipte*. Moskva
21. Ballod, F. (1914), *Egipetskoe iskusstvo vremeni Amenofisa IV*. Moskva
22. Ballod, F. (1917), *Egipetskii "renessans"*. Moskva
23. Ballod, F. (1917), *Realizm i idealizatsiia v egipetskom iskusstve kak rezul'tat predstavlenii o potustoronnem bytii*, Sbornik Moskovskogo obshchestva po issledovaniuu pamiatnikov drevnosti im. A.I. Uspenskogo pri Moskovskom Arheologicheskom Institute v chest' prof. V.K. Mal'mberga. Moskva, ss. 57 – 68.
24. Ballod, F. (1923), *Staryi i Novyi Sarai, stolitsy Zolotoi Ordy. Rezul'taty arheologicheskikh rabot letom 1922 goda*. Kazan'
25. Ballod, F. (1924), *Ocherk istorii drevneegipetskogo iskusstva*. Moskva – Saratov
26. Ballod, F. (1924), *Pamiatniki egipetskogo iskusstva vremeni Ehnatona*. *Drevnii mir* 1, Moskva, ss. 20–39.
27. Balodis, F. (1924), *Mākslas reforma Echnatonā laikā*, *Actes Universitatis Latviensis*. XI. 182 – 266. lpp.
28. Balodis, F. (1927), *Neuere Forschungen über die Kultur der Golden Horde*, *Zeitschrift für Slavische Philologie*. Leipzig, IV, ss. 1 – 19.
29. Balodis, F. (1928), *Echnatons Kunstreform*. Riga: Valters un Rapa
30. Balodis, F. (1937), *Egiptē viss citādi : ceļojuma novērojumi un iespaidi Egiptē 1937. gadā*. Rīga: Piemineklu Valdes Izdevums
31. Balodis, F. (1942), *Egypten Pyramidernas och Mysteriernas land*. Gebers
32. Balodis, F. (1943), *Egypten: pyramidernas och mysteriernas land*. Stockholm
Balodis, F. (1947), *Ægypten: pyramidernes og mysteriernes land*. København
33. Balodis, F. (1944), *Ka- und Ba- Darstellungen in der Ägyptischen Kunst*, *Ethnos*, vol. 9, ss. 67 –83.
34. Balodis, F. (1949), *Die groteske Statuette einer Frau mit ihrem Kinde im Ägyptischen Museum in Stockholm*, *Studi Rosellini*. Pisa, pp. 119 – 126.

35. Baltgalve, A. (2008), Jēdziens “atbrīvošanās” Mahājānas budismā, Latvijas Universitātes raksti. 722. sējums. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 105. – 120. lpp.
36. Baltgalve, A. (2012), Tibetiešu valodas skaņu transkripcija latviešu valodā, Latvijas Universitātes raksti. 779. sējums. Orientālistika. Latvijas orientālistikas 20 gadi. Rīga: Latvijas Universitāte, 117. – 152. lpp.
37. Baltgalve, A. (2013), Latvian Buddhist Centres and Teachings of Visiting Tibetan Masters (1991–2011), Priede, J. (2013), red., Latvijas Universitātes raksti. 793. sēj. Orientālistika. Starp Austrumiem un Rietumiem: kultūru un reliģiju dialogs pirms totalitārā režīma, totalitārā režīma laikā un pēc totalitārā režīma. 1. Starptautiskā zinātniskā Latvijas Reliģiju pētniecības biedrības konference Latvijas Universitātē, Rīgā, 2012. gada 6.–8. oktobrī. Rakstu krājums. Rīga: Latvijas Universitāte, 170. – 191. lpp.
38. Biezais, H. (1939), Dzīvības un mīlestības sinteze kristīstīgajā humānitātē. Rīga
39. Biezais, H. (1944), Kristiānisms laikmetu maiņa. Rīga
40. Biezais, H. (1953), Kristiānisms, nacionālisms, humānisms. Kopenhāgena: Imanta
41. Biezais, H. (1961), Die Gottesgestalt der Lettischen Volksreligion. Uppsala: Bocktryckeri Aktiebolag
42. Biezais, H. (2008), Dieva tēls latviešu tautas reliģijā. Rīga: Zinātne
43. Bīlmanis, A. (1939), Profesors R. Vipers Maskavas Universitātē, Stepermanis, M., Švābe, A., Zeids, T. (1939), red., Latviešu vēsturnieku veltījums profesoram Dr. hist. Robertam Viperam. Rīga: A. Gulbis, 26. – 28. lpp.
44. Brastiņš, E. (1929), Gadskārtas dziesmas. Rīga: Latvju dievtuņu draudze.
45. Brastiņš, E. (1931), Latvija, viņas dzīve un kultūra. Rīga: Grāmatu draugs, 240. lpp.
46. Brastiņš, E. (1932), Dievtuņu cerokslis jeb teoforu katķisms, tas ir senlatviešu dievestības apcerējums. Rīga: Latvju dievtuņu draudzes izdevums, 10
47. Brastiņš, E. (1936), Mūsu dievestības tūkstošgadīgā apkarošana. Rīga: Labietis, 103. lpp.
48. Brastiņš, E. (1938), Tautības mācība. Rīga: Latvju dievtuņu draudzes izdevums

49. Brastiņš, E. (1966), Cerokslis: Dievturības katēchisms. Čikāga: ASV Latvju dievturū sadraudze, 71. lpp.
50. Brastiņš, E. (1980), Latvju Dievadziesmas. Čikāga: ASV Latvju dievturū sadraudze
51. Brastiņš, E. (1993), Tautai. Dievam. Tēvzemei. Rīga: Zvaigzne, 191. lpp.
52. Burima, M. (2011), Modernisma koncepti 20. gadsimta sākuma latviešu literatūrā. Rīga: LEMI, 187. – 188. lpp.
53. Burke, P. (1997), Varieties of Cultural History. Cambridge: Cambridge University Press
54. Burke, P. (2008), What is cultural history. Cambridge: Polity
55. Cedriņš, V. (1937), Latvijas robežas, Krasnais, V. (1937), sak., Arbenes dziesmas. Rīga: Latvju Nacionālā Jaunatnes Savienības Latgales apgabala izdevums, 31. lpp.
56. Ceplis, A. (1934), Ļeņina karogi sauc, Celtne, no 2. – 3., 83. – 84. lpp.
57. Cherevenko, A. (2016), Latgal'skii – ne dialekt, a iazyk drevnee latyshskogo: sanskrit stavit s nog na golovu natsierarhiu v Latvii, Latviiski vesti, 12 sentiabria, <http://www.ves.lv/latgalskij-ne-dialekt-a-zyzyk-drevnee-latyshskogo-sanskrit-stavit-s-nog-na-golovu-ierarhiyu-natsionalnostej-v-latvii/>
58. Cimdiņa, A. (2010), Nacionālā varoņa ģenēze un percepcija: Andrejs Pumpurs un Lāčplēsis ārpus literārās telpas, Cimdiņa, A., Hanovs, D. (2010), Latvija un latviskais. Nācija un valsts idejās, tēlos un simbolos. Rīga: Zinātne, 31. – 50. lpp.
59. Eglītis, A. (2002 [1935]), Meditācija par nepiepildītiem sapņiem, Eglītis, A. (2002), Raksti. Dzeja. Proza. Publicistika. Rīga: Valters un Rapa, 263. lpp.
60. Eglītis, V. (1937), Latviešu senlaiku godība, Krasnais, V. (1937), sak., Arbenes dziesmas. Rīga: Latvju Nacionālā Jaunatnes Savienības Latgales apgabala izdevums, 8. – 10. lpp.
61. Eidemanis, R. (1934), Kad Staļins runā, Celtne, no 2. – 3., 83. lpp.
62. Ešots, J. (2008), Taisnīguma izpratne sūfismā: Dželāl ad-Dīns Rūmī un Muhji ad-Dīns Ibn al-'Arabī, Latvijas Universitātes raksti. 722. sējums. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 136. – 141. lpp.
63. Ešots, J. (2012), Arābu valoda: vēsturisks apskats un latviskā transliterācija, Latvijas Universitātes raksti. 779. sējums. Orientālistika. Latvijas orientālistikas 20 gadi. Rīga: Latvijas Universitāte, 171. – 180. lpp.

64. Ešots, J. (2012), Persiešu valoda: vēsturisks apskats un latviskā transliterācija, Latvijas Universitātes raksti. 779. sējums. Orientālistika. Latvijas orientālistikas 20 gadi. Rīga: Latvijas Universitāte, 181. – 187. lpp.
65. Esots, J. (2015), Al-Fārābī and Ismā'ili Thought: Tracing Mutual Influences, Latvijas Universitātes raksti. 803. sēj. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 53. – 65. lpp.
66. Goba, A. (1933), Dievtura svētrunas līdz ar tautas dziesmām Dieva daudzīnājumam. Rīga: Latvju dievturu draudzes izdevums
67. Govorunov, A., Kuz'menko, O. (2014), Orientalizm i pravo govorit' za drugogo, <http://anthropology.ru/ru/text/govorunov-av/orientalizm-i-pravo-govorit-za-drugogo>
68. Grēviņš, V. (2007 [1926]), Ķīnas nakts, Grēviņš, V. (2007), Tas trakais kavalieru gads. Rīga: Nordik, 15. lpp.
69. Grēviņš, V. (2007 [1928]), Āzijā ātri grimst saule, Grēviņš, V. (2007), Tas trakais kavalieru gads. Rīga: Nordik, 16. lpp.
70. Grēviņš, V. (2007 [1930]), Japāņu šūpuļdziesma, Grēviņš, V. (2007), Tas trakais kavalieru gads. Rīga: Nordik, 87. lpp.
71. Grēviņš, V. (2007 [1932]), Paganīni, Grēviņš, V. (2007), Tas trakais kavalieru gads. Rīga: Nordik, 17. lpp.
72. Grēviņš, V. (2007 [1946]), Šekspīra nāve, Grēviņš, V. (2007), Tas trakais kavalieru gads. Rīga: Nordik, 39. lpp.
73. Grīns, M. (1992), Latviešu senā dievstība un tās atjaunojums – dievturība. Rīga: Māra, 170.lpp.
74. Hadidža Daiga Kučinska, (2011), 200 Hadīsi no "Rijādu Solihīn". Rīga: parislamu.lv
75. Hadidža Daiga Kučinska, (2011), 40 An-Navavī hadīsi. Rīga: parislamu.lv
76. Haijima, A. (2012), Reliģiskā simbolika sezonas, dienas laika un laika apstākļu attēlojumā
77. Hobsbawm, E., Ranger, T. (1983), eds., The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, P. 1.
78. Ioffe, I. (2006), Profesiia "Orientalist": k vyhodu knigi "Orientalizm" Edvarda Saidā na ruuskom iazyke, <http://www.left.ru/2006/5/ioffe139.phtml>
79. Ioffe, I. (2009), Vozvrashchaias' k "Orientalizmu", <http://left.ru/2009/2/ioffe184.phtml>

80. Ivbulis, V. (2012), Divdesmit grūta darba gadi, Latvijas Universitātes raksti. 779. sējums. Orientālistika. Latvijas orientālistikas 20 gadi. Rīga: Latvijas Universitāte, 7. – 14. lpp.
81. Ivbulis, V. (2012), Sanskrits un bānglā, Latvijas Universitātes raksti. 779. sējums. Orientālistika. Latvijas orientālistikas 20 gadi. Rīga: Latvijas Universitāte, 159. – 170. lpp.
82. Jemberga Briselē, S. (2004), ES līderi izšķiras sākt iestāšanās sarunas ar Turciju, Diena, 17. decembris.
83. Jurevičs, P. (1936), Nacionālās dzīves problēmas. Rīga: Valters un Rapa
84. Jurevičs, P. (1947), Idejas un istenība. Eslingenā: Grāmatu Draugs
85. Jurevičs, P. (1955), Dzīve un liktenis. Refleksijas par latvisko eksistenci. Kopenhāgenā: Imanta
86. Jurevičs, P. (1956), Cilvēka cieņa, Jurevičs, P. (1956), Variācijas par moderno cilvēku. Esejas. Södertälje: Daugava, 52. – 81. lpp.
87. Jurevičs, P. (1956), Divējādas pasaules, Jurevičs, P. (1956), Variācijas par moderno cilvēku. Esejas. Södertälje: Daugava, 39. – 52. lpp.
88. Jurevičs, P. (1956), Krīstīgā gara krīze, Jurevičs, P. (1956), Variācijas par moderno cilvēku. Esejas. Södertälje: Daugava, 154. – 162. lpp.
89. Jurevičs, P. (1956), Krīstīgā kultūra, Jurevičs, P. (1956), Variācijas par moderno cilvēku. Esejas. Södertälje: Daugava, 133. – 153. lpp.
90. Jurevičs, P. (1956), Literātūra un modernais cilvēks, Jurevičs, P. (1956), Variācijas par moderno cilvēku. Esejas. Södertälje: Daugava, 217. – 242. lpp.
91. Jurevičs, P. (1956), Modernais cilvēks un dievticība, Jurevičs, P. (1956), Variācijas par moderno cilvēku. Esejas. Södertälje: Daugava, 163. – 196. lpp.
92. Jurevičs, P. (1956), Modernais cilvēks, Jurevičs, P. (1956), Variācijas par moderno cilvēku. Esejas. Södertälje: Daugava, 82. – 112. lpp.
93. Jurevičs, P. (1956), Mūsu laikmetu iezīmes, Jurevičs, P. (1956), Variācijas par moderno cilvēku. Esejas. Södertälje: Daugava, 9. – 38. lpp.
94. Jurevičs, P. (1960), Literārizētais cilvēks, Jurevičs, P. (1960), Kultūras sejas. Esejas. Uppsala: Daugava, 251. – 290. lpp.
95. Jurevičs, P. (1960), Amerikānisms eiropiešu skatījumā, Jurevičs, P. (1960), Kultūras sejas. Esejas. Uppsala: Daugava, 73. – 99. lpp.

96. Jurevičs, P. (1960), Angliskā vide, Jurevičs, P. (1960), Kultūras sejas. Esejas. Uppsala: Daugava, 27. – 50. lpp.
97. Jurevičs, P. (1960), Augskultūras ideāls, Jurevičs, P. (1960), Kultūras sejas. Esejas. Uppsala: Daugava, 9. – 26. lpp.
98. Jurevičs, P. (1960), Austrālijas impresijas, Jurevičs, P. (1960), Kultūras sejas. Esejas. Uppsala: Daugava, 51. – 72. lpp.
99. Jurevičs, P. (1960), Cīņa par likteni, Jurevičs, P. (1960), Kultūras sejas. Esejas. Uppsala: Daugava, 157. – 186. lpp.
100. Jurevičs, P. (1960), Ievads eksistences filozofijā, Jurevičs, P. (1960), Kultūras sejas. Esejas. Uppsala: Daugava, 187. – 208. lpp.
101. Jurevičs, P. (1960), Kultūras oriģinālitate, Jurevičs, P. (1960), Kultūras sejas. Esejas. Uppsala: Daugava, 100. – 126. lpp.
102. Jurevičs, P. (1960), Mūsu pagātnes aktuālitate, Jurevičs, P. (1960), Kultūras sejas. Esejas. Uppsala: Daugava, 127. – 156. lpp.
103. Jurevičs, P. (1960), Platons, Jurevičs, P. (1960), Kultūras sejas. Esejas. Uppsala: Daugava, 356. – 397. lpp.
104. Jurevičs, P. (1960), Statiskā un dinamiskā reliģija, Jurevičs, P. (1960), Kultūras sejas. Esejas. Uppsala: Daugava, 321. – 355. lpp.
105. Jurevičs, P. (1973), Cilvēcīgās ilgas un reliģija, Jurevičs, P. (1973), Pretstatu pasaule. Esejas. Brooklyn: Grāmatu draugs, 136. – 145. lpp.
106. Jurevičs, P. (1973), Komūnisma un kristiānisma sarežģītās attiecības, Jurevičs, P. (1973), Pretstatu pasaule. Esejas. Brooklyn: Grāmatu draugs, 91. – 114. lpp.
107. Jurevičs, P. (1973), Laikmetu un ideāla maiņa, Jurevičs, P. (1973), Pretstatu pasaule. Esejas. Brooklyn: Grāmatu draugs, 115. – 136. lpp.
108. Jurevičs, P. (1973), Latviešu emocionālā attieksme pret rietumu kultūru, Jurevičs, P. (1973), Pretstatu pasaule. Esejas. Brooklyn: Grāmatu draugs, 160. – 180. lpp.
109. Kalnačs, B. (2011), Baltijas postkoloniālā drāma. Modernitāde, koloniālisms un postkoloniālisms latviešu, igauņu un lietuviešu dramaturģijā. Rīga: LEMI
110. Ķēniņš, A. (1937), Latvijas robežnieku dziesma, Krasnais, V. (1937), sak., Arbenes dziesmas. Rīga: Latvju Nacionālā Jaunatnes Savienības Latgales apgabala izdevums, 26. lpp.
111. Kļaviņš, K. (2015), The Importance of Islamic Civilization at the Crossroads of European Thinkers: the 16th and 17th centuries, Latvi-

- jas Universitātes raksti. 803. sēj. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 66. – 78. lpp.
112. Kobrin, K. (2008), Ot paternalistskogo proekta vlasti k shizofrenii: “orientalizm” kak rossiiskaia problema (na poliah Edvarda Saيدا), Neprikosnovennyi zapas, no 3 (59), <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/kk5.html>
  113. Kobrins, K. (2009), Orientālisms pārdošanai, Rīgas Laiks, 11. maijs
  114. Kohut, Z. (2004), Istorychni doslidzhennia v nezalezhnii Ukrajinī. Tiahar mynuloho: istoriohrafīia do zdobuttia nezalezhnasty, Kohut, Z. (2004), Korinnia identychnosti. Studiji v rann’omodernoji ta nodernoji istoriji Ukrajinī. Kyjiv: Krytyka
  115. Kucherskaia, M. (2007), Istoriia odnogo zabluzhdeniia (Edward W. Said. Orientalizm. Zapadnye konceptsii Vostoka), Otechestvennye zapiski, no 1 (34), <http://www.strana-oz.ru/2007/1/istoriya-odnogo-zabluzhdeniya-edvard-v-said-orientalizm-zapadnye-koncepcii-vostoka>
  116. Kundziņš, K. (1936), Ap lielo dzīves mīklu. Apcerējumi. Rīga: Valters un Rapa
  117. Kusko, S., Taki, V. (2003), Istoricheskii vybor: rumynskaia natsiia ili moldavskaia gpsudarstvennost’, Ab Imperio, no 1
  118. Lācis, V. (2006), Nacionālisms un brīvība. Rīga: Jumava
  119. Laicens, L. (1934), Atsveiceens, Celtne, no 4. – 5., 245. lpp.
  120. Laicens, L. (1934), Subtropijas pavasars, Celtne, no 4. – 5., 243. – 244. lpp.
  121. Lapiņa, I. (2013), Richard Wilhelm between China and Europe: a Failed Missionary?, Priede, J. (2013), red., Latvijas Universitātes raksti. 793. sēj. Orientālistika. Starp Austrumiem un Rietumiem: kultūru un reliģiju dialogs pirms totalitārā režīma, totalitārā režīma laikā un pēc totalitārā režīma. 1. Starptautiskā zinātniskā Latvijas Reliģiju pētniecības biedrības konference Latvijas Universitātē, Rīgā, 2012. gada 6.–8. oktobrī. Rakstu krājums. Rīga: Latvijas Universitāte, 10. – 18. lpp.
  122. Laudere, M. (2013), Latvijas budisma kopienu aktivitātes vērtējums, Priede, J. (2013), red., Latvijas Universitātes raksti. 793. sēj. Orientālistika. Starp Austrumiem un Rietumiem: kultūru un reliģiju dialogs pirms totalitārā režīma, totalitārā režīma laikā un pēc totalitārā režīma. 1. Starptautiskā zinātniskā Latvijas Reliģiju pētniecības bie-

- drības konference Latvijas Universitātē, Rīgā, 2012. gada 6.–8. oktobrī. Rakstu krājums. Rīga: Latvijas Universitāte, 163. – 169. lpp.
123. Malahov, V. (2003), Orientalizm po-russki, Russkii zhurnal, 24 oktiabris, <http://old.russ.ru/politics/facts/20031024-malakhov.html>
  124. Muhamedzhanov, I. (2014), Otkuda voznik orientalizm?, Islam Today, 27 avgusta, <http://islam-today.ru/obsestvo/nauka-i-tehnologii/otkuda-voznik-orientalizm/>
  125. Muhammad At-Tamīmī, (2011), Trīs fundamentāli principi. Rīga: parislamu.lv
  126. Mustafa, H., Kļaviņš K. (2015), Muslim Population in Europe: Prospects for Integration, Latvijas Universitātes raksti. 803. sēj. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 79. – 86. lpp.
  127. Navuka i stratehii pratsy z minulym. Diskusii i mezah seminar "Suchasnae belaruskae myslenne". Instytut satsyialohii, Instytut filasofii NAN, 16 sakavika 2006 hoda, Palitychnaia sfera, 2006. no 6.
  128. Neilis, K. (1986), Tie trākie gleznotāju gadi. Atmiņas par laika biedriem un Mākslas Akadēmiju. Vaidava (ASV)
  129. Nīče, F. (2002), Tā runāja Zaratustra. Rīga: Zvaigzne ABC
  130. Nikitin, M. (2003), "Orientalizm" Edvarda Saīda. Teoriia kolonial'nogo diskursa i vzaimodeistvie Vostoka i Zapada: k vyrabotke novogo ponimaniia problemy, Novaia i niveishaia istoriia, vyp. 23, Saratov: SGU, ss. 32 – 42.
  131. Ogriņš, A. (2011), Zem pulsteņa pulkstenis. Rīga: Neputns
  132. Ogriņš, A. (2012), Pēdējā santīma grāmata. Rīga: Dienas Grāmata
  133. Paegle, I. (2008), Secrets and Lies: Writing as Power in Tanizaki Junichirō's "Kagi" ("The Key"), Latvijas Universitātes raksti. 722. sējums. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 37. – 48. lpp.
  134. Petrosjans, K. (2008), Ķīna – "barbari": etnonīmu semantika, Latvijas Universitātes raksti. 722. sējums. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 128. – 135. lpp.
  135. Petrosjans, K. (2015), Senķīniešu vēsturnieka sniegtās ziņas par Āzijas huņņiem. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 126 lpp.
  136. Petrova, O. (2008), Musulmaņu svētais karš džihāds un Eiropa (džihāds krievu islāma pētniecībā), Latvijas Universitātes raksti. 722. sējums. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 142. – 152. lpp.
  137. Preedneeks, K. (1934), Vējš no Kara-Kuma, Celtne, no 4. – 5., 247. – 248. lpp.

138. Preedneeks, K. (1934), Vējš no Pamiras, *Celtne*, no 4. – 5., 247. lpp.
139. Priede, J. (2008), Gudrības mīlestība kā ceļš uz neiznīcību Pseudosalomona Gudrības grāmatā, *Latvijas Universitātes raksti*. 722. sējums. *Orientālistika*. Rīga: Latvijas Universitāte, 153. – 165. lpp.
140. Priede, J. (2012), Jēzus Kristus persona reliģiju dialoga perspektīvā, *Latvijas Universitātes raksti*. 779. sējums. *Orientālistika*. *Latvijas orientālistikas 20 gadi*. Rīga: Latvijas Universitāte, 61. – 76. lpp.
141. Pumpurs, A. (1928), *Lāčplēsis*. Rīga: J. Roze
142. Raisters, E. (1937), *Abrenes gals*, Krasnais, V. (1937), sak., *Arbenes dziesmas*. Rīga: Latvju Nacionālā Jaunatnes Savienības Latgales apgabala izdevums, 15. – 17. lpp.
143. recepciju Rietumos, *Latvijas Universitātes raksti*. 779. sējums. *Orientālistika*. *Latvijas orientālistikas 20 gadi*. Rīga: Latvijas Universitāte, 87. – 116. lpp.
144. Rokpelnis, J. (2015), *Latvijas krievi mentāli ir Krievijas sastāvdaļa*, *Diena*, 3. oktobris
145. Rudzīte, G. (2013), *Nikolajs Rērihs un Latvija*, <http://www.latvijasrerihabiedriba.lv/images/latvijalat.htm>
146. Rudzīte, G. (2014), *Kā es braucu Ziemeļdēlu lūkoties...*, <http://www.latvijasrerihabiedriba.lv/images/konference/RerihsLatvijalat.htm>
147. Ryzhakova, S. (1999), Laima i Lakshmi – bogini shchast'ia u latyshei i indusov, *Mifologija i povsednevnost'*. Sbornik statei nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg, ss. 120 – 140.
148. Ryzhakova, S. (1999), Dievturība. Latyshskoe neoiazychestvo i istoki natsionalizma, Shnirel'man, V. (1999), red., *Neoiazychestvo na prostorah Evrazii*. Moskva: Bibleisko-bogoslovskii institut, ss. 80 – 113.
149. Linde, M., Šteins, V. (2016), *Balti un civilizācija*. Rīga: savargramata
150. Ryzhakova, S. (2014), *Vostok i orientalizm. K istorii idei i praktik*, *ARC*, 24 sentiabria, <http://www.antropya.com/articles/18/37/>
151. Salmāns Abū Dāvūds, (2009), *Liecība "Lā ilāha illa-llāh"*. Rīga: parislamu.lv
152. Salmāns Abū Dāvūds, (2011), *Daži precību jautājumi Bībelē un Islāma reliģiskajos avotos*. Rīga: parislamu.lv
153. Salmāns Abū Dāvūds, (2011), *Vai Evaņģēliji apliecina Jēzus dievišķīgumu?*. Rīga: parislamu.lv

154. Saulītis, B. (1972), *Kopoti raksti*, 1. sēj. Rīga: Liesma, 269. lpp.
155. Šerīf Abdu-l-Azīm, (2011), *Sievietes statuss Isāmā un jūdu-kristiešu tradīcijā*. Rīga: parislamu.lv
156. Seššū "Ainavu tīstoklī četros gadalaikos" (1420. – 1506.), Latvijas Universitātes raksti. 779. sējums. Orientālistika. Latvijas orientālistikas 20 gadi. Rīga: Latvijas Universitāte, 77. – 86. lpp.
157. Shteiner, E. (2009), *Oriental'nyi mif i mif ob "Orientalizme"*, Polit.ru, 22 ianvaria, <http://polit.ru/article/2009/01/22/oriental/>
158. Šļare, L. (2008), *Latviešu organizāciju darbība bēgļu labā Tālajos Austrumos 1918 – 1920*, Latvijas Universitātes raksti. 722. sējums. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 180. – 190. lpp.
159. Slucis, A. (2011), *Domājiet "politiski nekorekti" kā Latviju dekolonizēt*, Latvijas Avīze, 31. marts.
160. Slucis, A. (2011), *Krievi Latvijā, turki Vācijā – kāda starpība*, Latvijas Avīze, 9. septembris.
161. Slucis, A. (2013), *Krievu kolonisti*, Slucis, A. (2013), *Sargāt Latviju*. Talsu: Talsu tipogrāfija, 152. – 156. lpp.
162. Slucis, A. (2013), *Bosnija un Latvija*, Slucis, A. (2013), *Sargāt Latviju*. Talsu: Talsu tipogrāfija, 122. – 125. lpp.
163. Slucis, A. (2013), *Krievu imperiālisms dzīvo*, Slucis, A. (2013), *Sargāt Latviju*. Talsu: Talsu tipogrāfija, 143. – 146. lpp.
164. Stašulāne, A. (2008), *Austrumu reliģiskās idejas Rietumos: Rērihu joga*, Latvijas Universitātes raksti. 722. sējums. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 166. – 178. lpp.
165. Stašulāne, A. (2012), *Austrumu reliģiskās idejas Rietumos: mīts par mahātmām*, Latvijas Universitātes raksti. 779. sējums. Orientālistika. Latvijas orientālistikas 20 gadi. Rīga: Latvijas Universitāte, 53. – 60. lpp.
166. Stašulāne, A. (2015), *Kristiešu un musulmaņu attiecību dinamika*, Latvijas Universitātes raksti. 803. sēj. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 87. – 101. lpp.
167. Stepermanis, M. (1939), *Prof. Dr. hist. Roberts Vipers dzīvē un darbos*, Stepermanis, M., Švābe, A., Zeids, T. (1939), red., *Latviešu vēsturnieku veltījums profesoram Dr. hist. Robertam Viperam*. Rīga: A. Gulbis, 7. – 25. lpp.

168. Stepermanis, M., Švābe, A., Zeids, T. (1939), red., Latviešu vēsturnieku veltījums profesoram Dr. hist. Robertam Viperam. Rīga: A. Gulbis
169. Straubergs, K. (1938), Baloža dzīves gaitas un darbi, Senatne un māksla, no 1, 9. – 11. lpp.
Mugurevičs, Ē. (1997), Arheologs professors Dr. Francis Balodis (1882 – 1947) // Latvijas vēstures institūta žurnāls, no 4, 184. – 187. lpp.
170. Streita, V. (2011), Tēvzeme tuvu un tālu. Rīga: Antava
171. Tabūns, B. (2008), Modernisma virzieni latviešu literatūrā. Rīga: Zinātne
172. Taivāne, E. (2008), Doctrines of Man in Orthodox Christian and Tibetan Hagiographic Narratives, Latvijas Universitātes raksti. 722. sējums. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 121. – 127. lpp.
173. Taivāne, E. (2012), Starptautiskā Krišnas apziņas biedrība: jautājums par Bengālijas vaišnavisma
174. Taivāns, L. (2008), Paradigmu atšķirības civilizāciju dialogā (J. Ratcingera 2006. g. 12. septembra tēzes Rēgensburgas Universitātē), Latvijas Universitātes raksti. 722. sējums. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 84. – 90. lpp.
175. Taivāns, L. (2012), Indonēziešu valoda un tās latviskā transliterācija, Latvijas Universitātes raksti. 779. sējums. Orientālistika. Latvijas orientālistikas 20 gadi. Rīga: Latvijas Universitāte, 153. – 158. lpp.
176. Taivāns, L. (2014), Krievija pieder Austrumu civilizācijai, Neatkarīgā Rīta Avīze, 10. aprīlis
177. Taivāns, L. (2015), Bēgļi sliecas pievienoties krievvalodīgajiem, Latvijas Avīze, 9. decembris
178. Taivāns, L. (2015), Bēgļu uzņemšana mainīs mūsu sabiedrību, Neatkarīgā Rīta Avīze, 11. septembris
179. Taivāns, L. (2015), Russian Orthodoxy's Kinship with Islam? A Comment on Samuel Huntington, Latvijas Universitātes raksti. 803. sēj. Orientālistika. Rīga: Latvijas Universitāte, 122. – 130. lpp.
180. Teslia, A. (2011), Orientalizm «orientalizma» Edvarda Saida, http://www.hrono.ru/libris/pdf/tesla_aa_orientalism.pdf
181. Valerjan, I. (2015), Sankshepa ili Kompendium knigi "Etnotsid latgalov v Latvii". Olaine: Langala, 2015. 186 s.

182. Valerjans, I. (2015), Latgaļu etnocīds: noliegtā civilizācija. Olainē "Lāngala",
183. Varnavskii, P. (2003), Granitsy sovetskoj buriatskoj natsii: natsional'no-kul'turnoe stroitel'stvo v 1926 – 1929 gg. v proektah natsional'noi intelligentsii i national-bol'shevikov, Ab imperio, no 1.
184. Vipers, B. (1927), Latvju māksla. Īss pārskats. Rīga: Leta, 24. lpp.
185. Vipers, B. (1937), Latvijas māksla baroka laikmetā. Rīga: Valters un Rapa, 237. lpp.
186. Vipers, B. (1940), Mākslas likteņi un vērtības. Esejas. Rīga: Grāmatu zieds, 315. lpp
187. Vipers, B. (1988), Laikposmi un mākslas vērtības. Rīga: Zinātne
188. Vipers, R. (1925), Vēsture un tagadne. Rīga: Valters un Rapa
189. Vipers, R. (1925), Vispārējā vēsture: senatne. Rīga: Valters un Rapa
190. Vipers, R. (1930), Jauno laiku vēsture. Atradumu, reformācijas laikmets. Rīga: Valters un Rapa
191. Vipers, R. (1936), Jaunas problēmas vēstures filozofijā. Rīga: A. Gulbis
192. Vipers, R. (1936), Jauno laiku vēsture. 1640. – 1795. Rīga: Valters un Rapa
193. Vipers, R. (1936), Jauno laiku vēsture. 1795. – 1851. Rīga: Valters un Rapa
194. Vipers, R. (1936), Jauno laiku vēsture. 1851. – 1918. Rīga: Valters un Rapa
195. Vipers, R. (1940), Vēstures lielās problēmas. Rīga: A. Gulbis
196. Vipper, R. (1907), S Vostoka svet. Moskva: Tovarishchestvo I.N. Kushnerev i Ko
197. Vipper, R. (1918), Vozniknivenie hristianstva. Moskva: Faros
198. Vipper, R. (1925), Uchebnik istorii. Drevnost'. Rīga: Izdanie aktsionernogo obshchestva Val'tera i Rapa
199. Vipper, R. (1928), Uchebnik istorii. Novoe vremia. Rīga: Izdanie aktsionernogo obshchestva Val'tera i Rapa
200. Virza, E. (1937), Lidotājiem, Virza, E. (1937), Pedejas dzejas. Rīga: Apgāds Zelta Ābele [Virza, E. (2011), Lidotājiem, Raksti. 4. sēj. Rīga: Zinātne, 169. lpp.]
201. Virza, E. (2013), Pēdējās dzejas. Vēstules Veronikai Strēlertei. Rīga: Pētergailis
202. Zvirgzdiņš, J. (2011), Atgrišanās Itakā. Rīga: Dienas Grāmata

Arab Spring: the dynamics and implications for countries in the region

В декабре 2010 года молодой продавец фруктов Мохаммед Буазили совершил акт самосожжения в Тунисе, протестуя против режима президента Бен Али, бесспорно правившего в стране с 1987 г. После этого волна массовых антиправительственных выступлений охватила всю страну. Оставшись без поддержки армии и полиции, 14 января 2011 г. президент Зин эль-Абидин Бен Али бежал в Саудовскую Аравию. Позже акции протеста начались в Египте, Йемене и Бахрейне. В Ливии иностранное вмешательство привело к свержению Муаммара Каддафи, а в Сирии гражданская война продолжается до сих пор. Несмотря на то, что «арабская весна» еще не завершилась, сегодня уже можно подвести промежуточные итоги этих событий и показать их влияние на развитие стран региона.

Ключевые слова: «арабская весна», политические процессы, антиправительственные выступления, диктаторские режимы, гражданская война.

In December 2010, a young fruit vendor Mohamed Bouazizi committed an act of self-immolation in Tunisia to protest against the regime of President Ben Ali, who ruled the country unchallenged since 1987. After this wave of mass anti-government protests swept the country. Left without the support of the army and police, 14 January 2011 President Zine El Abidine Ben Ali fled to Saudi Arabia. Later, the protests began in Egypt, Yemen and Bahrain. In Libya, foreign intervention has led to the overthrow of Muammar Gaddafi and Syria's civil war is still going on. Despite the fact that the "Arab Spring" has not yet been completed, it is now possible to take the interim results of these events and show their influence on the development of the region.

Key words: the "Arab Spring", political processes, anti-government demonstrations, dictatorships, civil war.

The "Arab spring" definition is used to denote the complex political and social processes that began in December 2010 with mass protests in Tunisia and then spread to the other Arab East countries. What began six years ago, the "Arab spring" did not end. Nevertheless, it is possible today to summarize intermediate results of these events and show their impact on the countries development of this region.

The cause of anti-government protests in the Arab East countries were the series of events in Tunisia. In December 2010, a

young fruit vendor Mohamed Bouazizi committed an act of self-immolation in Tunisia to protest against the regime of President Ben Ali, who ruled the country unchallenged since 1987. After this wave of mass anti-government protests swept the country. Left without the support of the army and police, 14 January 2011 President Zine El Abidine Ben Ali fled to Saudi Arabia.

Just 11 days later, on 25 January 2011, a wave of protests spread to Egypt. On 28 January 2011, the protests turned into full-scale riots, arson, violence and clashes with police in Cairo and other major cities, as result of which hundreds of demonstrators were killed. As in Tunisia, the Egyptian army remained neutral and at a critical juncture did not the support of President Hosni Mubarak, who was forced to resign. Leaving his post, President Mubarak handed over the authorities to the Supreme Council of the armed forces headed by Field - Marshal Hussein Tantawi.

Unlike Tunisia and Egypt where the number of victims was relatively small, the events in Libya caused a lot of blood. Protests against Muammar Gaddafi who ruled the country since 1969 have escalated into full-scale civil war between government forces and rebels with the use of aircraft and heavy weapons. Using the UN Security Council resolution No. 1973 on imposing a no-fly zones and civilians protection United States, France, and Italy intervened in the war on the armed opposition side. As a result of a military operation Muammar Gaddafi was overthrown and killed by rebels in October 2011, and the national Transitional Council took the power in Libya, which was recognized by Western countries.

In Yemen, the political crisis still continues even after the overthrow of President Ali Abdullah Saleh,.

In Bahrain, popular uprisings were put down by bringing in troops from Saudi Arabia and UAE police.

The most tragic events took place in Syria, where for five years there is a civil war going on between government forces of President Bashar al-Assad and supported by the West and neighboring

countries opposition. During the civil war, many Syrian cities were destroyed, hundreds of thousands people died, millions were forced to run to other countries, and the radical terrorist organization "Islamic state" (banned in Russia) has taken control of a significant part of the country.

Inspite of the events in Tunisia, Egypt and Syria, most of Arab States managed to avoid serious shocks. For example, Morocco has managed to hold the wave of anti-government protests through reforms and the new Constitution and in Jordan due to the unpopular government resignation. As for the Gulf monarchies, except for Bahrain, they still have not been affected by mass protests due to the high living standards and the ruling dynasties authority.

So, why events in Tunisia in December 2010 led to similar consequences, even though the act of self-immolation of Mohammed Bouazizi was not the first of its kind? According to experts, the main difference between the events of December 2010 in Tunisia from previous similar ones was that this time the protests in the Sidi Bouzid city received a wide public resonance with the use of television and the Internet. The mass protests video was shown by the Qatari satellite channel "Al Jazeera" and other news channels. Heavy media of the events in Sidi Buzidi inspired millions of Tunisians and other cities to express their dissatisfaction at unemployment, inflation, and lack of basic political freedoms [1].

The social network played a crucial role in the overthrow of the Mubarak regime in Egypt. The reason for the protests was the following event. In June 2010, the 28-year-old Egyptian Khaled Saeed died in police custody in Alexandria under murky circumstances. According to the Khaled family, the police beat him to death, after he received a video in which the police divided drugs and money withdrawn during raid. However, according to the police, Khaled died of suffocation, trying to swallow a bag of drugs after seeing police officers. After Khaled photo with bruises and a slashed face was posted on social network, the protest against the

police abuse began in Cairo and Alexandria. The protesters demanded investigation of Khaled's death and the resignation of the interior Minister of Egypt Habib al-Adly. The former IAEA head Mohammed El-Baradei took part in one of the protests in Alexandria, who by this time has positioned himself as one of the leaders of the opposition movement in Egypt[1].

As in the case of Bouazizi in Tunisia, Khaled Saeed was not the first victim of police abuse in Egypt, yet the wide publicity of this event in social networks made his death a symbol of police brutality and the Mubarak regime.

After the President Ben Ali's overthrow in Tunisia, Egyptian activists began to call for anti-government actions in Egypt through the social networks, which led to the mass protests on 25 January 2011. Photos and videos of the demonstrations were published in Facebook and Twitter. Trying to stop a wave of protests, the Egyptian government first blocked the social network and then turned off the Internet throughout the country. However, by this time protests in Egypt reached such power that it was already impossible to stop them. Thus, the dissemination of information through social networks played a key role in the regime change in Tunisia and Egypt[1].

Speaking about the consequences of the Arab spring for the countries of the region, it is worth mentioning that Tunisia and Egypt got out with minimal casualties from the revolutionary events. In Tunisia, the Constitution was adopted as a result of long political bargaining in 2014 which adjusts the allocation of executive authorities to the Prime Minister who is accountable to the Parliament, and uses compromise language concerning the role of Islam in society [2]

After the fall of Hosni Mubarak's regime in Egypt the political instability period began. As the result of the first democratic parliamentary elections in 2011, about two thirds of the seats in Parliament were given to Islamist parties such as "Freedom and

justice" (political wing of movement "Muslim Brotherhood") and the "Nur" party. However, in June 2012, the Parliament was adjourned by the court order. In June 2012, the presidential election was held in Egypt in which a member of the "Muslim brotherhood" movement Mohammed Mursi was elected as President of Egypt.

Yet, Morsi was not destined to be in power for long. Just a year later he was thrown from the saddle by the Minister of defense Abdel Fattah al-Sisi at the time of mass anti-government demonstrations. Soon al-Sisi was elected as the new President of Egypt. The al-Sisi accession to power was accompanied by the Mubarak's people return into power, the political opposition activists arrests, the sentencing to death the leaders of the "Muslim brotherhood" movement, which was announced as a terrorist organization.

In 2014 the new Constitution of Egypt was adopted. The Constitution of 2014 expanded the rights and freedoms of the individual, gave the Parliament the right to declare distrust (and on certain grounds - impeachment) to the President and handed over the appointment of the Prosecutor General from the President to the Supreme judicial Council. However, it prohibited the creation of parties on a religious basis and legalized the army's participation in the political process [3]. The new head of state, President al-Sisi, excluded from the political process not only "Muslim Brotherhood", but also liberal and left-wing forces, thereby increasing the regime vulnerability and creating a breeding ground for new anti-government protests. Nevertheless, the political situation in Egypt remains relatively calm[4].

As the result of the civil war and foreign intervention in Libya, the National Transitional Council, which was recognized by Western countries, took the upper hand in the majority of the country's territories. It officially renamed the country as "Libya" on August 3, 2011, returning to the former state flag, used by Libyan monarchy by king Idris[5].

The National Transitional Council consisted of 31 representative of the largest Libyan cities. In August 2012, the Transitional Council handed over the power to a new elected Parliament, the General National Congress[6].

Now, Libya is a conglomerate of several quasi-states. The Central government controls only Tripoli and its surroundings[7]. The Southwestern desert region Fezzan, inhabited mainly by nomads, declared their autonomy in September 2013. The city of Misurata, located to the East of Tripoli, became de facto independent city-state, closed from the other Libyans. The Council has the power. The Council includes influential businesspersons, elected by the citizens from among themselves. They were able to withdraw all armed groups from the city and even send to Tripoli their own army. The city was surrounded by a chain of posts that let in only those people for who a resident of Misrata could stand bail. Due to that actions the city was secured. Misrata is functioning as the country's largest seaport.

On the coast to the East of Sirte several oil ports are located which are under the control of the so-called "guard of protection of oil installations", with its headquarters in Ajdabiya. In Benghazi, which also formally has declared autonomy, is ruled by the Council of Cyrenaica[7].

Since 2014 there is a civil war between various Islamist groups and the internationally-recognized government in Libya. Libyan Islamists are fighting for control over the entire country and are making good progress. In September 2014 Qatar and Sudan had supplied the Libyan Islamists with weapons. In response, the governments of the UAE and Egypt bombed guerillas from the air in Tripoli and Benghazi. There are not only supporters of "al-Qaeda" among the jihadists in Libya, but also the groups that are associated with the "Islamic State". Some experts are already considering the Libyan city of Derna, with a population of 150 thousand people as

the third center of the "Islamic state" in Africa, along with the "Jund al-Khalifa" in Algeria and "Ansar Beit al-Maqdis" in Egypt[8].

The situation with human rights after the overthrow of the Gaddafi regime began to rapidly worsen. Immediately after seizing the power, the rebels have carried out dozens of brutal killings, not mentioning torture, beatings, and illegal arrest of thousands of people suspected for supporting Gaddafi.

As result of the civil war, 400 of thousands of Libyans were forced to run from their homes. Most of them joined the flow of refugees from Iraq and Syria, with which now the EU authorities do not know what to do.

In Yemen, where the social and cultural schisms are also deep, the compromise, reached many years after the change of political leader President Ali Abdullah Saleh, was short-lived and ended in armed confrontation.

Among the countries of the region, which were affected by the "Arab spring", Syria came off the worst. The conflict in Syria has gone far beyond ordinary civil war after the country turned into a confrontation platform of world and regional powers, starting with Iran, Turkey, Saudi Arabia, and Qatar and ending with the permanent members of the UN Security Council - Russia and the United States.

The terrorist organization "Islamic state" poses a particular threat to the region stability because it has taken control of large areas of Syria and Iraq.

On the 30th September 2015 at the request of President Bashar al-Assad, Russia began a full scale aerial operation in Syria. The stated goal of the operation is the fight against ISIS, while the US, Turkey, Saudi Arabia, and Qatar accuse Russia of strikes on the moderate opposition positions, which they support. After the terrorist attack on a A321 board of airline "Kogalymavia" the credit for which took the terrorist organization "Islamic state", the President of Russia Vladimir Putin ordered to strengthen the

operations intensity in Syria. In spite of the tragic situation in Syria, which began in late February 2016, the cease-fire between the Assad government and the opposition gives a little hope for a political solution to the conflict.

An example of such countries as Libya and Syria is a clear evidence that the attempt to spread in Arab countries the democratic regime of the Western type from the outside is totally hopeless and leads to the catastrophic consequences for the these countries statehood. We have to admit that in the Arabic East countries it is possible either secular dictatorship, like the Gaddafi regime in Libya and Assad in Syria, or chaos, anarchy and the rise of radical Islamists power. However, the ruling Arab regimes should learn a lesson from these events. In order to avoid the recurrence of the new "Arab spring", the ruling elite must not imitate, but develop the infrastructure of a real political citizens participation, otherwise the mass anti-government protests repetition is only a matter of time.

References

1. Арабская весна - URL: <http://postnauka.ru/faq/61168> (Дата обращения: 19.04.2016).
2. Constitution of the Tunisian Republic. Unofficial translation by Jasmine Foundation. - URL: http://www.jasminefoundation.org/doc/unofficial_english_translation_of_tunisian_constitution_final_ed.pdf (Дата обращения: 19.04.2016).
3. Дустур Джумхурийати Миср аль-Арабийати. (Конституция Арабской Республики Египет 2014 г.) - URL: <http://www.parliament.gov.eg/destour.aspx> (Дата обращения: 19.04.2016).
4. Кудряшова И.В. Арабское государство до и после «арабской весны». - URL: http://www.perspektivy.info/srez/theory/arabskoje_gosudarstvo_do_i_posle_arabskoj_vesny_chast_2_2015-10-26.htm (Дата обращения: 19.04.2016).
5. Государства - члены ООН. - URL: <http://www.un.org/ru/members/> (Дата обращения: 19.04.2016).

6. Власть в Ливии передана Всеобщему национальному конгрессу - URL: <http://spb.rbc.ru/topnews/09/08/2012/663871.shtml> (Дата обращения: 19.04.2016).
7. Гуляй-пустыня. Как живется Ливии в условиях анархической конфедерации. - URL: <http://lenta.ru/articles/2013/10/07/liberty> (Дата обращения: 19.04.2016).
8. Как убили ливийскую мечту. - URL: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/5138/> (Дата обращения: 19.04.2016).

Women's rights issue in Saudi Arabia and Iran

Behind the scenes of striking economic breakthroughs, sumptuous skyscrapers, assumed ventriloquist's role in versatile Middle Eastern policy The Kingdom of Saudi Arabia still makes enlightened democratic communities riled observing desperate plight of indigenous women in this traditionally patriarchal Muslim state pretending to adopt pseudo-gender reforms efficacy of which remains preposterous. Within relatively-recently demarcated territorial boundaries of this orthodox Salafi monarchy women still bring their lives on the mercy of male relatives being deprived of basic civil rights and freedoms as the reverse side of marginal Sharia laws guarantying "care and guardianship" for every women. On the other side of the Arabian Peninsula across deep blue waters of the Persian Gulf lies down one more traditionally Islamic state of another wing – the Islamic Republic of Iran where women are also languishing clinging to life under perpetual oppressions and hardships. Remarkably that notwithstanding the fact of existence of a broaden spectrum of significant similarities between hordiernal women' plight in both states - Saudi Arabia and Iran possessed incomparable dramatically different historical swifts in elaboration of internal gender relations. While Saudi Kingdom has never been distinguished as stronghold of gender equality, Iran for quite protracted period of time since the middle of the last century up to the Islamic revolution and sheikh Mohammad Reza Pahlavi subversion in 1979 manifested "westernized attitude" to gender relations and granted entire spectrum of civil rights for women. Within the frameworks of presented article gender issues of two mentioned Middle Eastern states are meticulously introspected in historical dichotomy in the light of historically-comparative approach. By historical modeling feasible scenarios of gender issues are elaborated considering historical, socio-cultural and economic peculiarities of both states.

Key words: gender issues, civil equality, women' rights, Middle East, Islamic patriarchal communities, cultural stereotypes, gender predictions, gender relations.

Gender roles in indigenous Saudi community have been deeply ingrained in mass conscience due to religious impose and versatile propaganda of orthodox Islamic clerics pretending to manifest Sharia (Islamic law). Saudi culture is primarily religious with a con-

stitutional platform laid by the righteous predecessors of Wahhabism. Religious laws are far crying from implementation of basic principles of fairness as long as the lion's share of them are unwritten which lures interpretive dichotomy and leaves judges with significant discretionary power which is usually exercised in favor of tribal traditions or direct benefits of certain social classes, especially for influential males in their all-permissiveness with regard to oppressed women [8].

Marginalized civil capacity of Saudi females stems not as much from Wahhabism and Quran directly, but mostly from perverted treatment of religious norms unveiled and imposed by venal bureaucrats and clerics and popularized by local mainstream-medias. Sex segregation and subdued / emasculated women' plight in Saudi Arabia not as much a religious product, but the subsequent result of prevailed gender stereotypes incorporated in national socio-economic mode. Islam isn't the main impediment to women's rights, but radicalized clerics are.

Meticulous introspection of Human Rights Watch annual reports devoted to gender issues in Saudi Kingdom unveils main urgent restrictions for women transmogrifying them into "second-rate citizens" and impeding gender rights equality campaign, usually labeled as "westernized onslaught" on Islamic values [9]:

- male guardianship necessity;
- necessary male permission for acquiring education, travelling, obtaining medical procedures, driving a car;
- ban to work alongside with males;
- necessity to obey religious dress code;
- strictly limited endorsement in political life.

Undeniable fundamental pillar of national Saudi law system obliges all females to be constantly accompanied by male-relative, typically a father, brother, husband or uncle in every social activities within the state. Females are deprived of any voluntarism and freedom of choice and compelled to pledge for guardian's permission

for marriage and divorce, travelling, education, employment, opening a bank account, medical procedures.

It must be underlined that even high-tech technologies and Internet access within the state didn't alleviate the pressure and ubiquitous control over every female, but just the opposite, only worsened women's plight [6]. Since 2012 every Saudi Arabian man receives a text message on their mobile phones every time when a woman of particular family needs a certain kind of permission. Full absence of any private life or freedom of choice are ordinary satellites of females' life in this kingdom.

Male guardianship necessity often encompasses direct threat to women's right. Some horrifying blood-curdling examples were manifested in HRW report also convulsed the world [15]. As, for instance, in July 2013, King Fahd hospital in Al Bahah postponed amputating a critically injured woman's hand because she had no male legal guardian to authorize the procedure. In August 2005, a court in the northern part of Saudi Arabia ordered the divorce of a 34-year-old mother of two (named Fatima Mansour) from her husband, Mansur, even though they were happily married and her father (now deceased) had approved the marriage. The divorce was initiated by her half-brother using his power as her male guardian, who alleged that his half-sister's husband was from a tribe of a low status compared to the status of her tribe and that the husband had failed to disclose this when he first asked for Fatima's hand.

A situation where a male guardian is thought to have abused his power to approve his daughter's marriage for personal gain is a 2008 case where a father married off his eight-year-old daughter to a 47-year-old man to have his debts forgiven. The man's wife sought an annulment to the marriage, but the Saudi judge refused to grant it notwithstanding the fact, that such marriage was an outrageously shocking pedophilia example. Male guardianship obligation has already transcended the boundaries of mere rule, it degraded down to speculations' subject while women are things of beneficial bargains.

Saudi labor market's chief motto "entrance with dogs and females prohibited". Some critics complain that such organizational practice constitutes an underutilization of women's skills, since females make up 70% of the students in Saudi institutes of higher education [10]. Practically it means that women are much more competitive and well-educated than men [1], but job places are reserved only for males in Saudi Arabia due to existing ban for woman to interact with opposite gender representatives while conducting professional functions. Additionally, gifted by king Abdullah right to participate in municipal elections for women in the light of general oppressed condition looks like a humiliating dole [11], due to the absence of identity cards and again necessity to obtain permission from family males [2].

So, it might be concluded, that within legislative, socio-economic, historical mode of Saudi kingdom, oppressed and marginalized females plight is not as much an essential historically elaborated product, but the subsequent result of prevailed gender stereotypes incorporated in national socio-economic mode within the frameworks of which men can't meet fierce competition with females within local labor market, so they prefer to blatantly abstain them from social activities. Islam isn't the main impediment to women's rights in Saudi Arabia, but radicalized patriarchal clerics are.

If in Saudi Arabia gender issues go hand in hand with dominating socio-economic traditions under observation from venal bureaucrats, in Islamic Republic Iran hordernal complexity over genders equality stems from radical historical drifts with a turning point dated back in 1979 when Islamic revolution swamped the country.

Before shah Mohammad subversion by brainwashed religious zealots, Iranian women demonstrated an inspiring example of adjusted campaign of women' emancipation for international Muslim community. Iran was the sole Middle Eastern state whose indigenous females were equally incorporated in political and social activi-

ties alongside with man. The state was blatantly abandoned with miscellaneous women's movements, organizations, clubs striving for dramatical changes [12].

Iranian women's movement first emerged in 1910, when the first Women Journal was published by women. Between 1962 and 1978, Iranian women's movement gained tremendous victories: the right to vote in 1963 as part of Mohammad Reza Shah's White Revolution [7], free choice in professional life and carrier-orientation were accompanied by the Family Protection Law provided new rights for women, including expanded divorce and custody rights and reduced polygamy. In 1969 women were also granted by driving license [3].

However, the era of astounding female-activists success for civil equality in Iran was not so protracted. Orthodox Sunnites heavily instigated by foreign puppeteers stigmatized internal modernization as Western onslaught on traditional Islamic values to loose state's centuries old traditions, cultural peculiarities, sovereignty and independence. The shah overthrown became a turning point in gender issues resolving attempts, since which a sad devolution in gender relations was pushed at the front line rolling entire nation back in tribal times.

With passage of time, the lion's share of conquered female's rights was systematically removed through legislation, as for instance the specified professional codification, restricting carrier and education opportunities for adult women [13].

Soon after the revolution obligatory hijab wearing and annulment of female's political rights [5] also were translated into sad reality.

However previous females victories left their traces in Iranian history revealing themselves up to nowadays. In comparison to other Middle Eastern states Iranian women are granted for much more civil rights and freedoms even so not as diversified and fully-abide as in the Western communities: unimpeded travelling, state's spon-

sored grants for education, widened opportunities for employment [14].

Furthermore, historical successors of the first women's movement within the country are still safe and sound. Dynamic historical shifts induced the appearance of unique consciousness of national Iranian feminist movements, regarding to be the most influential across all Middle Eastern region [3].

So, it might be concluded that gender issues and marginalized females' plight in Muslim communities possessed not as much religious inducements, but rather objective socio-economic, as in Saudi Arabia, for example, where women are things of beneficial bargains. Or such inducements might be historical, as in Shia Iran, where women are still forced to fight for civil equality as a reaction to Western-Eastern cultural codes amalgamation attempts.

References

1. Abu Nasr, N Julinda, Khoury, and H. Azzam, Women Employment and Development in the Arab World, (Berlin: Mouton Publishers, 2016)
2. Altorki, Soraya Citizenship in Saudi Arabia / Joseph Suad Gender and Citizenship in the Middle East. Syracuse University Press/ 20016 ISBN 9780815628651.
3. Afkhami, Mahnaz Iran: A Future in the Past--The "Prerevolutionary" Women's Movement in Sisterhood Is Global: The International Women's Movement Anthology, by Robin Morgan (ed.). New York, NY: Columbia University Press. ISBN 978-1-55861-160-3.
4. Afkhami, Mahnaz The Women's Organization of Iran: Evolutionary Politics and Revolutionary Change in Women in Iran from 1800 to the Islamic Republic By Lois Beck and Guity Nashat. University of Illinois Press. ISBN 978-0-252-07189-8.
5. Esfandiari, Haleh The Role of Women Members of Parliament/ University of Illinois Press. ISBN 978-0-252-07189-8.

6. Jardine, Cassandra There's such ignorance about us/ *The Daily Telegraph*/12 December 2016/ London.
7. Keddie, Nikki R. *Modern Iran: Roots and Results of Revolution*. New Haven, Connecticut: Yale University Press, 2006. Pages 292-294.
8. Marianne Alireza, *Women of Saudi Arabia* (National Geographic, 2015), 423-453.
9. Michael L. Ross, "Oil, Islam, And Women," *American Political Science Review* (2016): 107--123.
10. *The Global Gender Gap Report 2016*" (PDF). World Economic Forum. p. 11.
11. Summer Scott Huyette, *Political Adaptation in Saudi Arabia: A Study of the Council of Ministers* (Colorado: Westview Press, 2015).
12. Sanasarian, Eliz (1982). *The Women's Rights Movements in Iran*. New York: Praeger. pp. 124–129. ISBN 0-03-059632-7.
13. *Reform and Regression: The Fate of the Family Protection Law". The Feminist School.*
14. Paydar, Parvin *Women and the Political Process in Twentieth-Century Iran*. Cambridge University Press. ISBN 978-0-521-59572-8.
15. *Women's Rights in the Middle East and North Africa: Citizenship and Justice*. Freedom House. 2005. p. 262. ISBN 0742549925.

Specificity of integration of refugees from the Middle East in Germany

This article tells about the issues related to the integration of refugees from the Middle East in Germany. Starting with the statistical data the focus shifts on to the particular examples of the low integration level of migrants and increasing anti-immigrant sentiments within the host society. A heavy emphasis is also put on the Integration Act introduced in August, 2016, which positive and negative sides are estimated in the article.

Keywords: integration, Syrian refugees, Germany, migration policy

Germany has been one of the most attractive immigration countries in recent times. Since 1960s when it started employing foreign workers and the government signed a number of recruitment treaties, immigrants from the Middle East and other regions of the world began to flow in Germany. The country was in urgent need of unskilled workforce ready to do low-wage work and found it represented by Turks, most of which became permanent residents later on. Today academic estimates show that 2.5 to 4 million residents of Germany are of Turkish origin [4]. For a long time, the Turkish minority has been the main pressure point in terms of integration of migrants into German society. Turks who are overall worse educated than Germans, have their own beliefs, traditions, and morale different from those of host society and tend to live separately forming their own ethnic communities. The attempts to integrate them into German society and implement the idea of multiculturalism have failed.

Nevertheless, this problem faded into insignificance in 2015 when the migration flows reached their pinnacle. According to Federal Office for Migration and Refugees, the number of migrants arrived in Germany that year accounted for 1 125 419 [15]. The majori-

ty of them were displaced persons fleeing the unstable military and political situation in their countries. So, 29% of asylum seekers were from war-torn Syria. Afghanistan and Iraq were the second and third most common countries of origin and accounted for 14% and 10% of the total number of migrants [2]. Although the EU-Turkey agreement on Syrian refugees contributed significantly to stabilization of the situation and allowed to decrease the number of asylum seekers fleeing to Europe and, in particular, Germany, the challenge of integration of those already arrived remains.

It is important to notice that 74% of first-time asylum applicants in 2015 were male, and 68% of them were aged under 33. This group of migrants is believed to be more inclined to integrate into the host society. The level of education and participation in the labour market are also very important components of integration. According to the survey, 70% of the adult respondents had attended school for between five and fourteen years, 13% can be categorised as unskilled, and only 10% as highly-skilled. Such a big number of poorly educated migrants may be beneficial for the country's economy but can lead to significant problems in their integration process [3].

Only 476 649 out of more than a million migrants, who came to Germany in 2015, have registered with authorities and applied for asylum. Others are said to be either working on the black market or have merged into the criminal underworld committing petty crimes and drug dealing. Half of the migrants whose asylum applications were rejected have not left the country. It goes without saying that they are also providing for living through illegal ways as they are not allowed to work and get social benefits [6].

Illegal residence and all the problems related to it is just one aspect. What is also important is the cultural and civilizational differences between the local residents and migrants alongside with the unremitting danger of terrorist threat that altogether make the atmosphere in the country strained. We all have heard about what happened during the 2015/2016 New Year's Eve celebrations in

some German cities. In Cologne, Frankfurt, Dortmund, Düsseldorf, Stuttgart, and Hamburg hundreds of people appealed to the police saying they had been sexually abused or robbed by men of Arab and North African appearance. These events were too attention-getting and got out in the open. But there is an allegation that many migrant crimes are downplayed or covered up by authorities and mass media.

If we look at Police Crime Statistics in 2015, we will see that 463 889 of the total number of offences, which accounts for 26%, were committed by immigrants (current asylum applicants, quota or civil war refugees). The report states that there has been a sharp increase in a number of offences in 2015 which obviously results from the abnormal migration flows. Among all the non-German suspects Syrian top the list (14.7%), Turkey is running second (8.6%), and Afghanistan is in the third place (6.7%) [10]. These are relative figures as a big percentage of crimes is unreported - only a minority of the resident population comes to the police to notice on suspicions of a criminal offence. Although there is no official statistics yet it is on record that in 2016 the crime rate by non-Germans has increased significantly.

Angela Merkel's open-door policy on immigration has been highly criticized by her opponents and even the members of her own party Christian Democratic Union of Germany. Attitude to the migrants among the permanent residents seems to be ambivalent. Two thirds of those surveyed believe that religion should not be taken into consideration while providing asylum. A lot of people consider refugees should have a right for better future in Germany. At the same time one in two fears that an influx of migrants increases the risk of terror. One person in three believes that a big number of refugees threatens the future of Germany. More than 30% of respondents tend to believe that refugees are not subjected to any persecution in their native countries and their seek for asylum is illegal [13].

More and more Germans are emigrating due to different reasons - financial, social and cultural. The refugee crisis which makes people feel insecure might have also influenced the figures. According to the German statistics agency, 138 000 Germans left Germany in 2015 [16].

Another evidence of the populace's discontent with the migration policy can be the results of the regional elections in Mecklenburg-Vorpommern in September 2016. They brought success to the rightwing populist Alternative for Germany, which won 20.8% of votes for the most part by virtue of its anti-refugee and anti-Islamic rhetoric. Angela Merkel's Christian Democratic Union came third and could gain only 19% of votes which was the lowest result ever for the party [14]. The elections in the Berlin's parliament in September 2016 also showed an increase in popularity of the nationalist Alternative for Germany as it won 14.15% of votes which was definitely a success that allowed the party to enter the Berlin's parliament first time in its history [1].

The year 2015 saw a five time increase in the number of violent acts targeting asylum-seeker housing. There were more than 1000 attacks on accommodations for refugees, ranging from arson to offensive graffiti. It is estimated by the authorities that 901 of them were rooted in extreme right-wing ideology [12]. Moreover, refugees have difficulties with the access to housing: reception system solutions are often insufficient to respond to their housing needs, especially in the long term. And local authorities very often show strong prejudices based on race, ethnic origin, gender, and economic factors [5].

More and more people tend to accept radical views. The activity of the anti-Islam PEGIDA movement originated in the eastern German city of Dresden in 2014 has arisen since 2015. It has grown significantly in followers and expanded into other European countries. Since the beginning of the migrant crisis it has staged rallies in several cities across Europe to protest against the arrival of enormous

number of migrants from the Middle East and Africa and the movement has found thousands of supporters.

In spite of the growing anti-immigrant sentiment, the majority of the well-educated middle class Germans are tolerant towards the asylum seekers from the Middle East. Those who stand against immigrants and refugees are primarily eastern Germans, people of some settled migrants groups, for example ethnic Germans from Russia, and generally poorly skilled, educated and young people [11].

In order to respond to the integration problems Germany has passed a new «Integration Act» [7] which is aimed at regulating the rights and responsibilities of migrants seeking asylum in the country, in particular facilitating their access to the labor market and integration through different courses. New legal measures require migrants and refugees to integrate into society in order to be allowed to live and work in the country. It is of extremely importance for incomers to become full-fledged members of the hosting society and not just to live in it creating closed ghettos and disturbing the locals. The new law, which is based on the motto «Support and Demand» (Fördern und Fordern), implies that the government will take an active part in the whole integration process of migrants.

So, what does the Integration Act include? First, it is integration courses. As the language proficiency and orientation in the society are the key factors for integration, the migrants will have to attend courses on German language, culture, society, history, legal system and values once they arrive in the country. Language courses will be available six weeks after arriving in Germany and it does not matter if migrants' asylum applications have been already processed or not. The duration of the courses will be increased from 60 hours to 100 hours. And they will be indispensable for all asylum seekers: the social welfare benefits of those who refuse to attend integration classes without good reason will be reduced. All refugees seeking perma-

ment residency are demanded to have a good level of German language [8].

Another aspect of the law is work programs. The federal funds create 100 000 low-wage jobs with an hourly compensation of 80 cents. A work program for one refugee can take 6 month and include 30 hours per week. Those who refuse to work will have their benefits cut. The program does not cover the migrants from safe countries of origin.

The integration law also involves the liberalization of existing labor laws. They will be reformed in such way that German companies will be encouraged to hire refugees, even if better qualified German or EU citizens are applying for an advertised position. But this priority will be given only in a number of regions depending on the local labor market conditions.

The refugees are stimulated to start vocational training as during the three-year vocational training period the refugee trainees cannot be deported. And after they complete vocational training and get a permanent position they will be granted another two-year residence permit. Even if the refugees do not find a permanent job they will still have a period of six months to find adequate employment.

As it was said above the law includes the measures to prevent refugees from settling in migrant ghettos. The Integration Act gives regional governments the competence to determine place of residence to refugees, allocating or banning them from living in certain areas for the next three years. The law does not affect refugees who start vocational training, university studies, or a job that covers the minimum costs of living expenses.

Permanent residency is granted to refugees who have attended integration courses, are proficient in German language and can provide themselves independently after five years. The migrants showing exceptional German skills and ability to integrate can be awarded a permanent residence permit after only three years.

Responding to the proliferation of migrant sex crimes in Germany, it is stated in the document that assaults on women, children and others in need of protection will not be accepted no matter if such attacks are directed against German citizens or against refugees [9].

Despite all the positive sides the law certainly has a number of drawbacks:

- it implies that the refugees will not have any discretion in deciding where they live which is one of the fundamental rights of freedom of movement. They can be relocated from certain communities by regional authorities;

- the Act does not say how to integrate those migrants who have not applied for asylum. And as we know about the half of all incomers in 2015 meet this category;

- the government is already facing a shortage of instructors for the integration courses. It remains unclear where to find thousands of new instructors to implement the new law;

- it is important that refugees will not compete with long-term unemployed people. So, all these measures for migrants such as trainings, new job opportunities should also be available for this category of citizens;

- in addition, the exact sponsor who will sign on the bottom line is not stated in the Integration Act. Surely, the central government will have to cover some expenses, but a lot of them are likely to come upon local authorities;

- the law definitely lacks meaningful measures of punishment. Cutting welfare benefits may be quite unpleasant for refugees who refuse to attend integration courses or work, but it not as serious as deportation and does not make a big difference to people from poor countries. And the refugees who flee warzones cannot be deported to their countries of origin in all circumstances. So, a lot of people will stay in Germany either way even if they will not get a permanent residence according to this law. Also, the coalition agreed on

the prolongation of residence permission once in 6 month in case a refugee stops education, which means it can become an endless process.

Generally speaking, up until now all the attempts of the government to integrate migrants into German society seem inefficient. So is the new Integration Act which can be described as imperfect and too difficult to implement. However, we should not ignore its possible positive effect. This law can be seen as a foundation or first step toward an immigration law which is likely to be accepted in a few years. And it is still unclear if the Act will actually hinder the integration or produce some improvements into current immigration legislation.

What the German government leaves out of account is that integration can only be successful as an intermutual process. It should involve the goodwill of the local population and their readiness to accept the newcomers as well as the willingness of immigrants to respect the people, society and the rules of the host country and to actively work towards their own integration.

References

1. Abgeordnetenhauswahl am 18. September 2016 in Berlin. – URL: <http://www.wahlrecht.de/news/2016/abgeordnetenhauswahl-berlin-2016.html>
2. Asylum in the EU Member States // Eurostat. – URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7203832/3-04032016-AP-EN.pdf/790eba01-381c-4163-bcd2-a54959b99ed6>
3. BAMF Brief Analysis Social structure, level of qualifications and employment // http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/EN/Publikationen/Kurzanalysen/kurzanalyse3_sozial-komponenten.pdf?__blob=publicationFile
4. Conradt D. P. The German Polity / D. P. Conradt, E. Langenbacher. - Rowman & Littlefield Publishers, 2013. – p. 421.

5. Female refugees and asylum seekers: the issue of integration. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/556929/IPO_L_STU\(2016\)556929_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/556929/IPO_L_STU(2016)556929_EN.pdf)
6. Hall A. Half a million migrants have failed to register with authorities / A. Hall // dailymail. – URL: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-3524093/Half-million-migrants-arrived-Germany-18-months-failed-register-authorities-working-illegally-engaged-criminality.html>
7. Integrationsgesetz ab 06.08.2016 // buzer.de. – URL: <http://www.buzer.de/gesetz/12155/index.htm>
8. Kern S. Germany's New Integration Law / S. Kern // Gatestone Institute. – URL: <https://www.gatestoneinstitute.org/8145/germany-integration-law>
9. Merkel: Integrationsgesetz ist Meilenstein // Bundesregierung. – URL: <https://www.bundesregierung.de/Content/DE/Artikel/2016/05/2016-05-25-meseberg-gabriel-merkel-mittwoch.html>
10. Police Crime Statistics. Report 2015. – URL: file:///C:/Users/%D0%AE%D0%BB%D0%B8%D1%8F/Downloads/pks2015_englisch.pdf
11. Scholz K.-A. What is the Alternative for Germany? / K.-A. Scholz // dw. – URL: <http://dw.com/p/1JvsQ>
12. Schumacher E. Report: Five times more attacks on refugee homes in Germany in 2015 / E. Schumacher // dw. – URL: <http://dw.com/p/1Hlen>
13. Steinmetz V. Die Willkommenskultur verabschiedet sich / V. Steinmetz // Spiegel Online. – URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/fluechtlinge-deutsche-ruecken-von-willkommenskultur-ab-a-1101494.html>
14. Wahl zum Landtag von Mecklenburg-Vorpommern am 4. September 2016. – URL: http://www.mv-laiv.de/serviceassistent/_php/download.php?datei_id=1578855
15. Wanderungsmonitoring: Erwerbsmigration nach Deutschland. – URL: http://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Publikationen/Broschuere/wanderungsmonitoring-2015.pdf?__blob=publicationFile
16. 2015: Höchststände bei Zuwanderung und Wanderungsüberschuss in Deutschland. – URL: https://www.destatis.de/DE/PresseService/Presse/Pressemitteilungen/2016/07/PD16_246_12421.html

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Ю.В. Власова

«Вестник Европы» и «Русские Ведомости» о сербо-турецкой войне 1876 года

В статье анализируются периодические издания «Вестник Европы» и «Русские ведомости» в контексте участия России в сербо-турецкой войне 1876 г. Предпринята попытка выявления особенностей печати либерального направления и их роли в формировании общественного мнения по поводу защиты России балканских народов в период Восточного кризиса 70-х гг. XIX века.

Ключевые слова: Восточного кризиса 70-х гг. XIX в., печать, «Вестник Европы», «Русские ведомости», сербо-турецкая война 1876 г.

The article reviews the periodicals «The Herald of Europe» and «Russian News» in the context of Russia's participation in the Serbo-turkish war of 1876. An attempt has been made to identify the features of the liberal press and their role in shaping public opinion on the protection of Russia by the Balkan peoples during the Eastern crisis 70-ies. XIX century.

Key words: Eastern crisis of the 70-s. XIX century, the press, «Herald of Europe», «Russian News», the Serbian-Turkish War of 1876.

Периодические издания России второй половины XIX в. очень чутко реагировали на изменения в общественном мнении русского общества. Основными событиями международной политики, которые не сходили со страниц печати были - восстание в Боснии и Герцеговине в 1875 г., Апрельское восстание в Болгарии и сербо-турецкая война 1876 г. Они не только всколыхнули общественное мнение России, но и вызвали активное участие народных масс в моральной и материальной поддержки южным славянам, боровшимся за освобождение. Периодиче-

ские издания во многом определили и ту роль, которую в последствии сыграет Россия в освобождении славян Балканского полуострова конца XIX в. Являясь выразителем взглядов тех или иных общественных кругов они очень часто формировали и общественное мнение России по самому разному кругу вопросов, в том числе и в отношении освободительного движения восточных славян Европы.

Отражая отношение различных слоев русского общества к сербо-турецкой войне 1876г., пресса различных направлений обсуждала проблемы балканской политики западноевропейских государств, давая оценку событиям в Сербии, выражая свои взгляды по вопросу о роли и месте России в урегулировании Балканского кризиса.

Общественный подъем в России в период Восточного кризиса 70-х годов XIX в. способствовал развитию либерального направления в общественной жизни России. Основное звено его программы, обретшей более четкие формы к началу 80-х годов, заключалось в стремлении реформировать самодержавие в буржуазную монархию европейского типа [1; с.3].

Вследствие неразвитости буржуазии как общественного слоя, носителями идей либерализма выступали не капиталисты, а интеллигенция – университетская профессура, публицисты, земские деятели – представители так называемого образованного общества. Выразителями их взглядов стали органы печати либерального направления – журналы «Вестник Европы» и «Русские ведомости».

Если в консервативных кругах вопросы внешней политики тесно переплетались с вопросами внутреннего положения в стране, то в таком же направлении можно обнаружить перемены и в мировоззрении либерального дворянства и в верхах либеральной буржуазии.

За немедленное вмешательство России в балканские дела стала выступать более решительно и та либерально-буржуазная

пресса, которая и раньше осуждала попытки дипломатического разрешения балканских осложнений, возникших в связи с восстанием в Боснии и Герцеговине, а затем и с сербо-турецкой войной («Русские ведомости», «Вестник Европы»).

Эти либерально-буржуазные круги считали, что момент упущен, и теперь задача России немедленно выступить, даже если бы это грозило европейской войной.

В частности, «Вестник Европы» писал: «Все внимание наше привлекают теперь герцеговинцы, черногорцы, сербы и болгары. Борьба требует от них тяжких жертв, но она имеет и хорошую сторону - означает сознание, уверенность в себе, бодрость... За целый месяц наши газеты, занимаясь по обязанностям, всеми текущими делами, живут почти исключительно теми интересами, в которых бьет ключ жизни, стремлениями и усилиями славян» [2; с.781].

«Русские ведомости» и «Вестник Европы» на своих страницах подробно освещали в рубрике иностранная политика положение дел на Балканах. Точка зрения «Вестника Европы» по этому вопросу сводилась к следующему. Австрия противилась идее автономии Герцеговины и Боснии, то есть возникновению нового самостоятельного образования, подвластного Турции. Было совершенно не понятно, как европейская дипломатия вместо проектов турецких реформ не взялась прямо за мысль об автономии этих областей, тем более, как подчеркивал этот журнал, что еще год тому назад о такой комбинации заговорили первые в европейской печати - газеты английские. Получив самостоятельность, Босния лишилась бы шанса присоединения к Сербии и, по всей вероятности, подпала бы под влияние Австрии. «Само австро-венгерское правительство этого не желало, так как пример получения самостоятельности пограничной с австро-венгерской монархией славянской области был бы вредным примером для славян «соединенных частей венгерской короны» [2; с.809].

«Русские ведомости», с одной стороны отмечали обострение англо-русских противоречий, подчеркивая стремление Англии захватить турецкий рынок, в том числе и славянские области [3]. С другой стороны, они подчеркивали и непрочность союза трех императоров, его неспособность разрешить дипломатическим путем балканскую проблему.

Консервативные круги, как и либеральные, движение сочувствия в России балканским славянам, стремились изобразить как единый поток, считая главным побудительным мотивом этого движения чувство единой веры.

«Есть, - писали «Русские ведомости», - в истории нации такие торжественные эпохи, когда чувства сливаются в одном общем аккорде». Такую эпоху, по мнению либеральной прессы, и переживала Россия теперь. «Славяне, - писала эта же газета, - воюют не с государством им враждебным, они ведут борьбу с врагами веры, которую исповедывают, с врагами племени, которому они принадлежат... В этом заключается тайна никогда небывалого на памяти нашей истории всеобщего воспламенения, которым ныне объят русский народ» [4].

Выступление России в защиту Сербии после ее военного поражения в октябре 1876г. и подготовка к войне с Турцией сопровождались требованием консервативной печати территориального вознаграждения. Либеральная пресса была с ней в этом солидарна, называя передачу Константинополя России как основную задачу русской политики [5; с.381].

Хотя правительство и опровергало подобные заявления, но делало это главным образом в дипломатических сферах, а широкая общественность, как правило, отождествляла его цели с теми, которые пропагандировались панславистами и иного рода шовинистами типа Каткова, Фадеева, Суворина и др.

Как мы видим, либеральная пресса в период сербо-турецкой войны 1876г. не выдвинула самостоятельной внешне-политической программы и в основном поддерживала прави-

тельствующую политику, возражая только против ее отдельных крайностей, реакционных и авторитарных тенденций. Главный объект критики либералы видели не в правительственной политике, а в правых кругах общества, призывавших к военным авантюрам. Внешняя политика правительства в целом отвечала задачам буржуазного развития страны, и это осознавалось либералами. Что касается авторитарных тенденций, порожденных самодержавным строем, то нейтрализация их, по мнению либералов, могла быть обеспечена гласностью, контролем представительных учреждений, влиянием общественного мнения. В этих надеждах отражалось пока еще робкое стремление буржуазии к участию в политических делах, к ограничению абсолютизма в России.

Периодические издания в период сербо-турецкой войны 1876 г. при анализе общественного подъема, охватившего русское общество, все-таки причины его появления и развития объясняли по-разному. Являясь выразителем разных политических слоев общества, их точка зрения отражала ту или иную идеологию, такую как славянофильскую, либеральную, консервативную или народно-демократическую, что находило свое отражение при анализе, как внешней политики России, так и внутренней. Но при анализе либеральных изданий можно найти и то общее, что объединяло их с другими изданиями, это признание того, что общественный подъем, охвативший Россию в период сербо-турецкой войны 1876 г., был схож с подъемом в период отечественной войны 1812 года.

Библиографический список

1. Алафаев А. А. Русский либерализм на рубеже 70 - 80-х гг. XIX в. М., 1991. – С. 3.
2. Вестник Европы, №8, август 1876, - С.781.
3. Русские ведомости, №262, 1876.
4. Там же, №204, 1876.
5. Вестник Европы, №7, июль 1876. – С.381.

**Пантюркизм:
генезис и эволюция
(историко-политологический анализ)**

В статье анализируется генезис и эволюция пантюркизма. Утверждается тезис о гуманизме культурно-либерального пантюркизма крымскотатарского просветителя Исмаила Гаспринского.

Ключевые слова: пантюркизм, тюркизм, джадидизм, национализм, Османская империя, Российская империя, Турция.

«Ветер перемен», последних лет, принесший потепление общественного климата, позволил посмотреть на многие явления без предвзятости, более объективно. Однако, в то же время, обнаружилось, что с мифами человечество расстается весьма неохотно. Так, представление о пантюркизме, существовавшее не одно десятилетие, сохраняется неизменным даже тогда, когда многие идеологические и политические оценки, зачастую, поменяли знак "минус" на "плюс". Ученые, отметившие «научный прорыв» и наметившийся «пересмотр с современных позиций и реабилитация в общественном мнении концепции пантюркизма», [21, С.159] - сделали, как оказалось, преждевременный вывод.

В одном из изданий «Советского энциклопедического словаря», в статье «Пантюркизм», читаем, что это «реакционно-шовинистическая доктрина турецкой буржуазно-помещичьей верхушки, возникшая в начале XX века. Проповедует объединение под властью Турции тюркоязычных народов» [13] Вышедший уже в постсоветское время справочник «Политология» [4] отличается от предыдущего немногим. Косвенно упомянутая в нем Россия, однако, именно та страна, которая вместила до 1914 года в свои границы практически всех представителей тюркоязычных народов. Прогноз крымско-татарского просветителя

Исмаила Гаспринского о том, что «России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что <...> нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы» [2, С. 208] - полностью оправдал себя.

Высказанная мысль - лишь частный случай предполагаемого ответа на большой и сложный вопрос о месте и роли России в «извечной дихотомии Запад – Восток». Следует отметить, что соседство с глубокой древности славян с народами, которые принято объединять под именем "туранских", не вызывает никаких сомнений. Следует, принять во внимание классификацию, данную Н.С. Трубецким, основавшим в эмиграции историческое направление «Евразийцев». К «туранцам» он относит финно-угорскую, самодийскую (самоедскую), монгольскую, маньчжурскую (относя сюда японцев и корейцев), а так же тюркскую языковые семьи. «Туранский психический облик явственнее всего выступает у тюрков» [17, С. 94], - подчеркивает Н.С. Трубецкой, считая, вероятно, «исторический» Туран - (географическое название территории, лежащей между Каспийским морем, Иранской и Акмолинской возвышенностями и истоками рек Сыр-Дарья и Иртыш) - прародиной тюрков. Терминологически пантюркизм следует отличать от пантуранизма, "говорящего" от имени всей урало-алтайской языковой семьи.

В конце XIX, начале XX веков, востоковеды оперировали цифрой в 10-12 млн., то перед распадом Советского Союза, количество тюрков-мусульман превысило 47 млн. человек. В это число вошло: узбеков, 8.136.000 казахов, 6.770.000 азербайджанцев, татар, 2.729.000 туркмен, 2.529.000 киргиз, 1.449.000 башкир, 424.000 каракалпаков, 282.000 кумыков, 272.000 крымских татар, 263.000 уйгур, 208.000 турок, 156.000 карачаевцев. 85.000 балкар, 75.000 ногайцев [14, С. 38-42]. Таким образом, на лицо аргументированное обоснование тезиса о российском происхождении пантюркизма.

Обозначив пантюркизм как разновидность национализма, следует обратить внимание на то, что национализм на Востоке, во все времена сильно разнился от того же явления на Западе, в государствах которого он получил свой негативно окрашенный оттенок. В европейских странах представление подобного характера основывалось на экспансионистских целях национально - консолидированного, государства, стремящегося к росту власти и расширению территориальных владений. На Востоке он преследовал иные цели. В Европе система, тормозившая развитие общества, разрывалась изнутри. Давление «извне» в «феодалной Азии», естественным образом, выдвигало на первый план идеи не социальные, а национальные. Национализм, родившийся на почве средневекового мышления, первоначально не мог не базироваться на религиозной основе. Таковым был предтеча всех других национальных течений на Востоке, угасавший и вновь возрождавшийся панисламизм. Но уже вскоре один из видных представителей панисламизма, Джемаледдин Афгани (1839-1898), обосновывает мысль о необходимости выхода за внеконфессиональные рамки. «Единство не мыслимо без родства, родство не мыслимо без языка, а язык не может выполнять свою социальную функцию, если не послужит средством понимания всех слоев ... одного и того же общества - констатирует он. Объединяет людей, по мысли Афгани, религия и язык. Но значение языка, как объединяющего людей начала, гораздо важнее, чем религия, ... язык сохраняется в неизменном виде... дольше. Мы видим расу, говорящую на одном и том же языке, в протяжении тысячи лет несколько раз менявшую свою веру» [9, С.57].

Идеи Афгани сыграли положительную роль в двух аспектах, во - первых, они дали толчок для критического анализа положения мусульманских народов, во-вторых, послужили материалом для разработки первых националистических концеп-

ций, основанных не на конфессиональной основе, а базировавшихся на расовых приоритетах.

Пантюркизм, таким образом, взяв за основу расовый критерий определения общности людей, явился промежуточной стадией между ранней формой восточного национализма, каковым был панисламизм (отрицавший национальные особенности отдельных мусульманских народов) и тюркизмом, разновидностью так называемого «буржуазного национализма» - продукта соответствующих ему экономических и социально-политических условий начала XX века. Выделенные аспекты указывают на то, что проблема пантюркизма сложна и многоаспектна, она требует внимательного и всестороннего анализа

***

В статье красной нитью проходит кажущаяся на первый взгляд парадоксальной мысль о том, что пантюркизм несет в себе определенный гуманистический потенциал. Подобного рода вывод напрашивается после знакомства с человеком, стоявшим у истоков движения. Исмаил бей Гаспринский (Гаспралы) (1851-1914) - крымскотатарский публицист, реформатор мусульманской системы образования и основатель, по сути дела, печати среди тюркских народов России; просветитель, которого, без всякого сомнения, можно поставить в один ряд с выдающимися людьми эпохи, кандидатура которого была в свое время выдвинута на соискание Нобелевской премии мира. Личность, посвятившая всю свою сознательную жизнь гуманной по своей сути задаче - борьбе с «невежеством», в котором «прозябал» Восток.

Достижение поставленной цели предполагалось с помощью просвещения, что подразумевало под этим: во-первых, реформу образования посредством внедрения новых методов обучения, а также преподавание помимо традиционных для мусульманской среды предметов еще и светских наук, причем для лучшей продуктивности предполагалось проводить учебу на родном языке; во-вторых, предполагалось развитие мусуль-

манской печати. Распространителем идей Исмаила Гаспринского среди тюркских народов России стала газета "Терджиман - Переводчик" (1883-1918), редактором-издателем которой стал он сам.

Главной особенностью российских условий было то, что мусульманскими подданными империи были тюрко-татары (термин имевший место в XIX – начале XX века) и перед всеми ними стояли практически одни и те же задачи. Таким образом, призыв газеты "Терджиман" - «Единство в языке, мыслях и делах» («Dilde, fikirde, işte birlik») - нашли широкий отклик в тюрко-татарской среде, став сутью культурно-либерального пантюркизма вплоть до февраля 1917 года.

Для преодоления имевшихся барьеров в языке, предполагалось создание единого для всех тюркских народов литературного языка, который под названием «тюрки» стал внедряться методом «делай как я» газетой «Терджиман». Все мероприятия, направленные на разрешение общих для тюрко - татар России задач и послужили основой пантюркистского движения, которое до начала XX века так и не получило своего теоретического и организационного оформления.

Характер, рассматриваемого нами пантюркизма во многом зависел от личности Исмаила Гаспринского, который не представлял судьбу тюрко-татар вне истории Российского государства, положив начало, течению "Евразийства" еще задолго до появления сочинения Н.С. Трубецкого и последователей его школы.

В своих работах «Русское мусульманство» (1881), «Русско-восточное соглашение» (1896) и материалах газеты "Терджиман" он занят поиском "межнационального консенсуса", в частности, "русско-тюркского согласия",

«Пантюркистская идея, - как подчеркивает, исследователь творчества Гаспринского С.М. Червонная, - у него вообще не

была связана с жесткой концепцией "национальной государственности» [22, С. 34]

Культурную миссию народов тюркоязычного мира он понимал вне связи с претензиями на свои великие и малые державы, не придавал значения границам между странами. Он подчеркивал позитивное значение общетюркской солидарности как миротворческой силы, направленной на благородные цели сотрудничества братских народов, консолидацию их творческих сил. Триада «секты, языка и племени» то есть религиозная, языковая и этническая близость ставится Гаспринским во главу угла всех его рассуждений. Оппоненты появились у него еще при жизни. С ним были не согласны "ревнители старины" - "кадимисты", что, по сути, привело к расколу в среде мусульман. Сторонников Гагаринского стали называть "джадидами" или "новометодистами" по названию предложенного им метода обучения в школах и медресе. Напрашивается вывод, что просветительская природа джадидизма совпадала по объему с культурно-либеральным пантюркизмом. Сторонников И. Гаспринского поэтому совершенно справедливо называли джадидами, а не пантюркистами. После смерти Исмаил бей имя его надолго было предано забвению, в качестве вины ему было инкриминировано звание «верного слуги дома Романовых».

Заслужив почет и звание «отца всех мусульман» он, однако, не был фигурой сугубо региональной. Гаспринский органически вписывается в историю русской культуры, олицетворяя собой пример общероссийского патриота. Высказанная им мысль, что «мусульмане не чувствуют себя чужими на Руси и не чуждаются общения и сближения с русскими людьми» [1, С. 199] - на наш взгляд, требует уточнения и корректировки времени и места «агрессивных устремлений пантюркизма», которым была посвящена I Международная научно-практическая конференция «Пантюркизм и проблемы национальной безопасности

России», организованная Фондом поддержки русско-армянского содружества [5].

Так, предвзято идеи Евразийцев» и фиксируя специфические особенности ментальности русского народа и русской культуры сравнительно с Западом, он квалифицирует Россию как естественную посредницу между Европой и Азией. «Для мусульман русская культура более близка, чем западная» [1, С. 201] - писал он.

В чем конкретно видел Исмаил бей причины близости русского и мусульманских, в частности тюркского, народов?

«Их свела в одно общее великая равнина-Родина, простирающаяся от Алтая и Памира до болот Балтийского моря; их породнило общее горе от неумения жить» [16, 1905. -12 апреля (№ 28)] - находим мы в одной из его статей. «И Запад и Восток – далеки от глубоко верующей России. Так глубоко, так искренне веруют только мусульмане», [16, 1903.-28 июля (№ 29)] - констатирует он. Как тонкий психолог Гаспринский распознал все нюансы «русской души» и видел в ней то, что исповедовал сам, как говорили в старину – терпимость, а сейчас сказали бы толерантность.

Слово «земляк», считан он, включает в себе великую, чисто русскую идею. «С_земляком мусульманин сходится лучше, легче, тесней, чем с вековыми соседями, ибо последние не имеют той великой примиряющей силы, коей владеет «земляк»... Вот, господа, почему я русский резюмирует в одной из своих статей Гаспринский, - что вовсе не мешает быть мусульманином и татарин. Вот почему интересы и польза русских мусульман тесно связаны в моем, убеждении с общерусскими» [16, 1886.-15 августа (№ 37)]. Пользуясь термином современной этнопсихологии мы можем сказать, что Исмаил бей реализует феномен «встречной комплиментарности» в отношении русского народа.

Знакомство с творчеством тюрко-татарского мыслителя дает повод говорить о наличии своего рода "программы" сближе-

ния мусульман России с русским народом, о его культурой на пути к «сознательному общественному и государственному единению русских мусульман с Россией и ее образованностью» [2, С. 213].

Намечает И. Гаспринский и путь для подобного единения, считая единственно правильным и приемлемым тот, в основу которого положен принцип нравственного сближения на почве равенства, свободы, просвещения. Раз за разом в своих статьях призывает он к тому, чтобы внешняя формальная связь оживлялась не только политической необходимостью, но и осознанием ее внутреннего исторического значения и полезности. Судьба, связавшая воедино «русских мусульман» с Россией, приведет, несомненно, к цивилизации, образованности и прогрессу, - считал Гаспринский. Он не «сомневался в блестящем будущем моего отечества и живущего в нем мусульманства» [2, 216].

Пространственное цитирование высказываний Гаспринского говорит о некорректности тезиса Википедии о том, что «движение началось среди тюрков в Крыму и на Волге, изначально стремившихся объединиться с тюрками [Османской империи](#)» [6].

Выражает И. Гаспринский добрые чувства не только к русским. Уместно вспомнить наполненное истинным гуманизмом его послание к армянскому народу. «Приветствуем тебя скромный трудовой народ! - писал он. - Прими наши поздравления с 1500-летием твоей письменности и 400-летием твоей печати! Ты празднуешь не память кровавых побед, не память насилий над другими; ты радуешься своим культурным просветительным начинаниям... Ты ими жил и сохранился; ими же ты будешь счастлив...» [Цит. 3, С. 178].

Реформы, последовавшие после революции 1905 г., показали, что просветительская деятельность И. Гаспринского не прошла даром. В среде тюрко-татар пользовался популярно-

стью предложенный им «новый метод» школьного обучения. Массовое признание в мусульманской среде газет подтверждает мысль о том, что идея необходимости распространения печатного слова была прочно внедрена к тому времени в умах тюрко-татарской интеллигенции. Согласимся с тем, что «пантюркистская концепция» Гаспринского была зародышем чисто партийной программы, ставящей своей целью единение всех политических сил, ... заинтересованных в возрождении и свободном развитии культуры, социальной защиты, в обеспечении демократического равноправия всех народов Российской империи, входящих в тюркоязычный ареал». [20, С. 58]

Прошедшие общемусульманские (а по существу тюркские) съезды, а также создание партии «Иттифак эль муслимин» («Союз мусульман») подтверждают изложенную выше мысль [12].

Образование мусульманской фракции в Государственной Думе и выдвижение единой программы действий позволяет говорить о наличии соответствующего политического сознания в среде тюрко-татар России.

К началу первой мировой войны, ставшей своего рода рубежом, отделившим идеалы конца XIX века от катаклизмов и "классовых битв" XX века, "программа" культурно-либерального пантюркизма была полностью выполнена.

***

Далеко неоднозначные события как в России (февральская и октябрьская революции 1917 г.), так и в Турции (младотурецкий переворот 1908г., Балканские войны 1912-1913г., поражение в Первой мировой войне) привели к тому, что многие тюркские интеллектуалы начали активные поиски необходимой для тюркских народов идеологии, которая бы наиболее полно удовлетворяла потребности и запросы их национального развития.

В мусульманской прессе обеих стран появляются работы, авторы которых пытались разобраться как в причинах общих

проблем тюрко - татар, так и в поиске мероприятий, необходимых для их решения.

Критический анализ материалов тюркской прессы мы находим в солидном научном журнале, издававшемся Императорским обществом Востоковедения в Санкт-Петербурге и выходившем под названием "Мир ислама".

Традиционно считалось, что пантюркизм и проводившаяся младотурецким правительством политика (1908-1918), тождественные понятия. Однако известно и другое, вплоть до Балканских войн в намерениях младотурок было создание государства по типу Соединенных Штатов, идейно-политически оформленное под названием «османизма», суть которого заключалась в лозунге «Нет ни турок, ни греков, ни армян, ни арабов - все османцы». Крах ее стал очевиден, когда в результате войн Турция потеряла почти все европейские и африканские владения.

Появившийся не без участия российских мусульман: Юсуф Акчура оглу (Акчурин) со статьей «Три политические системы», а так же с журналом «Тюрк Юрду», Али Гусейн-заде со стихотворением «Туран», Ахмед бей Агаев со статьей «Тюркский мир», эмигрировавших после того как «Закон» от 3 июня 1907г. изменил структуру выборов в Государственную Думу, нарушив тем самым естественный процесс развития демократии в России, в остро политизированной среде турецкой действительности культурно-либеральный пантюркизм М. Гаспринского, до сего времени не занимавший особого места в жизни турок (ведь никто не допускал и мысли о родстве «блистательной Порты» с дикими кочевниками), явился катализатором для выработки последующей уже чисто национальной идеи.

Пантюркизм принимает здесь вид доктрины триединства (одно государство - одна раса - один язык), основанной на представлении о тюрках как одной нации. Однако сама доктрина оказала не столь значительное влияние, какое ей обычно приписывается. Участие Турции в Первой мировой войне на сто-

роне Германии воспринималось как неоспоримое доказательство агрессивных пантюркистских устремлений младотурок. В дипломатических документах относящихся к началу войны, опубликованных журналом "Красный архив" мы находим предложения Энвер-паши (бывшего тогда военным министром), заключить с Россией военное соглашение. Вероятнее всего турки понимали, что «если бы Россия и вышла из настоящей войны ослабленной или даже побежденной, то все же она осталась бы более сильной, чем Турция...». Интересы Антанты, пытавшейся втянуть турок в число своих противников и «таким образом покончить с ней», а так же "проекты" захвата Босфора и Константинополя, не позволили России тогда трезво оценить ситуацию [8].

Проследить влияние пантюркизма в Турции, задача чрезвычайно сложная. Опираясь на факты следует признать, что констатируемая приверженность младотурок пантюркизму, не нашла авторитетных подтверждений и документальных свидетельств. Солидные исследователи младотурецкого движения Ю.А. Петросян [7], В.И. Шпилькова [24], а также, ученые посвятившие работы последнему периоду в истории Османской империи, в частности, И.Л. Фадеева [18], скрупулезно рассматривают доктрину «османизма» и ее роль в практике младотурок. Столь тщательного анализа пантюркизма, мы однако не найдем ни у одного турколога. Эпитеты «больной человек на Босфоре», планы «раздела турецкого наследства», пример Османской империи, как полуколониальной страны страдающей от режима капитуляций - типичные характеристики того периода.

***

Следует, на наш взгляд, подвести итоги наших размышлений. Поражение Турции в первой мировой войне привело к вытеснению существовавшего на тот момент конгломерата из идей: «османизма» во внутренней политике, панисламизма и отчасти пантюркизма - во внешней, - тюркизмом, единственно

реальной и приемлемой в новых исторических условиях идеологией, выступавшей в виде одной из разновидностей «буржуазного национализма», следовательно, в отличие от других, в своей работе мы не отождествляем понятие пантюркизм и тюркизм.

Теоретическое оформление этот процесс приобрел в трудах турецкого политического деятеля, философа и социолога – Зии Гёкальпа (1876-1924) [19], который в сборнике статей «Тюркизм, исланизм, модернизм», а позже в книге «Основы тюркизма» сделал два вполне своевременных вывода: первый «Наш век является «Веком наций». Наиболее значительной силой надумами этого века является идеал национализма». И второй: «Современная нация должна подняться на уровень современной цивилизации. Нация и цивилизация - вот две основные «социальные реальности», которыми характеризуется современное человеческое общество» [11, С. 107]. Появление работ Гёкальпа привело к тому, что в пантюркизме на тот период явно обозначились два течения. Первое - утопическое, которое предусматривало объединение всех тюрков в одно государство и получившее, поэтому название нейтралистского – романтического" направления. Второе – «федералистское», требовавшее проведения особой тюркской политики с учетом объективных возможностей каждой отдельно взятой тюркской народности, получившей исходя из этого название «реалистического» направления.

Пантюркизм в России, функционировавший строго в рамках обозначенного государства, свои тенденции выразил в дискуссиях на первом общемусульманском съезде в мае 1917 года.

Несмотря на преобладание сторонников «унитаризма» (одна из форм «романтического» пантюркизма в России), полемика завершилась победой федералистского, т.е. «реалистического" направления». В резолюции М.З. Расул-Заде, принятой съездом, было записано: «Всероссийский мусульманский

съезд..., постановил признать, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах...» [10, С. 107].

Таким образом, говоря по существу, период практического существования пантюркизма на этом заканчивается и начинается период его мифического бытия. Вывод о «мифическом» существовании пантюркизма позволяет сделать начавшееся сразу же после октябрьских событий 1917 года «движение за автономию».

Сам факт появления националистических движений, добившихся определенных результатов в деле строительства национальной государственности, показывают, что пантюркизм закономерно был заменен, осознанно или нет, как на территории бывшей Российской империи, так и в Турции, тюркизмом - идеологией, как было сказано выше, более точно соответствующей интересам развития отдельных тюркских народов.

Анализируя политические процессы в русле формирования «движений за автономию» и появления соответствующих политических институтов. В частности можно назвать «Башкирскую автономию» Ахмед Заки Валиди (Валидова), деятельность крымско-татарской партии «Милли-фирка», Казахское движение "Алаш - орда", мусаватистский Азербайджан, деятельность младобухарцев и «Кокандскую автономию». Следует отметить, что гражданская война, охватив в той или иной степени все регионы России оборвала естественный ход развития национального самосознания, процесса решавшего задачи образования и укрепления нации, возникновения отдельных государственных образований. Кроме того, в непростой обстановке гражданской войны тюрко-татары должны были сделать выбор в пользу одной из воюющих сторон, РКП (б), проводившая более гибкую политику и декларировавшая широкие права и свободы нацио-

нальным окраинам, а так же и результаты успешных боевых действий на фронтах побудили лидеров местных национальных движений принять сторону Советской власти.

События последующих лет показали, что цели националистов и «центра» во многом не совпадали. Провозглашение Федерации, а затем и Союза республик, на деле обернулось созданием унитарного государства. Лидеры местных, к тому времени "национальных коммунистов", вынуждены были эмигрировать (как, например, А-З.Валиди), оставшиеся были вскоре репрессированы (миллифирковцы, алашордынцы, младобухарцы).

Поражение националистической идеологии в «схватке» с интернационализмом большевиков не остановило, однако, образования отдельных тюркских наций. Произошло своего рода «творение наций» даже в тех регионах, где для этого не было объективных предпосылок. "Советский Союз является жертвой... не только его негативного воздействия на нерусские народы, но и его прогрессивного вклада в процесс национального строительства» [15, С. 32].

Реализацию идей тюркизма видят в деятельности первого Президента республиканской Турции Мустафы Кемаля Ататюрка, при жизни которого пантюркистские идеи были осуждены и не играли в Турции заметной роли. Казалось бы, на этом можно поставить точку в споре о пантюркизме, но «великие идеи» та просто не умирают.

***

В 30-е годы в советской историографии вопрос о пантюркизме вновь ставится на повестку дня. Начавшийся этап являл собой процесс аккультурации, выражавшийся утратой народами (и, в первую очередь, русским) своего неповторимого национального лица; процесса, который был насильно форсирован методами создания политической мифологии. Характерным примером являлась борьба с «нацдемовскими», «буржуазно – националистическими» уклонами. С целью оправдания пред-

принимаемых репрессивных мер было сфабриковано «дело», вошедшее в историю под названием «султангалиевщины», вошедшее в историю от имени татарского коммуниста Мирсаида Султан-Галиева, имевшего, с одной стороны, огромные заслуги перед Советской властью, а с другой - выступившего против сталинского пути решения национального вопроса. Султан-Галиеву как «лидеру» национального уклона среди тюркских народов было вменено обвинение в пантюркизме, в намерении создать единое «Туранское государство» на базе тюркско-татарских регионов бывшей Российской империи. Так возник уже в который раз миф о «воинственном» пантюркизме.

Традиция советской историографии 30-х годов изображать пантюркизм в негативном плане сохранялась и в последующие десятилетия. Выше отмечалось, что из-за отсутствия реального источника необходимой базы пантюркизма в СССР (так как его не могло быть не только при Советской власти, но по объективным причинам и при любой другой форме государственного устройства России) основным местом его функционирования закономерно была определена Турция.

Как известно, наметившийся в 20-х годах XX века альянс Красной России с кемалистской Турцией прекратил свое существование, когда стало очевидно, что упор коммунистов на интернационализм и приоритет «классовой борьбы» над всеми другими интересами пришелся не по вкусу турецким националистам.

Кризис в политических отношениях нашел свое отражение в литературе. В соответствующие периоды (в военные и послевоенные годы) пантюркизм признавался чуть ли не «яблоком раздора» между двумя странами. Данной идеологии в меру и без меры придавалось решающее значение, присутствовавшее якобы во внутренней и внешней политике Турецкого государства.

Несмотря на оживление идей «утопического» пантюркизма в годы Второй мировой войны, в республиканской Турции возобладали здравый смысл и верность заветам Мустафы Кемаля Ататюрка, который был, как известно, противником различного рода утопий.

***

Процесс, начавшийся еще в 70-х-начале 80-х годов XX века, привел в «перестроечное», а так же в постсоветское время к попытке «реабилитации» пантюркизма и тюркизма в общественном мнении.

Наиболее масштабными мероприятиями в этом направлении следует считать Международные конференции, посвященные 140- [21, С. 159] и 150- летию со дня рождения Исмаила Гаспринского, где он был представлен как поборник идеи «культурно - либерального пантюркизма» [23, С.209-210].

Настоящим прорывом в информационной блокаде по проблемам востоковедческой науки, следует считать проводившиеся рядом научных учреждений в различных регионах бывшего Советского Союза, международных научных и научно-практических конференций. Отмечен факт оживления в бывшем СССР в конце 80-х - начале 90-х годов некоторых идей культурного пантюркизма. В тот период произошел резкий скачок в развитии национального самосознания народов, входивших в состав Советского Союза. Обострившийся интерес к историческому прошлому привел к постижению общих проблем, которые, как казалось тогда, можно разрешить совместными усилиями. Утверждение, что «мусульманам не выгоден развал СССР и, тем самым, распад тюркского единства» - отражало в какой-то мере общую для того времени тенденцию. События, стремительно развивавшиеся в тот момент, предопределили преобладающее влияние национальных интересов над общетюркскими. Наглядным примером может служить трагедия в Оше и Фергане, напомнившая о неуничтожимой никаки-

ми "общетюркскими интересами" "мине", заложенной национально-государственным размежеванием в 1924 году под среднеазиатский регион.

Окончательный развал Советского Союза, заметим, встреченный без особого энтузиазма в Центрально - Азиатском регионе, дал повод говорить о «серьезной пропаганде пантюркизма в Турции, которая, якобы, не прочь сыграть роль лидера тюркского мира, и взять, наконец, «исторический реванш».

Подхваченная прессой весть о «создании Нового Туркестана» не привела, однако, к особым интеграционным процессам, не говоря уже о пробуждении пантюркизма в означенном регионе.

Что же касается Турции, то она, по-видимому, все же верна традициям кемализма. Турки понимают, что «взвалить» на себя бремя новой империи, не менее обширной, чем Османская, означало бы потерю своего «национально-неповторимого лица».

Американский ученый С. Хантингтон, делая прогноз XXI века, пришел к выводу, что современный мир стоит на пороге возрождения «тюркской цивилизации». Однако Турцию, С. Хантингтон склонен все же отнести к разряду так называемых «расколотых стран», которые все еще затрудняются в определении своей принадлежности к той или иной цивилизации. Вопреки представлениям о Турции как о мусульманской стране, сами ее жители склонны относить себя, согласно традициям, идущим от первого президента Мустафы Кемаля Ататюрка, к Западной, нежели к какой-то другой из цивилизаций.

В заключении сделаем выводы по всему кругу рассмотренных вопросов, во-первых, пантюркизм в самом широком смысле (классификации) определяется как разновидность восточного национализма (своего рода промежуточного этапа между панисламизмом и тюркизмом), не имеющего ничего общего с представлениями бытующими на Западе; объясняется это спе-

цифичностью развития азиатского региона. Национализма, понимаемого «как активно выраженное самосознание и заинтересованный подход к нуждам и чаяниям своего народа; защиту его права на самостоятельность»;

во-вторых, пантюркизм условно очерчен рамками двух этапов национального движения тюркских народов:

"национально-демократическому этапу" соответствовал, оформляя его, пантюркизм как культурно-либеральное течение общественной мысли, преследовавший цель возрождения тюркских народов, выступивший против «изоляционизма» как внутреннего, так и внешнего.

"Социально-демократический этап" очерчен с 1905 года по май 1917 г. Пантюркизм выступает здесь как не оформившееся до конца политическое течение, принявшее, однако, некоторые организационные формы. «Союз мусульман» («Иттифак эль-муслимин»), образованный в это время, так и не вышел за рамки программы просветительских требований джадидов (сторонников реформ, области жизни мусульман). Ядром "Союза" являлись представители "мусульманской фракции" в Государственной Думе, выступавшие "единым фронтом" и при более благополучном стечении обстоятельств претендовавшие на оформление партии парламентского типа.

Конец означенного этапа приходится на май 1917 года, когда на первом Общероссийском мусульманском съезде в пантюркизме сформировалось, (а точнее оформилось) два идеологических течения: "романтического" - централистов и «реалистического» - федералистов. Моментом особо важным для понимания процессов происходивших в дальнейшем (т.е. после мая 1917г.), вводя впервые, таким образом, в традицию отечественной историографии строгое различие между бытовавшими на практике направлениями пантюркизма. Так, представители первого течения, находясь под известным влиянием немецких теоретиков расового понимания нации, иначе, одно кровное родство

тюркских народов, общность их языков, а также религиозное их единство считали достаточным для того, чтобы (при удобной политической ситуации) создать единое тюркское государство.

Представители "реалистического" течения, сознавая общность национально-культурных интересов всех тюркских народов, объединение их в единое централизованное государство не считали возможным. Они добивались лишь сплочения отдельных тюркских народов в рамках независимых государств. "Реалисты" отличали "тюркизм" от "пантюркизма", подразумевали под первым внутригосударственную консолидацию нации, а под вторым - геополитическую проблему интеграции всех тюрок в одно государство.

Идеей «реалистического» тюркизма вдохновлялись и создатели национальных партий на территории России - мусаватисты в Азербайджане, миллифирковцы в Крыму, «эрковцы» в Туркестане. Осуществить на практике указанные намерения, в какой-то мере, удалось "Азербайджанской демократической партии тюркских федералистов "Мусават" («Равенство») на территории Закавказья. Приверженность федерализму привела не только к возникновению независимой Демократической Республики Азербайджан, просуществовавшей с 23 мая 1918 г. до 28 апреля 1920 г., но и к идее создания отнюдь не тюркского Конфедеративного Кавказа.

Мы солидарны с мнением, что всех тех, кто был неравнодушен к судьбе «исторического Турана», можно представить как «евразийцев севера» и «евразийцев юга». Мы относим к первым И. Гаспринского, русскую историософскую школу Н.С. Трубецкого, а также Л.Н. Гумилева, представлявших пантюркизм и туранство как культурно-историческую общность.

Турецкого философа Гёкальпа, придавшего пантюркизму «реалистический» характер национального тюркизма, а также всех тех, кто воспринял его идеи, и в первую очередь, Мустафу

Кемаля Ататюрка, создавшего тюркское национальное государство, назовем «евразийцами юга».

Рамки статьи не позволяют, однако, охватить все аспекты проблемы пантюркизма, мы попытались рассмотреть лишь ключевые узлы интересующего нас вопроса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- *Гаспринский И.* Русско-восточное соглашение / *И. Гаспринский* // Дружба народов. - 1991.- № 12. – С. 199-207.
- *Гаспринский И.* Русское мусульманство *И. Гаспринский* // Дружба народов.- 1991.- № 12. - С.207-221.
- *Климович Л.* На службе просвещения. О первой тюркоязычной газете "Терджиман" и ее издателе *И. Гаспринском* / *Л. Климович* // Звезда Востока.-1987.- № 6. - С.173-179.
- Политология: Энциклопедический словарь / Ред. и сост.: *Ю.И. Аверьянов.* - М.: Изд-во моск. коммерч. ун-та.1993. - 431с.
- Пантюркизм и национальная безопасность России. Материалы конференции. Вып. 1. – М., 1994. – 85с.
- Пантюркизм. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пантюркизм>.
- *Петросян Ю.А.* Младотурецкое движение / *Ю.А. Петросян.* - М.: Наука, 1971. - 338с.
- Первые дни мировой войны. С предисловием *А.Попова* // Красный Архив. - 1934.-Т.65-66.
- *Расул-Заде М.Э.* О пантуранизме. В связи с кавказской проблемой / *М.Э. Расул-заде.* - Оксфорд: Изд. К.Н.К.,1985.
- Революция и национальный вопрос. Документы и материалы по истории нац. вопроса в России и СССР в XX в. Под ред. *С.М. Диманштейна.* - Т.3.1917 февраль-октябрь. - М.: Изд-во Ком. академии,1930.
- *Сафронова Е.А.* Философские и социологические взгляды *Зии Гёкалпа.* Обоснование тюркизма: к вопросу о формирова-

нии идеологии турецкого буржуазного национализма / Е.А. Сафронова. - Дисс... канд. философ. наук. - М., 1965.

- *Сенюткина О.Н.* Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905-1916гг.) / О.И. Сенюткина. – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, Изд. дом «Медина», 2007. - 520с.

- Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А.М. Прохоров. - 3-е изд. М.: Сов. энци-я, 1985. - 1600с.

- СССР в цифрах в 1989 году : Краткий стат. сборник. - М., 1990.

- *Суни Р.Г.* Нация и класс в революции: Азербайджан в 1917 году / Р.Г. Суни // Восток. – 1991. - № 5.

- Терджиман-Переводчик.

- *Трубецкой Н.С.* О туранском элементе в русской культуре / Н.С. Трубецкой // Этнографическое обозрение. - 1992. - № 1. С. 92-106.

- *Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм-панисламизм) / И.Л. Фадеева. - М.:Наука, 1985. - 272с.

- *Фадеева И.Л.* От империи к национальному государству. Идеи турецкого социолога Зии Гёк Алпа в ретроспективе XX века / И.Л. Фадеева. – М.: Вост. лит., 2001. – 214с.

- *Червонная С.М.* Исмаил Гаспринский: пантюркистская идея в контексте поисков межнационального согласия / С.М. Червонная // Татарстан. -1991. - № 6. – С. 54-64.

- *Червонная С.М.* И. Гаспринский - выдающийся крымско-татарский просветитель и гуманист / С.М. Червонная / Материалы междунар. конф. 18-23марта 1991г. Симферополь // Этнографическое обозрение. - 1992. - № 1. - С.158-165.

- *Червонная С.М.* Идея национального согласия в сочинениях Исмаила Гаспринского / С.М. Червонная // Отечественная история. – 1992. - № 1.

- *Червонная С.М.* Исмаил Гаспринский – просветитель народов Востока / С.М. Червонная // Отечественная история. – 2002. - № 6.

- *Шпилькова В.И.* Младотурецкая революция.1908-1909гг. / В.И. Шпилькова. - М.: Наука, 1977. - 295с.

Л.Е. Мелкумян

Гарегин Нжде и его учение об армянском роде между Востоком и Западом

В статье анализируется деятельность одной из самых противоречивых личностей в армянской истории – Гарегина Нжде. Автор повествует об основных этапах биографии знаменитого идеолога и полководца; рассказывает об учении, которое продолжает вызывать споры среди многих армянских и зарубежных исследователей.

Ключевые слова: Гарегин Нжде, Армения, армянский род, национализм, Цегакронутюн.

The article analyses the activity of one of the most controversial person of the Armenian history – Garegin Nzhdeh. The author draws attention on the main stages of biography of the famous ideologist and commander; tells about the doctrine which continues to cause arguments between many Armenian and foreign researchers.

Key words: Garegin Nzhdeh, Armenia, Armenian genus, nationalism, Tsegakronutyun

Завтра победит тот, кто еще сегодня
одержит победу в своей душе
Гарегин Нжде

Гарегин Нжде (Գարեգին Նժդեհ, настоящее имя – Тер-Арутюнян Гарегин Егишевич, Գարեգին Եղիշեի Տեր-Հարությունյան, 1886 – 1955), общественный и политический деятель армянского народа, является весьма противоречивой личностью, вокруг которой не перестают вестись серьезные споры. С одной стороны, в

трудах армянских исследователей отмечается его неоценимый вклад в национальном движении начала XX века. С другой стороны, Нжде подвергается критике за националистические суждения и традиционализм в учениях, а также за связь с нацистской Германией.

Биография Г. Нжде полна скитаний и революционных странствий, именно по этой причине он взял себе псевдоним «Нжде», что с древнеармянского языка переводится как вечный странник, скиталец. Окончив свое обучение в гимназии, он поступил на юридический факультет Петербургского университета, откуда был исключен за связи с революционерами. Как пишет сам Нжде в автобиографии: «К революционному движению я примкнул 17-ти лет, еще гимназистом». [1] В то же время Нжде стал членом армянской революционной партии «Дашнакццун» (Հայ Յեղափոխական Դաշնակցություն). [2]

1900-е годы Нжде провел в Болгарии, отучился в офицерской школе в Софии. «В 1912 г. я собрал роту армянских добровольцев и вместе с Андраником участвовал в Балканской войне за освобождение Македонии и Фракии. С началом мировой войны, получив прощение от царского правительства, я вернулся на Кавказ, чтобы участвовать в боевых действиях против Турции». [1] На протяжении Первой Мировой войны Г. Нжде вел военные действия против Турции [3], а после провозглашения независимости первой Армянской Республики в 1918 г. проводил военные операции против турецко-большевистских отрядов.[4] В 1920-е годы после установления советской власти в Армении Нжде иммигрировал в Болгарию, где продолжал свою антибольшевистскую и антитурецкую пропаганду. В 1933 году в США Нжде создал ультранационалистическое движение Цегакронутюн (Յեղափոխական Դաշնակցություն, в перево-

де с армянского «этновера»), которое противопоставил Дашнакцутюн, считая политику данной организации нерешительной.[6]

По возвращении в Болгарию Нжде устанавливает связи с Берлином, целью которых являлось убеждение немцев напасть на Турцию. В начале 1940-х гг. участвует в формировании армянских частей – военизированных формирований в составе вермахта, которые прошли обучение инструкторов СС.[4] Впоследствии в своем письме Сталину он объяснял причины сотрудничества с нацистской Германией: антитурецкая кампания, желание спасти армян от участи евреев, так как по отношению к армянам на Балканах начали предприниматься дискриминационные меры.

В связи с этим Нжде писал: «...Я не поехал на восточный фронт, не позволил, чтобы мои ребята, подготовленные для действий против Турции, были использованы на антисоветском фронте. Я больше не появлялся у легионеров и не посещал концентрационных лагерей, тем самым давая понять военнопленным армянам, что не следует бороться за Германию. (...) Будучи свидетелем антиеврейских гонений, я не мог оставаться безразличным к опасности, грозившей армянам на Балканах. (...) Эта опасность и применявшаяся к армянам расовая дискриминация понудили, чтобы я поехал в Берлин и вошёл в состав того трафаретного комитета, который после краткосрочного бессмысленного существования прибег к самоликвидации...».[5] Тем не менее, Нжде был арестован в 1946 году, а в 1948 году Особым совещанием при МГБ приговорен к 25 годам тюремного заключения. Умер «спарапет» (главнокомандующий) 21 декабря 1955 года во Владимирской тюрьме.[6]

Идеологией движения, которое возглавлял и представлял Нжде, является Цегакронутюн. [7] Учение базировалось на «армянском роде», которое Нжде считал божественной силой.

Цегакронутюн – это осознание своего происхождения, гордость им и клятва полностью посвятить себя роду и до конца жизни остаться ему верным. Для Нжде, род скорее душа, чем материя, поэтому ни одно из существующих определений рода не могло в полной мере описать всю полноту данного понятия. В основе Цегакронутюн, по мнению Нжде лежат два принципа: а) в наших несчастьях виноваты прежде всего мы сами; б) нужную нам силу следует искать в нас самих.[8]

Для наиболее полного раскрытия понятия Цегакронутюн Г. Нжде рассматривает культы, которые являются основной составляющей армянского рода.

- **Культ Родины** – поклонение той земле, на которой естественно возник армянский род;

- **Культ крови** - в чистоте крови - будущее армянского рода. Иными словами, Цегакронутюн отвергает смешанные браки;

- **Культ языка** – требует от армянина говорить с армянами по-армянски, так как смерть языка ускоряет духовное исчезновение народов;

- **Культ предков** – необходимо поддерживать связь между поколениями для сохранения существующих ценностей и святынь рода, а также для поддержания духовной почвы и духовной перспективы;

- **Культ силы** – Цегакронутюн проповедует культ силы, поскольку мир уступает дорогу сильным;

- **Культ вождя** – вождь предопределяет судьбу нации, которому она обязана своими взлетами и падениями.

Таким образом, согласно Цегакронутюн благополучие нации зависит от сохранения внутриродовой морали, при этом представители нации в первую очередь должны объединяться по признаку национальной принадлежности, считая второстепенными свои

личные и религиозные объединения. Основной мечтой и целью цегакрона, последователя Цегакронутюн, является решение «армянского вопроса» и возвращение исторических родовых земель. Возвращение армянских земель возможно только военным путем, показав миру храбрость и патриотизм, которыми обладает армянский воин.

Довольно часто Цегакронутюн Нжде называют армянским учением о фашизме, заимствованием национал-социализма Гитлера, идей о сверхчеловеке Ницше. Общим в учениях является лишь провозглашение вида (Рода) высшей ценностью. В идеологии национал-социализма и фашизма арийский род считается доминирующей и исключительной расой, которая должна превосходить все существующие расы, т.е. остальные нации являются низшими видами и должны либо быть уничтожены, либо прислуживать арийцам. В учении Цегакронутюн армянский род не сопоставляется с другими человеческими видами.

В национал-социализме антисемитизм занимает центральное место. Евреи, согласно учению, являются главным врагом человечества. В идеологии Нжде турки являются разрушителями и главными врагами армянского рода. Однако Нжде провозглашает принцип «Самозащита – вот наша новая религия». [8] В 1938г. Нжде уже решительно отмечает: «Часть нашей интеллигенции, страдающая духовной желтухой, клеветает, мол «цегакронутюн пахнет гитлеризмом». [9]

В 1926 году в газете «Аракс» в Софии вышли «Открытые письма армянской интеллигенции», в которых Гарегин Нжде рассуждает об армянской государственности и возможных путях выхода из сложившегося тупика, в который попал армянский народ.[10] Самозащита представляется императивом прогресса. Для того чтобы армянский народ смог защитить себя от внешней угрозы,

необходимо консолидировать все силы для ускорения духовного и материального прогресса в армянском обществе.

В «Открытых письмах» прослеживается один из постулатов парадигмы реализма в теории международных отношений. Как и реалисты, Г. Нжде утверждает, что государства заключают договоры и союзы только ради национальных интересов, «...как только им покажется более выгодной другая ситуация, «бумажная» дружба с другими, они плюют на договора, оставляют прежних союзников...».[10]

Армянский идеолог также выдвигает пункты, по причине которых армянский народ не может создать сильного государства:

- Армения чрезвычайно мала в нынешних границах,
- невозможно создать процветающее в культурном, политическом и экономическом плане государство, находясь под властью другой нации,
- «национальный пессимизм», нежелание видеть долю своей вины в собственных несчастьях.

Отдельным пунктом Г. Нжде выделяет психологическую склонность армянского народа вот уже на протяжении долгого исторического периода использовать свою слабость и беззащитность в качестве главного политического инструмента. Армянский народ постоянно нуждается в покровительстве других, что лишает его возможности организовывать самозащиту собственными силами.

Выявив основные причины бедствия народа в целом, автор рассматривает несколько институтов армянского общества, которые, по его мнению, играют главные роли в судьбе нации. Обращаясь к церкви, Нжде отмечает самопожертвование Иисуса Христа. Автор делает вывод, что лишь сильный и могущественный способен любить и прощать. А любовь есть не что иное, как жела-

ние жертвовать собой ради других. Следовательно, главной ошибкой церкви является проповедование морали слабых и обездоленных. Если церковь желает сохранить христианство в Малой Азии и Армении, она должна говорить о силе и мужестве как главных добродетелях человека. Далее автор обращается к проблеме журналистики и СМИ, основной задачей которых является переоценка прошлого и выявление трудностей народа. Пресса должна освободиться от проиностранных настроений и проповедовать мужество и героизм, которым обладает армянство.

Третьим институтом общества, который должен быть подвержен духовному обновлению, являются партии. Внутренняя борьба различных политических партий направлена против народа, так как всегда используется внешним врагом для разрушения стран – «и все это наивно называется народолюбием, когда, в сущности, осуществляется народоубийство».[10] Как утверждает армянский идеолог, партиям и партийным лидерам необходимо направить все свои силы и ресурсы для перевоспитания самих себя, для реорганизации своих программ, в которых основным пунктом будет не критика своих соперников и собственные личные интересы, а родовые интересы, способность к поиску компромиссов во имя объединения перед лицом внешней угрозы.

Итак, фигура Г. Нжде еще долгие годы будет вызывать споры среди аналитиков. Его учение «Цегакронутюн», которое является националистическим и направленно на выявление основных жизненных ориентиров армянского народа, может иметь различные толкования и использоваться как инструмент внутре- и внешнеполитического противоборства заинтересованных сторон.

Библиографический список

1. Нжде Г. «Автобиография» [Электронный ресурс] // Анив [Архив МНБ Армении, дело N 11278, т. 4]. - 22.06.2006. - №1(1). – Режим доступа: <http://aniv.ru/archive/1/avtobiografija-garegin-nzhde/>.
2. Նժդեհ Գարեգին [Электронный ресурс] // Հայկական Հանրագիտարան. – Режим доступа: <http://www.encyclopedia.am/pages.php?bId=2&hId=1285>.
3. Գարեգին Նժդեհի հոգր մտքերը [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://npatak.wordpress.com/2012/04/08/garegin-nzhdeh-hogr-motkher/>.
4. Գևորգյան Վ. Լեոնահայաստանի հերոսամարտը (1919 – 1921) / Վ. Գևորգյան. – Երևան, 2010 – 169 էջ.
5. Арутюнян В. Гарегин Нжде: Меня занимает не жизнь и не смерть, а мое последнее желание на свете – принять участие в гибели феодальной Турции / В. Арутюнян [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tta.am/garegin-nzhe-meny-zanimayet-ne-zhizn-i-ne/>.
6. Биография Гарегина Нжде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fca.narod.ru/forum-kavkaza-garegin-nzhdeh.html>.
7. Ցեղակրոնություն [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gardmanq.do.am/news/ceghakronowt_39_yown/2014-01-23-6.
8. Движение Цегакрон. Цегакронутюн // Школа национальной мудрости. – 26 января 2012 г. – Режим доступа: <http://dproc.ru/dvizhenie-cegakron-cegakronutyun/>.
9. Цегакронутюн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nationalidea.am/articles.php?id=329&l=R>.
10. Открытые письма армянской интеллигенции. Гарегин Нжде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yerkramas.org/2012/02/16/otkrytye-pisma-armyanskoj-intelligencii-garegin-nzhde/>.

Политические и национально-религиозные конфликты в арабском мире в контексте интересов ЕС

В настоящее время в арабском мире возникает множество политических и национально-религиозных конфликтов, которые оказывают влияние на интересы других стран, особенно стран ЕС. ЕС является самым близким соседом арабского Ближнего Востока и представляет собой рынок для него. Спектр европейских интересов в арабском мире широк. Географическая близость повышает значимость сопровождающих конфликты в арабском мире вопросов, таких, как экономическая нестабильность, торговля наркотиками, международная преступность и ухудшение экологии. Европейский Союз тесно связан с Ближним Востоком посредством государственных и частных инвестиций, международной торговли и европейско-средиземноморского партнерства. Поэтому рассмотрим особенности возникающих конфликтов в Сирии, Ираке и Йемене в контексте интересов ЕС.

Специфика кризиса в Йемене связана с соединением его богатейшего противоречивого культурного наследия и ближневосточных реалий, которые возникают после глобальной перестройки системы международных отношений.

В современном Йемене политическая ситуация связана со следующими важнейшими факторами. С 2011 года, после конфликтов и беспорядков «Арабской весны» в стране поддерживается состояние нестабильности: происходит формирование четырех групп акторов, которые имеют в стране политические интересы. В первую очередь – это правительственные силы, во главе которых стоит президент Абд Раббух Мансуром Хади. Вторым актором выступает сепаратистское движение в Южном

Йемене, которое является достаточно активным. Третьим актором является террористическая группировка Аль-Каида. Четвертым актором являются зейдиты, которые компактно проживают на севере Йемена и объединены группировкой «Ансар Алла». При этом, начиная с 2014 года, противостояние между этими группами влияния приводит к полноценному военному конфликту, в котором каждая сторона преследует свои цели.

Таким образом, центральное руководство Йемена не имеет полного контроля над страной, особенно над севером страны. У хауситов существуют свои органы власти, обеспечивающие жителям этой части страны безопасность. При этом, обещания хауситов сдать властям тяжелое вооружение и участвовать в национальном примирении, не выполняются. Хауситы стремятся создать территориальное образование в северной части Йемена со своими законами и правилами, с военным обеспечением своих интересов.

Шииты в Йемене, перехватив военную инициативу и оккупировав столицу, выдвигают к руководящему составу страны ряд требований – выполнение ряда решений КНД, например, передел государственной собственности в пользу шиитов, отставка правительства, а также введение хауситов в органы исполнительной власти и понижение цен на топливо до докризисного уровня. Но главной их целью по-прежнему является устранение с политической и экономической сцены партии «Ислах», а также поддерживающих ее внутренних сил.

В 2014 году между руководством Йемена и шиитами было подписано соглашение о перемирии, в результате которого правительство вышло в отставку, цены на бензин были сокращены на 15 %, при этом данное решение было принято не просто, поскольку оно противоречит условиям МВФ при предоставлении финансовой помощи Йемену [2, с. 76]. Хауситы в свою очередь дали обещание отвести свои отряды из столицы и сдать захваченное вооружение.

До настоящего времени, при явном смещении баланса сил в сторону шиитских вооруженных формирований, на фоне ослабления центральной власти, не определены тренды дальнейшего развития ситуации на севере страны. Таким образом видим, насколько противоречивыми являются интересы всех сторон, которые вовлечены в конфликт в Йемене.

Многие эксперты называют события, происходящие в Йемене «большой суннито-шиитской войной», где одну сторону поддерживает Иран, а другую – Саудовская Аравия. Дополнительная сложность йеменской ситуации заключается в существовании на ее территории организации «Аль-Каида». При этом единственной стороной, которая помимо южан будет выигрывать от гражданской войны в Йемене, как раз и является «Аль-Каида», которая после ослабления силовых структур установила контроль над рядом значимых для Йемена территорий – от Хадрамаута и Абьяна до Мариба.

Аль-Каида может получить в результате разгрома хауситов преимущество и стать фактически во главе Йемена. В этом случае Йемен может превратиться в «несостоявшееся государство» и очередную «черную дыру» безвластия на Ближнем Востоке.

Главным фактором, который мотивирует Саудовскую Аравию и другие арабские страны на активные действия на территории Йемена, является проблема нефтяного транзита через Баб-эль-Мандебский пролив, перспектива перекрытия которого йеменскими шиитами в случае полного захвата хауситами власти в стране может серьезно ударить по многокомпонентной нефтяной стратегии Эр-Рияда, включающей не только противодействие планам Ирана выйти на нефтяной рынок, но и борьбу с производителями сланцевой нефти в США и создание сложностей для традиционных экспортеров нефти на мировой рынок, к числу которых относится и Россия.

Через этот пролив нефть поступает из арабских стран в страны ЕС, причем ширина пролива всего 29 километров, что затрудняет движение нефтяных танкеров. Они могут передвигаться в рамках двух фарватеров, каждый по 2 мили шириной – по одному в каждом направлении [2, с. 78].

Эксперты считают, что наименее болезненным выходом из описанной ситуации для Йемена является федерализация страны. Европейские эксперты и востоковеды разрабатывают различные возможные сценарии для того, чтобы преодолеть отсталость Йемена в экономическом и политическом отношении, а также для создания в стране эффективной модели рыночных и политических отношений с учетом национальной восточной специфики [3].

Рассмотрим ситуацию в Ираке, где главной проблемой иракского правительства на сегодняшний день является то, что оно не контролирует полностью ситуацию на всех территориях страны. В северной части Ирака, где проживают преимущественно курды, наблюдаются практически все признаки независимого государственного образования, которое обладает собственной экономической системой, органами власти, силами правопорядка. В центральной же части Ирака располагаются суннитские группировки.

Сегодняшнее руководство Ирака основные усилия прикладывает к прекращению межконфессиональных (шииты против суннитов) и межэтнических (курды против арабов) столкновений и разборок, в которые втянуты разные вооруженные формирования. При этом требования общин по поводу осуществления контроля над нефтяным сектором страны являются фактором, который усложняет достижение национального компромисса и который способен положить конец междоусобице. При этом несмотря на то, что в парламенте Ирака существует общее понимание относительно параметров применимых договоренностей среди представителей различных сил,

расхождения межконфессионального характера и существует общее понимание договоренностей среди представителей конфликтующих сторон: межконфессиональные расхождения на местах, практика в сведении счетов между различными военными образованиями в отдельных частях страны, которые в разной степени находятся в доступе к нефтяному сектору.

Важнейшими факторами, которые оказывают воздействие на Ирак и его действия на международной арене, являются нефтяные проекты, которые сильно ограничены экспортными ограничениями технического характера: низкой пропускной способностью нефтеналивных терминалов в провинции Басра, а также имеющихся трубопроводов через Турцию. Все эти ограничения связаны с ограниченными инвестициями в развитие важнейшей для страны нефтяной инфраструктуры.

Главным же препятствием для экспорта нефти из Ирака является отсутствие сбытового рынка для большого объема нефтедобычи, т.к. перерабатывающая и экспортная структура Ирака в области нефти сильно ограничены. Только на юге страны экспорт нефти на максимальном уровне, а на севере экспортные мощности ограничиваются саботажем со стороны конфликтующих группировок, плохим состоянием нефтяных трубопроводов, а также невозможностью получения больших объемов нефти с юга Ирака через Стратегический трубопровод, который был разрушен [5, с. 112].

Поэтому для того, чтобы осуществлять в европейские страны большие объемы нефти, необходимо расширять мощность нефтяных трубопроводов, которые из-за политических разногласий между правительством и КРГ, расширяются достаточно медленно. У Ирака существуют разногласия с Ираном и Кувейтом по освоению общих нефтяных месторождений.

Основной проблемой экономики Ирака является структурное ее несоответствие реальным потребностям национального хозяйства страны, где главная роль отводится инфраструк-

турным, капиталоемким, информационным и технологическим отраслям, но Ирак не способен их финансировать. Не финансируется должным образом даже отдельно нефтяной сектор, хотя он является главным донором для поступлений в экономику страны.

Проблемы нефтяного сектора Ирака связаны также с существующим курдским вопросом. Курды – это самый большой в мире народ – около 30 миллионов человек, не имеющий собственной государственности, который проживает на территориях Сирии, Ирана, Ирака и Турции. Важность курдского вопроса связана с тем, что Ближний Восток заключает в себе огромные нефтяные запасы, в результате чего различные группировки ведут войны за перераспределение сфер влияния на территориях с нефтяными месторождениями.

Курдский вопрос начал приобретать современную политическую значимость тогда, когда в 1923 году по Лозаннскому договору территория проживания курдов была разделена границей между Турцией, Ираком, Ираном и Сирией. После этого разделения курдский народ подвергся дискриминации, и в результате создалось национальное движение, в котором было сформировано несколько центров силы, которые подпитывают и направляют курдский национализм. Здесь несколько акторов: турецкая Рабочая партия Курдистана (РПК) и курдская автономия в Иракской Республике, которая провозглашена в 1974 г., но укрепила свои позиции исключительно во время войны в Ираке 2003 г. вследствие тесного сотрудничества с Соединенными Штатами и их покровительству.

В Ираке курдский народ проводит подготовку вооруженных сил сирийских курдов, кроме того на курдской территории находятся военные базы Рабочей партии Курдистана. Это говорит о том, что курды различных стран преследуют разные цели, хотя все более заметным становится главенствующее место иракских курдов и их руководителя Масуда Барзани. Несмотря

на то, что в курдском автономном районе нет сирийской автономии, это может оказать большое негативное влияние на сотрудничество курдов с различными важными партнерами – Ираном и Турцией, которые поддерживают сирийских курдов во всем, что не вредит имиджу Иракского Курдистана.

В результате происходит политический успех курдской автономии, который представляет собой пример успешного осуществления политического способа исполнения права на самоопределение – Иракский Курдистан является фактически суверенным: он подписывает собственные международные договоры, выполняет контакты с различными иностранными государствами от своего имени, однако юридически он входит в состав Ирака.

Особую важность вопросу придает то, что Иракский Курдистан имеет большие запасы нефти - около 20% всех оцененных запасов нефти Ирака находятся на севере страны рядом с Киркуком, Мосулом и Ханакином, принадлежащих курдским территориям, на которые помимо курдов претендуют еще и сунниты. У суннитов же на территории Ирака нет функционирующих нефтяных месторождений. Споры вокруг конфессиональных групп Ирака, а также споры по поводу нефтяного месторождения в Куркуке являются тем фактором, который мешает принятию в Ираке закона об углеводородах.

Представители различных других конфессиональных и этнических групп Ирака очень негативно воспринимают существующие широкие полномочия, предоставляемые курдам. При этом шииты ранее выступали также против чрезмерного усиления Курдистана, однако теперь они, вероятно, все в большей степени стремятся реализовать идею создания своего самоуправляемого региона в южной части Ирака. Этот сценарий влечет за собой недовольство арабо-суннитов, живущих в центральной и восточной частях страны. Суннитское население Ирака лишено нефтяных месторождений, и это порождает

недовольство данных групп населения в отношении курдского народа. Конституция же Ирака дает Курдистану большие возможности по разрешению нефтяных вопросов, что вызывает большое недовольство в остальных районах Ирака.

Таким образом, сегодня на внутривнутриполитическую и экономическую ситуацию в Ираке оказывают воздействие курды и шииты, которые готовятся к освобождению Мосула. Курды показали, что они являются организованной и серьезной силой для Ирака, которая может даже противостоять боевикам ИГ [1].

Перспективы развития международных отношений Ирака лежат в плоскости повышения эффективности его участия на мировом нефтяном рынке. Как мы уже отмечали, важную роль в процессе восстановления национальной экономики в целом и нефтяной отрасли в частности играют международные нефтяные компании. Но в последние годы в Ираке появились и свои национальные компании, которые успешно работают на мировом рынке.

В настоящее время особое внимание Ирак должен обратить на деятельность нефтяной компании SOMO, работающей на рынке с соблюдением всех международных стандартов. В настоящее время эта компания занимает прочнейшую позицию среди крупнейших в мире национальных нефтяных маркетинговых компаний и играет важную роль в иракском нефтяном секторе. С помощью данной компании можно наладить вопрос поставок в страны ЕС сырой нефти из Ирака, что частично снимет экономическую напряженность в стране.

С 2011 г. политический режим Сирии оказался в эпицентре одного из важных узлов мировой политики, которые возникли в результате окончания холодной войны и перераспределения глобального господства. В связи с этим ключевые характеристики политического режима Сирии стали объектом пристального внимания многих аналитиков в контексте проти-

воречий между глобальными и региональными политическими игроками .

В настоящее время характер сирийского конфликта значительно изменился в сравнении с ситуацией 2011 года, причем изменения произошли не только в политико-религиозном плане, но и в отношении наращивания ресурсов и вооружений, которые используются сторонами конфликта. В результате сирийский конфликт в настоящее время превратился настоящую полномасштабную войну, которую международные эксперты называют «проху war» [6]. Термин «проху war» политики используют, когда хотят описать «войну чужими руками» или «по договоренности». Такие войны характеризуются наличием в стране ряда этических, религиозных, региональных, экономических, социальных и других наслаивающихся друг на друга конфликтов.

Конфликт в Сирии усугубляется помимо всего прочего региональной борьбой за власть между Ираком, Ираном, Сирией, а также организацией Хезболла, которым противостит ряд антирежимных сил – Катара, Турции, Саудовской Аравии, базирующихся на суннитском исламизме. В Сирии сунниты составляют около 80% сирийских мусульман, а так же беженцев из Палестины и Ирака, не являющихся гражданами Сирии [4, с. 6].

Из-за своего географического положения Сирия оказалась на стыке трех основных масхабов суннизма. Половина сирийских суннитов придерживается ханбалийского толка, курды и бедуины – шафииты. На юге страны проживают маликиты. Особых противоречий между этими толками нет, поскольку масхабы различаются отношением к источникам исламского права, не касающихся основ вероучения.

Разделению между описанными кланами способствует и наличие и активная деятельность множества суфийских орденов: накшбандия, кафирия, рашидия, рафия и прочих. Эти ордена подобны мужским сообществам, однако исповедуемый не-

которыми орденами мистицизм (в основном на обрядовом уровне) способствует клерикализации суннитской уммы (религиозной исламской общине или общности местных правоверных).

Сирийский кризис является противоречивым, глобальным и наиболее острым из трех рассматриваемых в этой статье. Сирия, с одной стороны, на региональном уровне выступает совместно с Ираном и движением «Хезболла», противостоя арабскому альянсу во главе с Турцией, Катаром, Саудовской Аравией. Одновременно, на международном уровне, происходящие в Сирии события, являются частью «арабской весны», поэтому США и Европейский союз рассматривают сирийское правительство в качестве «сил зла». Таким образом, Сирия представляет собой арену для осуществления противостояния разных участников мировой политической арены, в первую очередь, Европейского союза и США. Европа заняла жесткую позицию, осудив режим Башара аль-Асада за репрессии против граждан и введя санкции в отношении Сирии. Террористической группировке «Исламское государство» удалось захватить достаточно большую территорию Ирака, Сирии, Ливана и других стран во время политического «вакуума», в результате чего она стала одной из главных угроз международной безопасности. За пять лет своего существования сирийский конфликт привел к серьезному гуманитарному кризису [5, с. 6].

К настоящему моменту ситуация в Сирии вышла из под контроля как сирийского правительства, так и других стран, и произошло усиление вмешательства во внутренние процессы в Сирии других стран. Европейский союз призывает Сирию свергнуть режим Башара аль-Асада, заставить его отказаться от власти. Для этого даже были введены санкции против газовых и нефтяных компаний в Сирии, а также отдельно санкции против представителей сирийской власти, далее эти же меры Европа попыталась продвинуть через резолюции ООН, По мнению

экспертов, смена власти в Сирии должна произойти демократическим путём, «под строгим международным контролем, контролем ООН», а не «с помощью вооружённого вмешательства извне».

Таким образом, рассмотрев конфликты в Сирии, Йемене и в Ираке, можно сделать вывод о том, что главным фактором возникающих в арабском мире конфликтов является религиозный фактор. Особенно это касается конфликтов между шиитами и суннитами. Для Европы эта ситуация важна тем, что возникающие в арабском мире конфликты могут значительно, через нефтяной фактор, повлиять на поступление нефти в Европу, кроме того, географическая близость арабских стран к Европе оказывает воздействие на сопровождающие конфликты в арабских странах факторы – это поступление наркотиков из арабских стран, международная преступность, ухудшение экологии, миграционные процессы.

Библиографический список

1. Гаранин Г.Г. Курды — единственная сила в Ираке, готовая противостоять ИГ: 16.03.2017 [электронный ресурс] - http://ruskline.ru/opp/2017/mart/16/kurdy_edinstvennaya_sila_v_irake_gotovaya_protivostoyat_ig/ (дата обращения 27.03.2017)
2. Крылов А.В. Ближний восток: состояние и перспективы развития региональной ситуации / А.В. Крылов, А.В. Федорченко // Ежегодник института международных исследований Московского государственного института международных отношений (университета) министерства иностранных дел российской федерации Издательство: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва), 2015. - № 3. – С. 70 - 79.

3. Манжеров Б.М. Как возникают конфликты в арабском мире : 09.10.2013 [электронный ресурс] - <https://imhoclub.lv/ru/material/2557> (дата обращения 25.03.2017)
4. Манойло А.В. «Русская весна» в Сирии / А.В. Манойло // Геополитический журнал, 2015. - № 5. – С. 1 - 10.
5. Пашкова Е.В. Роль нефтяной отрасли в экономическом и политическом развитии Ирака / Е.В. Пашкова, Аль-Халиди Хайдер Ибрагим Хассун // Вестник РУДН, серия Международные отношения, 2014. - № 3. – С. 112
6. Хочешь мира — готовься к «опосредованной войне» : 25.02.2016 [электронный ресурс] - <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/02/25/67560-hochesh-mira-8212-gotovsya-k-171-oposredovannoy-voyne-187> (дата обращения 25.03.2017)

КИТАЙ: ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА

Д.С. Маджун

Англо-российское противоборство в Средней Азии в связи с Дунганским восстанием в Китае в конце XIX в.

В XIX в. Средняя Азия стала ареной борьбы между крупнейшими мировыми державами – Англией и Россией. Молодая английская буржуазия вела непрерывные захватнические войны, подчинив английской короне практически все прилегающие к Индии территории – полуостров Индостан, Гонконг, Пенджаб, часть Бирмы и ряд соседних островов, прочно утвердившись в Персидском заливе. Захватив главные южные перевалы в Афганистане, британские колонизаторы обратили свои взоры на Среднюю Азию, на территории которой издавна сложились три узбекских государства – Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства. Расположенные на границе с Ираном, Афганистаном, Китаем и Россией, они являлись связующим звеном в торговых и политических отношениях этих стран. В Азию были направлены лучшие сотрудники Ост-Индской компании для разведки и изучения экономического, географического и политического положения этих ханств, а также попытки склонить их правителей к установлению политических и торговых отношений с Англией.

Англия, обладавшая экономическим и военным превосходством, являлась главным противником продвижения России к Босфору и Дарданеллам. России, чтобы сохранить свои позиции в Европе, необходимо было найти постоянное и внуши-

тельное средство противодействия внешней политике Англии. Ее самым уязвимым местом была Индия, кратчайший путь к которой пролегал через соседнюю Среднюю Азию. Поэтому завоевание Туркестана стало для царского правительства важнейшей политической и стратегической задачей в целях укрепления своих позиций в Европе. Британские правящие круги пытались организовать коалицию соседних мусульманских государств против России. Основная роль в этой коалиции отводилась султанской Турции и Кашгару, во главе с Якуб-беком [22; 23].

Дунганское восстание 1862-1877 гг., являвшееся, по сути, крестьянской национально-освободительной революцией, охватило все угнетённые социальные слои китайского общества и приняло характер газавата – священной войны за ислам против неверных. Вспыхнув в северо-западных провинциях Китая (Шэньси и Ганьсу), пламя восстания быстро распространилось на Джунгарию, Яркенд и Кашгар. Когда цинским властям удалось прекратить возмущение дунган собственно в Китае, в приграничных с Россией китайских провинциях, где маньчжурский элемент был слабее, чем в центре, дунганский мятеж поддерживали уйгуры (таранчи), которые совместными силами быстро сломили сопротивление китайских войск в Кульдже. Около года дунгане и таранчи мирно уживались друг с другом.

Свергнув власть Цинской династии в Синьцзяне, повстанцы образовали пять самостоятельных ханств – Кучарское, Хотанское, Кашгарское, Кульджинское и Урумчинское. В 1867 г. три из них были объединены в феодально-теократическое государство Жетышаар во главе с Якуб-беком.

Дунгане, инициаторы движения, очевидно, поняв честолюбивые замыслы Якуб-бека Кашгарского, восстали против, выставив до 40000 войска, но не будучи в силах противостоять, были подавлены большинством таранчей, сдали ему в 1870 г. города Баркуль и Хами, оставив за ними Урумчи и Манас и тоже при-

знали власть правителя Кашгара. Разбив Дунганское ханство в Урумчи, Якуб-бек распространил свое влияние на всю Джунгарию. Укреплению власти Якуб-бека всячески способствовала Англия и ее союзник – Турция, при поддержке которых, ему удалось укрепить военную мощь своего государства и использовать ее для захвата соседних земель.

Л.Думан привел письмо Каменского к Колпаковскому от 5 марта 1878 г., где он пишет: «Я не буду говорить... кто подавил восстание – этого союзника русской торговли в Средней Азии и западном Китае, но знаю, что дело это не было по силам маньчжурам, которые, сами по себе, оказались слишком слабыми для такого дела». Продолжая эту мысль, Л.И. Думан отметил, что «Дунганское восстание было подавлено объединёнными силами реакции – европейской и китайско-маньчжурской, оно свидетельствует о значительных противоречиях между помещичье-буржуазной царской Россией и капиталистически развитой Англией, ярко проявившихся в Западном Китае» [17].

Россия несла немалые убытки из-за успешных действий повстанцев. Во-первых, были разорены русские консульства и фактории в Чугучаке и Кульдже и прекращены все торговые операции с Китаем, установленные в результате длительных дипломатических переговоров с маньчжурским правительством. Во-вторых, восстание, происходившее у неохраяемых границ с Россией, угрожало перекинуться на мусульманские народы Российского Туркестана, находившихся под гнетом царизма.

Известие о борьбе мусульманских народов пограничных районов Китая против маньчжуро-китайских поработителей быстро распространилось по горам и степям Средней Азии и Казахстана, и нашло горячий отклик у населявших их народов. С началом восстания дунган и уйгуров Восточного Туркестана, русские приграничные районы подвергались разбойным нападениям шайками грабителей, которые затем скрывались на китайской территории под защиту уйгурского султана. Русско-

подданные кочевые народы Семиречья массово незаконно переходили на сопредельную китайскую территорию, где присоединялись к восставшим мусульманам, иногда оказывая вооруженное сопротивление русским пограничным отрядам.

Так, киргизы рода кыдай (казахи), номинально признававшие власть Кульджинского султаната, совершили целый ряд набегов на территорию Семиречья. В конце мая 1869 г. они угнали у русско-подданных киргизов 400 лошадей и погоня за ними из капчигайского пограничного отряда осталась безуспешной. В июне кыдаи ещё раз угнали табун в 800 лошадей у киргизов Борохудгирской волости. Часть Борохудгирского отряда вышла за границу в погоню за похитителями, настигла их близ развалин г.Джаркента и отбила весь табун. В результате этих набегов русские отряды, перейдя границы Кульджинского султаната, начали борьбу с кыдаями и, наконец, 16 октября отряд майора Попова, перейдя р. Хоргос, встретился с отрядом таранчей, которые действовали заодно с кыдаями [1].

Н. Аристов в это время писал: «на Или и около Чугучака киргизы были ревностнейшими союзниками таранчей и дунган... Киргизы – байджигиты, кыдай, суваны, атбаны, богинцы и даже сарабайгинцы из долины реки Чу тотчас по восстании мусульман в Чугучаке и Кульдже устремились за границу из желания помочь магометанским единоверцам... Все киргизы, которые кочевали близко к границе, зимою 1864–1865 гг., пользуясь отсутствием на границе наших отрядов, выставлявшихся только на лето, присоединились к инсургентам. Не только пограничные, но и почти вся масса киргизов, в том числе, и казавшиеся дотоле весьма преданными, явно сочувствовала восстанию, сносились тайно с инсургентами и, без сомнения, пристали бы к инсургентам, если бы укочевка не была невозможна зимой за недостатком подножного корма для скота» [12].

Царское правительство всячески пыталось остановить массовый отток коренного населения Семиречья в пределы Восточ-

ного Туркестана. Весною 1865 г. сюда были поспешно выдвинуты русские отряды, что помешало остальным киргизам пробираться массами в китайские пределы. Несмотря на строжайший запрет Туркестанской администрации общаться с повстанцами Западного Китая, нередко вооруженные отряды кыргызов и казахов с боями прорывались на помощь илийским повстанцам.

Так, 12 апреля 1871 г. бывший волостной управитель Меркенской волости, глава отделения бугум, рода атбан Тазабек Бурсурманов вступил в вооруженную борьбу с русским пограничным отрядом казаков. Одновременно с Тазабеком границу перешло до 1000 казахских кибиток, а в Кульджинский район из Средней Азии переправилось 5560 кибиток киргизов, которые были радушно приняты таранчами [20].

На требование военного губернатора Семиреченской области Колпаковского к Кульджинскому султану Абилю-оглы о прекращении баранты (угон скота) и выдаче беглых во главе с киргизом Тазабеком, тот не только ответил отказом, но и приказал своим отрядам вторгнуться у Кетменя на российскую территорию. Грабежи продолжались, грабители скрывались на территории Кульджинского султаната, а требования русских властей выдать разбойников оставались без удовлетворения.

М.Венюков в это время отмечал, что «магометанское государство, начавшее свое существование истреблением китайцев в Кашгаре и других мало-бухарских и вообще при-Тяньшанских городах, еще существует и даже успело заручиться поддержкой извне из Индии, а этого достаточно, чтобы мусульманский вопрос для Китая продолжал быть международным и притом, едва ли разрешимым без помощи России» [13].

Якуб-бек в 1867–1868 гг. обратился к российским властям с предложением восстановить торговые отношения в ответ на политическое признание [24]. Россию не мог устраивать такой расклад сил на ее южных рубежах. Существование беспокойного мусульманского государства, за спиной которого стояла Ан-

глия, было менее предпочтительным для России, чем сохранение мятежных провинций за спокойным, хотя и не всегда уступчивым Китаем.

Получив отказ, Якуб-бек начал задерживать российские торговые караваны и приступил к подготовке вторжения в Кульджинский султанат, где концентрировались российские экономические интересы. В этих условиях, царь Александр II принял решение упредить Якуб-бека и временно оккупировать Илийский округ, установив там российское управление.

В 1871 г. генерал Колпаковский предпринял поход в Кульджу и взял её без особого труда. Местные народы, убедившиеся в силе русского оружия, смирились со своей участью и десятилетие, в течение которого Россия владела Кульджой, прошло мирно. Английские власти предпринимали энергичные меры для подчинения своему влиянию Якуб-бека, чтобы использовать его в борьбе против России. В 1873 г. английские представители обещали дать эмиру Кашгара 800 тыс. фунтов стерлингов для закупки оружия в Англии, а он, в свою очередь, должен был собрать армию из 60 тыс. пехоты и 20 тыс. кавалерии. Для ее обучения Англия обязалась прислать двух инструкторов. Якуб-бек, в свою очередь, готовился объединить под своим флагом все племена туркмен, казахов и киргизов, которые оставят на время свои дела и объединятся в едином деле против общего врага [8].

В начале 70-х гг. XIX в. Якуб-бек, фактически без всякого соглашения с Кокандским ханством, присоединил к своим владениям всех кочевников, кочующих по восточному склону гор, служащих водоразделом между системою реки Сыр-Дарьи и реками, текущими к востоку от этих гор. По мере ослабления власти кокандского правительства Худояр-хана, Якуб-бек в 1874 г., уже не довольствуясь водораздельной линией, распространил свои владения на верховья реки Тара, впадающей у Узгента в Кара-Дарью. Вследствие чего, части кочевых киргизских племен

Карабарги и Ташбарги, всего около 400 кибиток, стали признавать власть Якуб-бека сплошь до Ак-Богушского перевала.

Хотя большинство киргизов Ошского уезда кочевало на большом Алае, значительная часть кочевников Ферганской области уходила на лето и даже зимовала на отрогах тех гор, которые до недавнего времени принадлежали Кокандскому ханству. Не желая подпасть под власть Якуб-бека, бии некоторых киргизских племен просили царские власти о присоединении, объясняя это тем, что Якуб-бек, зная о тяготении их к русским, думает выслать их с занимаемой ими в настоящее время местности в восточную часть Кашгарского ханства.

В 1876 г. командующий войсками генерал-майор Скобелев выражал опасение, что при сохранении подобного расклада сил в ближайшие годы, все кочевое горное население Ферганской области, по обоим склонам Тянь-Шаня, перейдет из рук Кокандского ханства и будет подчинено Якуб-беку. Якуб-бек и его преемники, владея Ой-Талом смогли бы распространить свое влияние на низовья реки Тара и даже долину Кара-Дарьи. В случае потери этих стратегически важных горных перевалов, Россия понесла бы огромные убытки. Во-первых, русско-подданные киргизы смогут уклоняться от уплаты налогов в кашгарских владениях (чем они уже и занимались – М.Д.); во-вторых, на торговых путях из Ферганской области в Кашгарские пределы будут разбойничать шайки грабителей, недостижимые для русских властей; в-третьих, царские власти, не имея возможности выставить таможенные караулы на всех дорогах, ведущих из Кашгара, могли потерять и эту важную статью доходов.

Поэтому овладение горными хребтами Улук-Чата, откуда дорога разветвляется на пять перевалов, ведущих в Кашгар, для России было жизненно важной задачей. Владея горами, Россия находилась бы в более выгодном положении относительно своего противника, как при обороне, так и при наступлении его

по направлению к Нарыну и Ошу [11; 12]. Во времена Кокандского похода 1875-1876 гг. весьма влиятельный киргизский ма-нап Шабдан Джантаев, живший в долине реки Большой Кебен, вооружив свою волость Сары-Багиш, предложил помощь Скобелеву, оказав ему существенную общественную поддержку. Русское правительство в награду за услуги даровало Шабдану Джантаеву чин майора милиции и пожаловало ему в пожизненное пользование участок земли около станции Ак-Пикет [2].

В целях ослабления влияния России в Средней Азии, Англия активно помогала также и Турции деньгами, офицерами и солдатами, пытаясь использовать влияние турецкого султана, чтобы поднять мусульманские народы против русского господства. Если бы планам Англии по установлению политического контроля над Якуб-беком в его союзе с турецким султаном суждено было осуществиться, это позволило бы превратить Кашгар в мощный плацдарм для осуществления подрывных действий против русского господства в Средней Азии. На протяжении следующих десятилетий Англия не оставляла попыток и продолжала кропотливую деятельность в данном направлении, в ряде случаев достигая некоторых успехов.

Однако все попытки проникновения Англии в Среднюю Азию потерпели провал. Во многом это объяснялось тем фактом, что английские дипломаты открыто демонстрировали свое пренебрежительное отношение к азиатским народам, их национальным, религиозным убеждениям и культурным традициям. Забывая о том, что среднеазиатские ханства при всей их отсталости, имели славную многовековую историю, богатую культуру, устоявшиеся политические и военные институты, поддерживающие суверенитет государства. Уверения англичан, что они искренне стремятся к сохранению целостности и независимости Персии и Хорезма и будут содействовать их процветанию, шли вразрез с их реальными действиями в индийской колонии.

В основе колонизаторской политики Ост-Индской компании лежало полное разрушение основ экономической и социальной жизни на завоеванных территориях, что лишало метрополию возможности обрести экономическую независимость и политический суверенитет и ставило завоеванные народы на грань голода и вымирания. Грабеж Индии, угнетение местных народов, зверские расправы с повстанцами, варварское разграбление столицы Афганистана Кабула в 1842 г. были широко известны на всех восточных базарах и содействовали распространению в азиатских странах глубокого недоверия к англичанам [22; 23].

Россия, напротив, никогда не ломала и не разрушала сложившиеся экономические и социальные устои туземного общества и всегда стремилась положить конец бесконечным, разрушительным междоусобным войнам, в том числе, в Туркестанском крае. Не удивительно, что многие племена и народы Центральной Азии обращались к России с просьбой взять их под свое покровительство. Стремясь к установлению лояльного отношения к имперской власти со стороны всех слоев местного населения, царская администрация гарантировала этническим сообществам невмешательство в экономическую деятельность, сохраняя относительную независимость туземного населения в системе имперского управления регионом.

Существовавшее у киргизских племен равенство манапов порождало постоянные ссоры: более сильный обижал более слабого. Старшие в колоне манапа всегда враждовали между собою, вследствие чего грабежи были обычным явлением. Властолюбивые киргизские правители нередко добивались принятия их в русское подданство, ради сохранения власти при помощи русских и спасения подвластных киргизов от грабежей соседей и соплеменников. Русское правительство использовало эти междоусобицы в своих целях, для удержания коренного населения под своей властью.

В 1822 г. был издан «Устав о сибирских киргизах», по которому территория расселения киргизов делилась на внутренние и внешние округа с разграничением земли. Внутри округа отводились земли для киргизов, уже перешедших границу, проживающих в русских пределах и фактически, подчинявшихся России. Округа же внешние предполагались для киргизов, принимавших русское подданство, но живших на своей территории, номинально подвластных Китаю. Таким образом, внешние округа являлись ступенями в развитии мирного поступательного движения русских вглубь киргизских степей [2].

В основе успехов России в Средней Азии лежало терпимое отношение к туземным народам, их религии и культуре. Царские власти в Туркестане заложили основы здравоохранения и просвещения местных народов, всячески пытаясь избегать всего, что могло бы унижить их национальное достоинство или религиозные чувства. Например, в русско-туземных школах, где наряду с русским учителем преподавал туземный мулла, учителям рекомендовалось избегать изображения одушевленных предметов, так как это запрещалось канонами ислама.

Авторитет русских властей в глазах коренного населения олицетворялся в первых туркестанских генерал-губернаторах. Они обладали широкими властными полномочиями, и проводили мудрую политику, довольно чутко учитывающую местную национально-религиозную специфику. Так, первый генерал-губернатор Туркестана К.Кауфман всегда демонстрировал уважительное отношение к местной религии и культуре, и даже использовал Коран в своих выступлениях перед туземцами.

Чтобы объяснить местному населению причины вторжения России на территорию Кульджинского края в июне 1871 г., Колпаковский обратился к его жителям со следующими словами: «Угнетаемые таранчинским правительством солоны, сибо, китайцы, маньчжуры, калмыки и дунгане! Уничтожение таранчинской власти есть ваше освобождение от тяжких притеснений

и несправедливостей со стороны таранчей. Спешите восстать против притеснителей и содействовать всеми силами русским войскам, которые дают одинаковую защиту и справедливость всем покорным и дружественным народам. Илийские киргизы-казаки и кара-киргизы! Соплеменники ваши обрели под русскою властью порядок, спокойствие и безопасность. Предоставьте таранчинское правительство неизбежной и заслуженной им участи и пошлите своих почетных людей с покорностью к русским властям, которые избавят вас от притеснителей и дадут порядок и спокойствие...» [7].

Первыми мероприятиями Колпаковского в крае было объявление о ликвидации Илийского султаната и уничтожение рабства. Им был установлен порядок и защита имущественных интересов всех жителей провинции, без различия племен. Никаких мер репрессивного характера российскими властями не предпринималось, более того, султану Абиль-оглы была сохранена жизнь и вместе с семьей он был выслан на жительство в г.Верный [18].

Своим присутствием российские войска способствовали установлению относительного спокойствия в этом регионе: ими были сожжены виселицы и предотвращена массовая резня дунганского населения. Поэтому дунгане с благодарностью и уважением относились к России и ее представителям в Китае. М.Венюков писал, что дунгане, «опрокинув власть маньчжуров, желали сохранить мир с нами, охраняли целостность нашей Чугучакской фактории и не раз предлагали восстановить торговые связи... В 1867 г., после ссоры их с таранчами, они были побеждены последними в Или... Подчиняясь таранчам, они были во враждебных с ними отношениях, и в 1871 г. перед присоединением Кульджи, были отчасти вырезаны таранчами и теперь их не более 4700 душ, занимающихся торговлей, садоводством, посевом проса, пшеницы и даже хлопка и риса» [13; 14].

Масса непосредственных производителей подвергалась в Синьцзяне жесточайшей феодальной эксплуатации со стороны маньчжурских и местных феодалов и чиновников. Маньчжурская военно-бюрократическая феодальная верхушка и войска, китайские купцы, ростовщики, а также туземные феодалы и чиновники беспощадно грабили и обирали народ по своему произволу. Чиновники цинского правительства натравливали друг на друга различные народы Синьцзяна, чтобы легче удерживать их под своей властью [21].

Русские принесли в край огромное облегчение налогового бремени, чем сразу вызвали симпатии местного населения. На содержание царских войск, оставшихся в Кульдже для поддержания порядка, каждое хозяйство «господствующего племени» уйгур и казахов облагалось российскими властями особым сбором в размере 3 руб., который был собран в течение трех недель. Дунгане, сибо, солоны и другие племена были освобождены от контрибуции. Практически все существовавшие в султанате подати, сборы и пошлины были отменены. Вместо них вводился единый налог с семьи в размере 3 руб. в год [5].

Российские власти стали активно проводить меры по экономическому и культурному освоению Илийского края: была возобновлена торговля с городами России и Средней Азии, восстановлены после разрухи и построены новые ирригационные сооружения, предприятия добывающей и перерабатывающей промышленности, открывались больницы и школы, где работали русские врачи и учителя.

Якуб-беку – правителю Джетишаара не удалось добиться политического признания со стороны России, а Великобритания не лишала его надежды на политическое признание в будущем. Поэтому российское правительство обратилось к Пекину с настоятельной рекомендацией ускорить военную операцию по возвращению Синьцзяна под свою юрисдикцию. В результате, к лету 1877 г. власть Цинов здесь была восстановлена.

Только территория Илийского округа оставалась под временным управлением российских властей. 4 марта 1878 г. в Петербурге было принято решение о возвращении Китаю Илийского края, при выполнении Пекином ряда требований [24].

В 1879 г. между Китаем и Россией был заключен Ливадийский договор об уступке Китаем России части Джунгарии (значительная часть Илийского края с Кульджой) и части Восточного Туркестана (Кашгарии) и о предоставлении значительных льгот для русской торговли. Китай также должен был выплатить России 5 млн. руб. за издержки по оккупации Или [6]. Ливадийский договор вызвал резкое недовольство китайской правящей верхушки и не был ратифицирован Китаем, благодаря давлению Англии, недовольной усилением позиций России в Средней Азии и Западном Китае. Более того, военно-феодалы Китая под впечатлением своих успехов в борьбе с повстанцами в Западном Китае начали даже требовать продвижения манчжурокитайских войск за пределы Илийского края – в Казахстан и Западную Сибирь. С обеих сторон началась открытая подготовка к вооружённому столкновению, грозившая вылиться в настоящую войну. Дипломатическое вмешательство Англии, опасавшейся полного разгрома Китая и укрепления России на Дальнем Востоке, предотвратило военный конфликт.

В результате последовавших переговоров царское правительство согласилось пересмотреть Ливадийский договор и подписать Петербургский договор, который значительно сокращал объём политических и территориальных уступок Китая в пользу России. Только западная часть Илийского края закреплялась за Россией (ст.1 и 7). На остальной территории края восстанавливалась власть китайского императора, а населению предоставлялось право выбора китайского или российского подданства. Китайские власти должны были выплатить России 9 млн. руб. в покрытие расходов по оккупации Или и в удовле-

творение исков русских подданных, имущественные и прочие интересы которых пострадали в период восстания в Западном Китае (ст. 6). Таким образом, по Петербургскому договору 1881 г. Россия, несмотря на частичную неудачу в разрешении своих территориальных притязаний, добилась от Китая целого ряда других уступок, которые способствовали установлению в Синьцзяне преобладающего русского влияния [16].

Согласно Петербургского договора 1881 г. Китай уступил России почти третью часть территории Илийского края: полосу земли от Болходжир до реки Хоргос и Кальджата, для расселения китайских переселенцев. Уступая стремлению большей части населения Кульджи переселиться в Семиречье, Российское правительство руководствовалось политическими соображениями и предполагало экономическую выгоду от заселения края трудолюбивым земледельческим населением. В 1878 г. в Кульдже проживало 52 733 уйгура и 5 182 дунганина, а к началу 1884 г. в Семиречье водворилось 10 899 семей, численностью в 50 846 человек, из них 46 164 уйгура и 4 682 дунганина [3].

Это означало, что почти 88% земледельческого экономически активного податного населения соседнего района Китая перешло в пределы России, лишая китайское правительство рабочих рук, а с ними и солидных поступлений в казну. Переселение оседлых мусульман значительно затруднило и замедлило восстановление, и упрочение военного могущества Китая в верхней части Илийской долины, из-за того, что с уходом земледельцев содержать китайские войска стало практически, некому.

Для России же, прибавление трудолюбивых оседлых мигрантов, преданных российской власти и видящей в ней своего спасителя, оказало самое благотворное влияние не только на внешнее, но и на внутреннее положение на китайской границе. В случае военных осложнений с Китаем, судя по нелюбви и ненависти к китайцам огромного большинства уйгуров и всех

поголовно дунган, имелось полное основание рассчитывать, что в военное время они будут самоотверженно защищать свои земли, дома и новую Родину.

Миротворческая политика русских властей в Илийском крае поднимала авторитет России в глазах мусульман не только Средней Азии, Китая но и соседних государств, находящихся под протекторатом Англии, что не могло не беспокоить Британское правительство, которое предпринимало активные действия по дестабилизации ситуации на российских окраинах.

Распространение российского владычества в Средней Азии и слухи о победах России пробуждали смутные надежды у покоренных народов Индии, которые надеялись освободиться от гнета Англии при помощи России. Английские газеты писали в это время, что слухи о победах России производили среди индусов впечатление, вредное для британских интересов. «Туземцы узнавали о наших победах очень скоро, а иногда и праздновали приближение "освободителей" к границам Индии», – писали в 1878 г. российские военные деятели Франкини и Гейнс. Это настолько обострило отношения России и Англии, что эти два военных стратега считали, что война между этими странами становится весьма вероятной [4].

И хотя Англии не удалось подчинить своему влиянию среднеазиатские ханства, зато получилось развернуть здесь широкую агентурную сеть, при помощи которой проводилось активное противодействие распространению влияния и усилению позиций России в этом регионе. В Афганистане имелась хорошо налаженная сеть английских шпионов, которые поставляли информацию о положении дел и настроениях в регионе. Многие из этих осведомителей через знакомых высокопоставленных лиц имели доступ к секретным сведениям из соседних среднеазиатских ханств. Под видом торговцев, с караванами отправлялись английские агенты, которые неустанно наблюдали за событиями и регулярно доставляли сведения из среднеазиатских

ханств, а также выполняли различные поручения. Части некоторых местных племен были подкуплены англичанами и доносили им обо всех событиях, происходивших на их территории [22; 23].

Так, в 1916 г., еще до того, как в крупных городах Туркестана был вывешен приказ губернатора о призыве туземцев-рабочих на тыловые работы, начали активно циркулировать слухи о мобилизации туземцев на войну. Слухи эти разносили прибывающие из Самарканда туземцы и туземные евреи, о том, что, якобы, Россия потерпела ряд крупных неудач на фронтах войны, из-за чего жители Туркестана будут призваны для отбывания воинской повинности. За отказ идти в солдаты, якобы, наложат крупный штраф.

Из Самарканда проезжало много туземных евреев, бегущих, по агентурным сведениям, в Афганистан, которые своими рассказами усиливали тревожное настроение. Они подстрекали местное население оказать открытое сопротивление российским властям: «Лучше умереть здесь, чем ехать умирать на войну» [11; 15]. Эти слухи разносились по селениям и кочевьям, как пожар по степи, усиливая антирусские настроения среди мусульманского населения края. Средняя Азия являлась стратегически важным районом для целого ряда государств, не только соседних – Китая, Афганистана, Персии, но и европейских – Англии, Германии и Турции. Эти страны на протяжении не одного десятилетия не прекращали попыток использовать народы Туркестанского края в качестве инструмента борьбы против Российского влияния в этом регионе.

Библиографический список

1. Фонд рукописей и редких книг Нац. библиотеки Респ. Каз. Инв.66, л.5.
2. ФРРК НБРК. Инв.66, л.6.

3. ЦГА Респ.Каз. Ф.21, оп.1, д.773, л.187.
4. ЦГА Респ.Каз. Ф.825, оп.1, д.40, л.13–14.
5. ЦГА Респ.Каз. Ф.И-21, оп.1, д.13, л.12.
6. ЦГА Респ.Каз. Ф.И-64, оп.1, д.4 (Ливадийский договор), л.4.
7. ЦГА Респ.Каз.Ф.И-21, д.1-а «О завоевании города Кульджи. Воззвание генерала Колпаковского от 6 июня 1871 г.», л.1.
8. ЦГАОР. Ф.730 (Н.П. Игнатьев), оп.1, д.858, л.17.
9. ЦГВИА СССР. Ф.ВУА, г.18766, д.6884, лл.135-196.
10. РФ ИЯЛИ НАН КР. Инв.1538. л.46–52.
11. ЦГВИА. Ф. Главный штаб/с. Азиатская часть, 1916 г., оп.4, д.40, л.10.
12. Аристов Н.А. Отношения наши к дунганам, Кашгару и Кульдже // Туркестанские ведомости. 1871. №7.
13. Венюков М. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб. 1873.
14. Венюков М. Очерк международных вопросов в Азии // Русский вестник. 1877. №4. Т.128. С.553.
15. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. док. АН Каз.ССР. М.: Издательство АН СССР, 1960.
16. Дипломатический словарь / Гл.ред. А. Я. Вышинский и С. А. Лозовский. М., 1948.
17. Думан Л.И. Биянху – вождь Дунганского восстания 1862-1877 гг. (историко-биографический очерк по китайским и советским архивным материалам) // Записки института Востоковедения АН СССР. М.–Л., 1939. Вып.7.
18. Кабиров М.Н. Переселение илийских уйгур в Семиречье. Алма-Ата. 1951.
19. Мамедова Э. Из истории взаимоотношений народов Средней Азии и Западного Китая // Научные работы и сообщения АН Узбекской ССР. Отделение общественных наук. Ташкент. Кн.1.
20. Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. СПб., 1906. Т.2.
21. Фесенко П. История Синьцзяна. М.: Изд. Московского института востоковедения, 1935, с.220.
22. Хидоятов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии (Пенде, март 1885 г.). Ташкент, 1981.
23. Хидоятов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60-70-х гг.). Ташкент, 1969.
24. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008.

**Китайский треугольник:
китайская политика между вызовами моря и суши**

Данная статья является кратким обзором на три главных направления в китайской внутренней и внешней политики. Каждый из них связан друг с другом и все они часть одного грандиозного плана китайского правительства. В статье помимо анализа текущей ситуации присутствует прогноз дальнейшего развития событий.

Ключевые слова: Новый шелковый путь, Китай, Южно-Китайское море, Си Цзиньпин.

This article is a brief review of three main issues in Chinese domestic and foreign policy. Each of them is closely bound and, moreover, all of them are parts of Chinese government's grand plan. There is also an outlook for the future course of events.

Key words: China, New Silk Road, South China Sea, Xi Jinping.

В современной политике Китая есть три опорных пункта: Пекин, Сиан и остров Хайнань. Все они сейчас ассоциируются с основными направлениями во внутренней и международной политике текущего руководителя страны Си Цзиньпина. Сиан – «Новый шелковый путь». Пекин – структурные изменения в экономике и партии. Остров Хайнань – вероятная война в Южно-Китайском море. Этот феномен назван «треугольником» в силу того, что все элементы данной фигуры тесно связаны друг с другом.

«Новый шелковый путь» - это, по мнению экспертов, самый амбициозный проект китайского правительства в XXI веке, и эта идея целиком и полностью принадлежит текущему главе Респуб-

лики Си Цзиньпину. Основной задачей проекта проложить два торговых «пояса»: морской, проходящий через всю Океанию, Южную Азию, Западную Африку, Северную Африку и заканчивающийся в Венеции. Наземный путь будет проложен через большинство стран Центральной Азии, Восточной Европы, Западной Европы, и заканчивается там же в Венеции. Китай собирается вложить в проект астрономическую сумму в 22,1 млрд. долларов[1]. Для успешной реализации своих планов правительство строит или покупает порты в Африке[2] и Западной Европе[3]. Реализация наземного «пояса» включает в себя строительство развитой инфраструктуры в Центральной Азии[4], инвестирование в Восточную Европу[5]. Цель создания такого гигантского и в то же время достаточно рискованного проекта – закрепить за собой перспективные рынки сбыта (Африка, Центральная Азия, Восточная Европа, Ближний и Средний Восток) на фоне усиливающихся негативных тенденций в Западной Европе[6] и в США, в связи с протекционистскими лозунгами и действиями[7] новоизбранного президента Трампа. Сейчас в интересах китайского правительства крайне важно продвигать идеи свободного рынка и торговли между странами, ведь Китай - это самая крупная страна-экспортер в мире[8]. Тем не менее, господство в торговле, обладание морскими портами за рубежом, большой флот повышают боеспособность страны в случае конфликта, если таковой назревает. И он есть. Целый ряд проектов по созданию совместно с Индией сети военноморских баз на территории Индийского океана[9] в целях «сохранения безопасности торговли» на этой акватории, а так же проект нового канала через территорию Таиланда[10]. Уже на данном этапе можно заметить, что эти объекты опцию «двойного назначения» и Китайские военные проверяют такую перспективную возможность[11]. Таким образом, мы перемещаемся южнее, на

остров Хайнань, где находятся крупнейшие китайские военно-морские базы в регионе, и где по мнению военных экспертов, возможность конфликта крайне высока.

Само по себе значение Южно-Китайского моря как торгового пространства колоссально: через него проходят около 80% процентов всего китайского импорта углеводородов и до трех четверти совокупной китайской торговли[12]. Неудивительно, что Китай испытывает сильную заинтересованность в обладании статуса господствующей в данном регионе. Причины для конфликта сугубо прагматичные: перспективные азиатские экономики (Тайвань, Сингапур, Вьетнам, Таиланд, Индонезия, Филиппины) основные конкуренты на мировом рынке, и для Китая критически важно на сегодняшний день стать единственной ведущей державой в отраслях, которые сейчас заняты вышеперечисленными экономиками (продукты переработки, массовое производство электроприборов и микроэлектроники). Это так же сильно ударит и по Японии, традиционному оппоненту Китая в АТР.

На данный момент Китай проверяет своих будущих противников на прочность и сам в то же время собирается с силами. Резкая реакция на решение Гаагского суда[13] по территориальному спору между Филиппинами и Китаем подтверждает серьезные намерения Пекина в случае необходимости начать войну за эту территорию. Тем не менее, это все достаточно прямолинейные действия, которые редко совершает государство в случае сильной интенции начать военный конфликт. Китайское руководство старается пойти по многовекторному пути обострения обстановки в регионе: информационному, правовому и даже военному. К первой категории можно отнести сказанную выше реакцию китайских чиновников по решению в Гааге[14], пропаганду внутри страны о безусловной принадлежности водного пространства Южно-

Китайского моря к Китаю[15] и дискредитацию в глазах китайского народа основных будущих противников Китая («преклоняющихся Западу и США» Филиппин и Вьетнаму[16]. Вторая категория относится больше к вопросу о поводе будущего конфликта, его правовой основе. Китай строит искусственные острова на спорных территориях[17] и выдвигает обвинения в адрес правительства Индонезии в совершении геноцида этнических китайцев при содействии Британии и США[18]. Все это делает некую правовую базу для начала конфликта по классическому принципу «защиты национальных интересов и безопасности китайского народа». Военные провокации в регионе происходят довольно часто. Это и нарушение воздушного пространства в спорных территориях, и ограничение свободного плавания, и даже проведение военных учений[19]. Не мало важным будет указать на ситуацию вокруг соседнего с Китаем государством Мьянме. Некоторые эксперты сходятся во мнении, что Китай сознательно оказывает помощь повстанческим организациям на территории Мьянмы[20]. Возможной причиной служит то, что Китай хочет добиться от Мьянмы выгодной для себя позиции этой страны в случае конфликты в этом регионе. Можно увидеть, как Пекин всесторонне подготавливается к возможному серьезному военному конфликту. Однако наиболее масштабная подготовка происходит в самой столице.

Совсем недавно Ли Кэцян в своем выступлении говорил о проблемах в китайской экономике. Тем не менее, китайское правительство выражает сильную уверенность, что это временное состояние, ведь основные показатели несмотря ни на что идут неуклонно вверх[21]. Тем не менее, эксперты не разделяют подобного оптимизма[22]. В свете таких событий на передний план выступает лидер Республики Си Цзиньпин. Представитель пятого

поколения руководителей Китая он считается на данный момент самым авторитетным человеком на территории Китая со времен Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. Старший сын известного генерала и губернатора Гуандуна Си Чжунсюна он имеет отличные связи с генералами НОАК, которые когда то спасли Китай и партию от краха в 1989 году во время событий на площади Тяньаньмэнь. В данный момент Си проводит самую большую чистку кадров со времен «Культурной революции»[23]. Мотивация такого радикального шага объясняется с одной стороны устранением внутренних противников Си внутри партии[24] и армии[25], а с другой в желании увеличить эффективность правительственных структур. В Пекине понимают, что сейчас нужно напрячь все силы, чтобы провести такие амбициозные проекты, как «Новый шелковый путь» и Южно-Китайское море. А Си Цзиньпину нужна твердая вера народа в своего лидера и партию, которая «очищается» от коррупции и идет к светлому будущему.

В конечном итоге прогноз весьма неутешительный. Конфликт с каждым днем накаляется и похоже всего он приведет к войне в регионе. Стоит однако заметить, что это зависит от двух условий; конфликт начнется только после успешного введения в эксплуатацию «Нового шелкового пути», так как на данный момент Южно-Китайское море это основной и единственный торговый путь для Китая и большинства стран Юго-Восточной Азии. Также стоит отметить, что наряду с успехами в экономике мы станем свидетелями политического кризиса внутри КПК. Во-первых, Си Цзиньпин и его команда вряд ли сменятся на будущее «шестое поколение», к этому уже сейчас есть много сигналов, следовательно, начнется новая внутрипартийная борьба и новые чистки. Во-вторых, сам народ и бизнес потребуют либерализации экономики, возможны повторения тех лозунгов, которые были использо-

ваны в 1989 году. Тогда КПК пошел на уступки, ради сохранения единства страны. Как будет поступать нынешнее правительство, покажет время. Для Китая же будущее десятилетие будет самым тяжелым за всю историю КНР, и выдержит ли натиск Республика перед лицом таких больших трудностей, на данный момент спорный вопрос.

Библиографический список

1. Комаров Д. Новый Шелковый путь: как Китай изменит экономическую карту мира / Комаров Д. – (<https://www.south-insight.com/shelk/>)
2. Не в Крыму и не на Крите: Китай построит порт в Средиземном море / «Южный Китай». - (<https://www.south-invest.com/node/217933?language=ru>)
3. Греция утвердила сделку по продаже Китаю порта Пирей / «Южный Китай». - (<https://www.south-insight.com/node/218110>)
4. МИД КНР: Китай поможет провести новую индустриализацию в Киргизии / «Южный Китай». (<https://www.south-insight.com/node/218226>)
5. Трухина Т. Похищение Европы: зачем и сколько китайские компании инвестируют в страны Восточной Европы / Татьяна Трухина. (<https://www.south-insight.com/ee>)
6. Brexit: Почему выход Британии из Евросоюза - может обернуться крахом китайского курса на интеграцию с Европой? / «Южный Китай». (<https://www.south-insight.com/node/218292>)
7. Габуев А. Как благодаря Дональду Трампу Китай может стать новым лидером глобализации / А. Габуев (<https://meduza.io/feature/2017/01/25/kak-blagodarya-donald-trampu-kitay-mozhet-stat-novym-liderom-globalizatsii-carnegie-ru>)
8. Trade to expand by 9.5% in 2010 after a dismal 2009, WTO reports. - (https://www.wto.org/english/news_e/pres10_e/pr598_e.htm)
9. Китай выходит в Атлантику: история о строительстве китайской базы в Намибии получила продолжение. / «Южный Китай». – (<https://www.south-insight.com/node/1189>)

10. Беляцкий А., Владимиров Н. Закат Сингапура: Китай начнет строительство альтернативного канала в Индийский океан / А. Беляцкий, Н. Владимиров. – (<https://www.south-insight.com/node/1181>)
11. Shihar A., Ranga S. Chinese submarine docks in Sri Lanka despite Indian concerns / A. Shihar, S. Ranga. – (<http://in.reuters.com/article/sri-lanka-china-submarine-idINKBN0IM0LU20141102>)
12. Жаркое лето 2016-го: возможна ли война в Южно-Китайском море и к чему готовится китайская армия. / «Южный Китай». – (<https://www.south-insight.com/ykm>)
13. "Признание агрессора": Международный суд в Гааге признал незаконными действия Китая в Южно-Китайском море. / «Южный Китай». – (<https://www.south-insight.com/hague>)
14. "Лист испорченной бумаги!", - бывший замглавы МИД КНР о решении Международного суда по вопросам Южно-Китайского моря. / «Южный Китай». – (<https://www.south-insight.com/node/218320>)
15. «Южно-Китайское море принадлежит Китаю!», - решении Гааги привело к взрыву националистических настроений в Китае. / «Южный Китай». – (<https://www.south-insight.com/node/218335>)
16. Пограничная «любовь»: оскорбительное поведение вьетнамских пограничников обсуждают центральные СМИ Китая. / «Южный Китай». – (<https://www.south-insight.com/node/218372>)
17. Денисов И. Просто добавь земли. / И. Денисов. – (<https://lenta.ru/articles/2014/06/23/chinaislands/>)
18. Гибридное судопроизводство: «китайская Гаага» признала США, Британию и Австралию причастными к геноциду китайцев в Индонезии. / «Южный Китай». – (<https://www.south-insight.com/node/218366>)
19. Флот Китая полностью перекрыл движение на 100 000 кв км акватории Южно-Китайского моря. / «Южный Китай». – (<https://www.south-insight.com/node/218318>)
20. Козьма П. Китайский зонтик для Мьянмы. / Козьма П. – (http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitayskiy-zontik-dlya-myanmar/?sphrase_id=75272)
21. Спивак В. Показательное выступление китайского премьера. / В. Спивак. – (<http://russiancouncil.ru/analytics-and>)

[comments/analytics/pokazatelnoe-vystuplenie-kitayskogo-premera/?sphrase_id=75274](#)

22. Нестабильная стабильность: экономические итоги Китая в 2016 году. / «Южный Китай». – (<https://www.south-insight.com/node/218397>)
23. Война на уничтожение: за десять месяцев этого года в Китае арестовано 23 чиновника уровня министра и губернатора. / «Южный Китай». – (<https://www.south-insight.com/chistka>)
24. Группа Си Цзиньпина во властной структуре Китая. / «Южный Китай». – (<https://www.south-insight.com/xipai>)
25. Отставной генерал НОАК: "Стыдно и страшно за коррупцию в армии". / «Южный Китай». – (<http://www.south-invest.com/node/1484>)

Основные направления энергетического сотрудничества России и Китая

В статье рассматриваются основные направления энергетического сотрудничества между Россией и Китаем, проблемы и предпосылки для более плотного сотрудничества.

Ключевые слова: взаимодействие; сотрудничество России и Китая; ресурсы.

The article examines the main directions of energy cooperation between Russia and China, the problems and prerequisites for more dense cooperation.

Keywords: interaction; Cooperation between Russia and China; resources.

В настоящее время Российская Федерация активно развивает внешнеэкономические связи со странами АТР. Наиболее перспективное развитие происходит с КНР[3].

Россия и Китай ведут тесное сотрудничество. Последние десятилетия динамично развиваются энергетические отношения между РФ и КНР, что позволяет поддерживать стабильность в азиатском регионе и во всём мире.

По большей части экономика России основывается на добыче сырья и производстве энергоресурсов, но в условиях ухудшения отношений с западом, России стали необходимы иные партнеры. Именно поэтому энергетическое развитие между Россией и Китаем находится в приоритете. Таким образом, было положено начало взаимодействия двух стран. Россия – крупнейший в мире экспортер нефти и газа, а Китай – один из наикрупнейших потребителей энергии[1]. На страны Азии приходится около четверти внешнеторгового оборота России. Китай является главным торговым партнером России среди стран АТР.

В настоящее время наблюдается увеличение спроса на энергоресурсы и их рынки сбыта с потенциальными возможностями

для поставок российского газа, нефти и нефтепродуктов, а в перспективе электроэнергии и энергооборудования. Исходя из этого можно сделать вывод, что экономический рост будет продолжаться, несмотря на финансовый кризис[12]. Также благодаря крупнейшему капиталу имеется возможность осваивать ресурсный потенциал Дальнего Востока и Восточной Сибири России.

Россия и Китай – великие державы, имеющие потребность в энергетическом сотрудничестве. Между ними существует большая взаимодополняемость энергетического сотрудничества. У Китая всегда будет высокий спрос на электроэнергию, как и зависимость от внешних энергоисточников. В то время когда Россия является одной из важнейших стран энергопроизводителей в мире. Китаю требуется все больше и больше энергоносителей, но их ресурсная база им этого не позволяет, этому Китай зависим от импорта. Для Китая Россия является перспективным и надежным партнером в реализации его энергетической стратегии. Россия также заинтересована в совместных проектах с КНР, что может являться не только путем развития регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока России, но также может существенно развить национальную экономику страны.

Китай может стать крупнейшим импортером энергоресурсов России в ближайшие годы. Новые договоренности между Россией и Китаем в нефтегазовой сфере позволят реализовать сделку в общей сложности на \$100 млрд. долларов США. Это самый масштабный из когда-либо заключенных между нашими странами договоров. В ходе российско-китайского сотрудничества в ближайшие годы ожидается создание новейшей инфраструктуры на Дальнем Востоке России, а также развитие связей между энергосистемами Дальнего Востока и стран Северо-Восточной Азии. Тяньваньская АЭС строится при активном участии российских

специалистов, в основном с использованием российского оборудования. Так, на строительство первого и второго блока Россия поставила оборудования на миллиард долларов, третьей страны - на 280 миллионов долларов. В контрактные обязательства России входит также поставка топлива для станции. Всего там планирует построить до восьми реакторов.

Энергетическое сотрудничество является ключевой темой в отношениях России и Китая, исключительно важной для обеих стран. На современном этапе Россия и Китай продолжают развивать энергетическое взаимодействие. Наряду с возможностями увеличения экспорта российских энергоресурсов, появляются возможности для партнерства в сфере возобновляемой энергии.

После событий на Украине в 2014 году начался период западных санкций, имеющих как политический, так и экономический характер, что повлияло на дальнейшее углубление конфликта России и Запада. Китай не поддержал идею введения санкций в отношении России, это стало еще одним важным фактором установления российско-китайского экономического взаимодействия. Уже в мае 2014 года В.В.Путин посетил Шанхай с официальным визитом, в течение которого было подписано 46 соглашений, посвященных различным сферам российско-китайского сотрудничества, в том числе и энергетического взаимодействия. В числе первых было заключено соглашение в сфере возобновляемых источников энергии[4].

В 2014-2015 годах был запущен ряд крупных общих проектов, в том числе 30-летний контракт на поставку отечественного газа в Китай между российской компанией «Газпром» и китайской нефтегазовой корпорацией CNPC. Общий объем поставок согласно этому контракту составляет примерно 1,14 трлн. кубометров на 456 млрд. долларов США[5]. Строительство газотранспортной си-

стемы «Сила Сибири» началось в 2014 году и оценивается в 800 млрд. рублей[2]. Китай к 2013 году стал более зависим от импорта нефти, в связи с чем российско-китайский энергетический диалог относительно нефтяного оборота приобретает особую важность. Сразу же после визита Российского президента в Шанхай в 2014 году ОАО «Газпром» и Китайская национальная нефтяная компания заключили один из самых масштабных договоров за все время российско-китайского энергетического сотрудничества. Контракт на сумму 400 млрд. долларов предполагает экспорт российского газа, начиная с 2018 года по восточному маршруту. Данный контракт рассчитан на 30 лет, то есть до 2044 года. Согласно данному контракту, общий объем газа, который должен быть доставлен в Китай достигает 1,032 трлн. куб.м. Также в сфере атомной энергетики был подписан Меморандум о взаимопонимании между Агентством по атомной энергии КНР и Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» и о сотрудничестве в сооружении плавучих АЭС.

Главные преимущества использования атомной энергетики заключаются в её экологичности по сравнению с углеводородным сырьем, а также в более низких ценах на электроэнергию. Область электроэнергетики является третьей наиболее важной отраслью российско-китайского энергетического взаимодействия. Нужно отметить, что потребность Китая в этом виде энергии непрерывно растет, и это может стать важной областью для развития энергодиалога России и Китая.

Что касается угольной отрасли, можно сказать, что данная сфера сотрудничества России и Китая уже не является столь актуальной на современном этапе, по сравнению с предыдущим периодом. Главная причина заключается в снижении использования угля в Китае ввиду значительных экологических проблем и нали-

чия большого выбора альтернативных источников энергии.

На данный момент продолжаются попытки России и Китая развивать энергетические отношения. Подписывается большое количество соглашений, посвященных поставкам энергоресурсов из России в Китай. Однако нужно отметить, что процесс реализации большинства из них сталкивается с серьезными проблемами. В российско-китайском энергетическом взаимодействии нефтяную отрасль можно считать наиболее развитой. Об этом свидетельствуют объемы поставок российской нефти в Китай и конкуренция России с другими крупными нефтяными поставщиками. Но в условиях кризиса и значительного падения цен на нефть, эта отрасль претерпевает упадок, который может быть преодолен только в условиях тесного взаимодействия двух стран. Электроэнергетическая отрасль также является для Китая одной из приоритетных в контексте отношений с Россией.

За последние несколько лет сложилась ситуация, в которой Китай диктует России свои условия по большинству вопросов энергетического взаимодействия. Ввиду ухудшения отношений с Западом, российской стороне приходится идти на уступки Китаю для развития той или иной энергетической отрасли. Наличие ряда спорных моментов, по большей части обусловленных ценообразованием, очевидно, тормозит развитие российско-китайского экономического сотрудничества.

Проблема наличия у Китая иных партнеров в энергетической сфере также препятствует расширению российско-китайского энергетического сотрудничества. Как и в любых других межгосударственных отношениях, российско-китайское энергетическое взаимодействие наряду с проблемами, имеет и возможные перспективы для развития, что придает особую актуальность и значимость расширению данного направления внешнеэкономиче-

ской деятельности России. Именно поэтому российской стороне необходимо продолжать развивать сотрудничество с энергетическими компаниями Китая путем создания совместных предприятий с учетом региональных особенностей рынков энергоресурсов двух стран.

Библиографический список

1. Документы, подписанные в рамках официального визита Президента Российской Федерации В.В.Путина в Китайскую Народную Республику. 20.05.2014.
2. Пляскина Н.И., Харитонов В.Н., Вижина И.А. Интересы Востока России в реализации российско- китайского газового контракта Сила Сибири // Сб. статей всероссийской конференции «Энергетика России в XXI веке. Инновационное развитие и управление», Иркутск: ИСЭМ СО РАН. – 2015. С.148-152.
3. Тинтин Ф. Развитие российско-китайского энергетического сотрудничества // Россия и АТР. – 2012. – №1, с. 96-103.
4. Ханина Е.Ю. Россия и Китай: взаимодействие в топливно-энергетической сфере // ЦИТИСЭ . – 2016. – №2, 38 с
5. Юань Синьхуа. Чжунъэ шию хэцзо дэ цзичу хэ фачжань цянъцзин //Основы и перспективы китайско-российского энергетического сотрудничества // Шанхай синчжэн сюеюань сюебао // Вестник Шанхайского института администрации. 2007. Vol. 8. № 4. С. 69-78.

The China's foreign policy priorities in Central Asia

The article considers the primary foreign policy priorities of China in the Central Asia region. It pays particular attention to both the SCO and the Silk Road Economic Belt initiative as major tools for achieving the foreign policy goals of Beijing. Besides, it presents the prognosis of the development cooperation between China and Central Asian countries.

Key words: foreign policy priorities, China, Central Asia, the SCO, the Silk Road Economic Belt, prognosis.

During the last few years China has been gaining influence in the international arena by facilitating the transformation process of the current international relations system to multipolar one. China as the first world economy, one of the leading political and military powers, and the region's largest country, has its direct interests in post-Soviet neighboring states.

Central Asia takes on great importance to Beijing as every year it plays an increasingly important role in PRC's foreign policy. The significance of the region is determined by two groups of factors – internal and external.

Now China is enriching its trade and economic cooperation with the Central Asia states on the bilateral background which provides China with the access to rich energetic resources on favorable terms. Consequently, Beijing gets the opportunity to diversify the hydrocarbons delivery sources, which is exactly what a state with fast growing economy needs.

For this purpose, in 2009 the «Central Asia – China» gas pipeline was set up, which included three parallel lines A, B, and C. The length

of each line is 1830 kilometers. The construction of transit gas pipeline Turkmenistan — Uzbekistan — Tajikistan — Kyrgyzstan — China (line D) was also set up, which is expected to be complete by 2016. It is forthcoming that after setting this line into operation the gas supply capability from Central Asia to China will run at 85 billion cubic meters per year. The Central Asia – China gas pipeline will become the largest gas supply system in the region [1].

Furthermore, considering Central Asia as an attractive transit region, China helps to improve the transport infrastructure of the five countries, which will allow Beijing the safe transportation of its exports and also contributes to the economic development of its Western territories.

The Central Asian vector of China foreign policy has strategic importance due to the high probability of terrorist and extremist threats in the region. Being neighbor of unstable Afghanistan determines the high level of conflict in Central Asia, which undermines not only regional, but also international security. Hence the intention to ensure the stable development of Central Asian countries by containing the external threats to the Chinese borders security.

In addition, the terrorist and extremist insecurity come from the Central Asian countries. These threats are caused by the number of reasons such as lack of strong democratic institutions, low level of economic development, the lack of civil society and social mobility, and the inability of the Islamic organizations and political parties legal activities. Special attention is given by experts to the Ferghana valley as a potential source of extremist and terrorist threats due to the historical reasons and background, high population density, and popular radical teachings[2].

The Chinese government is highly concerned by the traditional Uighur separatism problem. Due to the ethnical and religious distinct

from the Chinese population of the Xinjiang Uyghur Autonomous region, which is bordering with Central Asia, they are trying for centuries to form an independent state. The nationalist wing organizations such as the "Islamic party of Turkestan", were created with the separation purpose. These organizations are closely linked to "Al-Qaeda" and other terrorist organizations and for their goals realization resort to terrorist methods[3].

Afghanistan is also the source of drug trafficking problem, which has another destabilizing impact on the region. The situation began to worsen with the withdrawal of troops of the Western coalition from Afghanistan in 2014. In this case, China, as Russia, seeks to find a solution to the Afghan problem through the SCO.

China sees the Shanghai cooperation organization as another tool of strengthening its economic presence and political influence in the Central Asian region. Therefore, Beijing actively supports the establishment of the SCO development Bank, which was announced in the organization development strategy until 2025.

Moscow is wary of the initiative of the Chinese side, since the opening of the SCO development Bank will contribute to strengthen the Chinese position in the organization and in the region in general, and can also interfere the work of the BRICS Bank and Asian infrastructure investment Bank.

However the Chinese side does not see this project as the threat to the other financial institutions functioning in the region. "All countries are supporting the creation of the SCO development Bank, it is quite important for strengthening economic cooperation. As to the creation perspectives, we can say that this new SCO Bank, the Asian infrastructure investment Bank, and the New BRICS development Bank all augment each other, stimulate each other's development. They do not con-

tradict each other," said Deputy foreign Minister of China Cheng Guoping [4].

China actively promotes the deep economic integration within the framework of SCO, proposing a free trade Zone establishment within the organization to ensure more favorable conditions for trade development in the region. This statement was made by Beijing in 2015. It is expected that the FTA will be created by 2020.

In its turn, the Beijing's primary focus is on the project "One Belt, One Road" proposed by XI Jinping in 2013, which intends to create a «The Silk Road Economic Belt» and «the 21st-century Maritime Silk Road».

"Silk Road Economic Belt" involves the highways which will link China with Europe and Africa. This assumes the creation of two routes. The South will pass through the territory of Turkey, and the North-West will pass through Russia and Poland to Germany and the Netherlands. The implementation of the project is scheduled for 2020 [5].

The concept assumes the construction of transport and logistics infrastructure, free trade zone, and a unique financial system that will unite regional development banks and providing payments in national currencies, yuan in the first place. The establishment of such financial system has already started in 2015 with the creation of the silk road Fund and the Asian infrastructure investment Bank [6].

Central Asian countries are direct participants of the initiative, as they act as a connection link between China and the following members of the route. It seems that this conception will provide economic cooperation and increase trade in the region through the construction of transport infrastructure and removing trade barriers. In addition, the project is expected to stimulate not only the development of the

Central Asian countries, but also the Western provinces of China which are lagging from an economic point of view.

It is noteworthy that in the "Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road" it states that "China is ready as it able and capable to assume greater commitments and make a greater contribution to peace and mankind development" [6].

Thus, we can conclude that in the medium term, China will develop a deeper cooperation with Central Asian states on the regional security and drug trafficking combat issues in the framework of the SCO, due to the growing terrorist threat on the back of the international coalition forces withdrawal from Afghanistan. Apart from this, the ambitious project kick-off "Silk Road Economic Belt", ultimate goal of which is the creation of a single corridor linking China with the EU market, will attract Chinese investment to the Central Asia and South Caucasus countries and will provide the trade and economic interaction strengthening among them.

The SCO and the project "Silk Road Economic Belt" are the most essential tools for China to implement its goals in the region. Since nowadays economic influence levers are stepping forward and determine the international relations development dynamics, the implementation of the "One Belt, One Road" project will allow China to show itself to be the world's economic and political center and to consolidate its sphere of influence on the vast territories of Central and Middle Asia, and also the Middle East and Europe.

Bibliography

1. Voina gazoprovodov. Kto poluchit Kitai i Evropu?. – URL: <http://regnum.ru/news/1891670.html> (26.04.2016)
2. Kazantsev, A.A. Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Kitaa v Tsentral'noi. Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD). Moskva: NP RSMD, 2016. – 52 s.
3. Stolpovskii O., Paramonov V. «Problema uigurskogo separatizma» v kitaisko-tsentral'noaziatskikh otnosheniakh: ili o neobkhodimosti postanovki novykh zadach dlia SHOS. - URL: <http://ia-centr.ru/expert/3975/> (27.04.2016)
4. . MID KNR: Bank razvitiia SHOS ne protivorechit strategiiam BRIKS i AIIB. – URL: <http://ria.ru/economy/20150710/1125076200.html#ixzz46rcSteV> (26.04.2016)
5. What is Belt and Road Initiative. – URL: <http://beltandroad.hktdc.com/en/about-the-belt-and-road-initiative/about-the-belt-and-road-initiative.aspx> (5.05.2016)
6. Losev A.S. C pomoshch'yu proyekta “Poisa i puti”. Kitai vystraivaet vokrug sebia novyi ekonomicheskii poriadok. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/blogs/2016/01/18/624396-poyasa-puti-kitai-ekonomicheskii-poryadok> (5.05.2016)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ВОСТОК – ЗАПАД, ЗАПАД – ВОСТОК

Ж.Э. Серикова
В.А. Тонких

Россия – Турция: исторический опыт сотрудничества и современность

Исторический опыт сотрудничества России и Турции насчитывает около пяти столетий. За этот период наши государства неоднократно вступали в вооруженные конфликты, вели войны, и в то же время отмечались периоды плодотворного, конструктивного сотрудничества в различных сферах. Современный период отношений между Россией и Турцией нельзя назвать бесконфликтным. Однако здравый подход, умение находить компромиссы преобладают над амбициями и враждебностью. Нормализация российско-турецкого сотрудничества в разных областях выгодно народам обоих государств, служит укреплению мира в регионе.

Ключевые слова: Россия, Турция, сотрудничество, исторический опыт, современность

The historical experience of Russian-Turkish cooperation counts about five centuries. During this period our states many times entered into armed conflicts, wars, and at the same time had periods of fruitful, constructive cooperation in different spheres. The modern period of Russian-Turkish relations can't be called conflict less. But the rational approach, the ability of compromises, dominate above ambitions and hostility. Normalization of Russian-Turkish cooperation in different branches is profitable to the peoples of both states, serves to the consolidation of peace in the region.

Keywords: Russia, Turkey, cooperation, historical experience, modernity

История российско-турецкого сотрудничества насчитывает не одно столетие. В истории отношений России и Турции были разные периоды – от неоднократных войн в XVIII-XIX столетиях, до мирного сотрудничества и добрососедства в конце XX – начале XXI веков.

На современном этапе Турецкая Республика все более активно претендует на роль регионального лидера, прилагает усилия в целях упрочения своего влияния на мировой арене в целом. Идеология новой турецкой доктрины неоосманизма, разработанной бывшим премьер-министром Турции Ахметом Давутоглу, предполагает возрождение Османской империи, усиление роли и влияния Турции в Северной Африке, на Ближнем Востоке, Балканах и Закавказье. В одном из своих выступлений А. Давутоглу говорил: «Существует наследие, оставленное Османской империей. Нас называют «неоосманами». Да, мы «новые османы». Мы вынуждены заниматься соседними странами. И даже идём в Африку» [13]. Исторически Османская империя создавалась как империя протекторатов, под контролем которой находилась вся Северная Африка.

Почему же именно Турция становится сегодня одним из ведущих игроков на мировой арене? Это связано с рядом факторов. Во-первых, Турция в последние годы в своей внешней политике проявляет активность по широкому спектру международных процессов, выходящих далеко за пределы региона Малой Азии и Южной Европы [1].

Во-вторых, интенсивный рост экономики, наблюдаемый в последние годы, вывел страну в пятерку наиболее быстрорастущих экономик мира. По размеру ВВП в номинальном измерении Турция вышла на 17-е место в мире и на 15-е место при расчете,

исходя из покупательной способности [4]. Уверенный рост ВВП позволяет этой стране оказывать серьезное влияние на мировые экономические и политические процессы.

В-третьих, для реализации на внешних рынках все большего количества товаров и услуг, Турции приходится искать партнеров за пределами собственного региона, что приводит к усилению экономической экспансии турецкого капитала. Это помогает Турции находить партнеров в самых разных частях планеты. Государственное руководство настроено на установление максимально позитивных отношений с новыми странами- партнерами, рассчитывая на новые рынки сбыта турецкой продукции в долгосрочной перспективе. Не забывает Турция и о своих старых, проверенных временем партнерах. Здесь, конечно же, речь идет о России.

История российско-турецких межгосударственных отношений насчитывает свыше пяти веков. Историки ведут отсчет от послания князя Ивана III по вопросам морской торговли, направленного 30 августа 1492 года османскому султану Баязету II. Посольство Российской империи в Стамбуле на постоянной основе открылось в 1701 году. Однако эти отношения нельзя было характеризовать как спокойные и дружественные [3].

С одной стороны, российско-турецкие отношения имеют многовековую историю, с другой, – из-за всякого рода войн и конфликтов сотрудничество наших стран претерпевало различные изменения: наблюдалось то затухание, то нарастание напряженности, то бурное торгово-экономическое сотрудничество и развитие разносторонних связей. Тем не менее, несмотря на исторические противоречия, определенное несовпадение подходов по ряду международных проблем, Россия и Турция в настоящее время являются соседями, которые заинтересованы во взаимном конструктивном диалоге и имеют для этого большой потенциал.

До начала XX столетия Россия и Турция представляли собой монархии, которые постоянно враждовали между собой. Только в XIX веке страны четыре раза вступали в вооруженные конфликты друг с другом. Однако это не мешало им иметь достаточно стабильный товарооборот и разветвленную сеть различных торговых представительств. Периодически военные действия нарушали нормальные отношения. Исторически остро стоял вопрос о контроле над такими стратегически важными черноморскими проливами, как Босфор и Дарданеллы. Вековой мечтой российской внешней политики было присоединение Константинополя – исторического центра православного христианства.

Современные формы сотрудничества России с Турцией начали складываться еще в 1920-е годы после революций и гражданских войн, которые не миновали обе страны. Дипломатические отношения между РСФСР и Турецкой Республикой были установлены 2 июня 1920 года. Турецкое государство, после окончания Первой мировой войны находившееся в глубоком кризисе, под руководством Мустафы Кемаля Ататюрка в ходе насильственной вестернизации возродило свое влияние в качестве региональной державы.

В начале нынешнего столетия с приходом к руководству страной нынешнего национального лидера Р. Эрдогана (2003) Турция стала на путь постепенного отхода от политического наследия Мустафы Кемаля, отказа от светского пути развития. Данное обстоятельство породило новые проблемы во взаимоотношении Анкары с соседями.

В настоящее время наиболее плодотворно сотрудничество наших стран происходит главным образом в сферах торговли и экономики. Как показывает исторический опыт XX века, даже во времена холодной войны и острых политических разногласий,

принадлежности государств к противоборствующим военно-политическим блокам, советско-турецкие и российско-турецкие отношения в области торгового обмена, не прекращались. Это является одной из характерных особенностей стабильного двустороннего диалога между Москвой и Анкарой.

В период после окончания холодной войны российско-турецкие отношения развивались стабильно, несмотря на различия в подходах по отношению к ряду важных международных вопросов.

Турция и Россия начали интенсивно развивать двусторонние отношения путём экономического взаимодействия в 1990-х годах, создавая мощную платформу для дальнейшего прогресса в политической области в 2000-е годы. «Совместный план по кооперации в Евразии», подписанный Турцией и Россией в 2001 году, является наиболее важным документом, призванным улучшить координацию и кооперацию в данном регионе. Обе страны исходили из того, что усиление диалога и взаимодействия в Евразии позитивно скажется на мирном и долгосрочном решении ряда проблем региона, что в свою очередь позволит развивать двусторонние и многосторонние экономические отношения между Анкарой и Москвой. Ведь именно Россия – второй по значимости партнёр Турции в бизнесе после Германии, в то время как в докризисный период (до ноября 2015 года) Турция находилась лишь на шестом месте среди российских иностранных торговых партнёров [12].

В 2014 году объём товарооборота между странами достиг 31,2 млрд. долларов. Турция экспортирует в Россию продукты питания, текстиль и химические продукты, импортирует из России в основном нефть, природный газ, нефтехимические продукты, сталь и железо. Россия инвестировала около 10 млрд. долларов в турецкий рынок. Инвестиции Турции в российскую экономику

составляют примерно такую же сумму. Турецкие специалисты, работающие по контракту в России, выполнили 1576 проектов в России на общую сумму в 56,4 млрд. долларов [7]. Подписание Договора о стратегическом сотрудничестве высокого уровня в 2010 году, а также либерализация визового режима между двумя странами стали причиной развития личных контактов лидеров обоих государств. По данным «Интерфакса» со ссылкой на турецкое министерство культуры и туризма, в 2014 году примерно 4,5 миллиона россиян посетило Турцию в качестве туристов [14]. Курорты Турции потеряли 2,9 млрд. евро доходов от туристической деятельности. 53 % номеров в гостиницах Турции в августе (пик сезона) 2016 года стояли пустыми. Турпоток из России в Стамбул уменьшился на 47 % [15].

Однако именно с 2014 года по целому ряду показателей в российско-турецком сотрудничестве наблюдался определенный спад, что было связано в первую очередь с финансово-экономическим кризисом. В то время как покупательная способность населения в России начала снижаться, экспорт из Турции в Россию сократился на 15% в 2014 году; общий спад составил 34,6% к июню 2015 года [8]. Сказалось и влияние западных санкций на российскую экономику, и разногласия по целому ряду ключевых международных вопросов. Речь идет, прежде всего, о Сирии и Украине.

Что касается сирийского вопроса, то Турция считает режим Башара Асада главным источником нестабильности в стране и на Ближнем Востоке в целом и всячески препятствует его включению сирийского режима в политические процессы в любом качестве. Россия, в свою очередь, четко дала понять, что режим Асада легитимен, что он был избран президентом сирийским народом на законных основаниях и что сирийская армия – это единствен-

ная эффективная защита от распространения ИГИЛ и других радикальных исламских группировок.

Следующим камнем преткновения между двумя странами стало положение на Украине. Позиция Турции также не совпадает с позицией России, хотя Анкара предпринимала попытки к ограничению нежелательных последствий расхождений во мнениях. Турция не признаёт присоединения Крыма и в первую очередь озабочена будущим тюркских крымских татар, которые в течение нескольких веков были вассалами и союзниками Османской империи. Во время своего визита в Киев в марте 2015 года президент Эрдоган снова заявил о взгляде Турции по крымской проблеме: «Мы выражаем нашу поддержку территориальной целостности, политическому союзу и суверенитету Украины на различных платформах. Мы также желаем, чтобы Украина продолжила линию по защите прав всех этнических и религиозных меньшинств, особенно крымских татар, которые доказали верность своей стране во время кризиса» [5]. Турция предложила Украине финансовую помощь в размере 50 млн. долларов в рамках гуманитарной помощи [5].

Принципиальные разногласия по ряду международных проблем, непосредственно затрагивающих жизненно важные интересы обоих государств, не могли не сказаться на темпах роста и объемах экономического сотрудничества. Российско-турецкие отношения в области энергетики – важнейшей сферы сотрудничества, были подпорчены последствиями кризисов на Украине и в Сирии. В результате действие такого значимого проекта, как Турецкий поток, было приостановлено, но после ряда консультаций намерение вернуться к проекту было реанимировано обеими сторонами.

Нарастание напряженности в российско-турецких отношениях произошло после того, как в начале октября 2015 года во время кампании в Сирии, российское воздушное судно нарушило турецкое пространство, что не оказало существенного влияния на межгосударственные отношения. Кульминацией кризиса стала трагедия с российским самолетом Су-24 24 ноября того же года, сбитым турецким истребителем F-16. Турецкая сторона не принесла извинений в связи с гибелью российских летчиков. Президент РФ В. Путин справедливо определил инцидент как «удар в спину».

Этот инцидент стал главным событием, вызвавшим обострение и без того напряженных российско-турецких отношений. На уровне двусторонних переговоров Москва заявила, что ожидает формального извинения и компенсации за нанесённый ущерб от турецкой стороны. В. Путин подписал указ о введении санкций на ряд турецких товаров и против работающих в России турецких организаций. Переговоры с Анкарой по поводу отмены визового режима в связи с данным инцидентом были остановлены. Москва запретила российским турфирмам работать с турецкими туристическими агентствами и отменила запланированную встречу В. Путина и Р. Эрдогана в декабре 2015 года.

Президент В. Путин публично выразил сожаление в связи с кризисом российско-турецких отношений, для развития которых он лично приложил немало усилий. Выступая с ежегодным Посланием к Федеральному Собранию, В. Путин заявил следующее: «Турецкий народ – добрый, трудолюбивый и талантливый. В Турции у нас много давних и надежных друзей. И подчеркну: они должны знать, что мы не ставим знака равенства между ними и частью сегодняшней правящей верхушки, которая несет прямую ответственность за гибель наших военнослужащих в Сирии» [10].

Напряженность в российско-турецких отношениях не могла продолжаться длительное время. 27 июня 2016 года произошло событие, которого все ждали: официальная Анкара направила послание в Кремль, в котором содержались извинения о сбитом российском самолете. В послании, в частности, отмечалось, что Россия является для Турции другом и стратегическим партнером, с которым турецкие власти не хотели бы портить отношения. «Говорю, извините. Всем сердцем разделяю боль. Семью российского пилота мы воспринимаем как турецкую семью. Во имя облегчения боли и тяжести нанесенного ущерба мы готовы к любой инициативе», - говорится в письме Р. Эрдогана [16].

Реакция ведущих российских политиков не заставила себя ждать. Так, Председатель Совета Федерации В. Матвиенко выступила с заявлением: «Конечно, жаль, что извинения запоздали, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда», - приводит пресс-служба Совета Федерации слова спикера. - Тем не менее, это послание может стать основой для разморозки и поэтапного восстановления российско-турецких связей» [11].

Замсекретаря Генсовета «Единой России», вице-спикер Госдумы Сергей Железняк считает, что «извинения за незаконно сбитый военный российский самолет и гибель нашего летчика, прозвучавшие со стороны лидера Турции в адрес России, могут стать первым шагом на пути восстановления отношений между Россией и Турцией, если турецкое руководство продемонстрирует отказ от насилия в отношении курдского народа, прекратит связи с международным терроризмом и откажется от деструктивной политики в отношении Сирии и Ирака» [9].

В ночь с 15 на 16 июля 2016 года в Турции была совершена попытка государственного переворота, которая, однако, провалилась. Были арестованы тысячи военных, журналистов, преподава-

телей, оппозиционных политических деятелей. Главным обвиняемым был объявлен проживающий в США Фетхуллах Гюлен. Поддержка этого исламского проповедника в Турции приравнена к преступлению. 9 августа 2016 года состоялась встреча президентов России и Турции. По словам В. Путина, визит Эрдогана в Россию является стремлением наладить диалог и восстановить двусторонние отношения между странами. Президент России подчеркнул, что для Москвы является приоритетом в отношениях с Анкарой выход на докризисный уровень двусторонних отношений. И добавил, что в истории отношений между Россией и Турцией были очень непростые и даже драматичные периоды, но «логика взаимного уважения неизбежно брала верх» [6].

Со своей стороны, Президент Турции заявил, что обе стороны решительно настроены на то, чтобы вывести отношения на докризисный и даже более высокий уровень. У наших стран есть политическая воля к этому. Он выразил надежду на то, что совместные проекты России и Турции помогут вновь выстроить «ось дружбы» между странами [6].

Лидеры обоих государств не оставили без внимания целый ряд ключевых вопросов сотрудничества: туризм и российское продовольственное эмбарго, возобновление «Турецкого потока» и строительство АЭС «Аккую», война в Сирии и взаимодействие государств в борьбе с терроризмом. Визит Р. Эрдогана имел свои позитивные результаты. Уже 22 июля 2016 года самолеты компании «Аэрофлот» возобновили регулярное авиасообщение с Турцией. Росавиация разрешила полеты в Турцию после того, как Анкара предоставила гарантии безопасности наших туристов на территории страны, в том числе и в турецких аэропортах.

Снятие напряженности в российско-турецких отношениях неизбежно привело к возобновлению прежних торгово-

экономических связей. 10 октября 2016 года Президент России В. Путин принял участие в 23-м Мировом энергетическом конгрессе в Стамбуле и выступил на специальной сессии Форума. Он провел переговоры с Президентом Турции Р. Эрдоганом, в ходе которых обсуждались актуальные вопросы российско-турецких отношений, а также региональные и международные темы. Основной темой переговоров стала ситуация в Сирии.

Турецкий МИД по-прежнему обвиняет правительство Башара Асада в срыве перемирия в Алеппо, в совершении преступлений против человечности. Однако по ряду ранее спорных проблем турецкое руководство переменило точку зрения. Так, радикальная организация «Нусру» признана террористической. Встречи на высшем уровне способствовали нормализации торгово-экономических отношений между нашими странами. Несмотря на то, что Россия занимает четвертое место во внешней торговле Турции. Россию опережают только Евросоюз, вышедшая из ЕС Великобритания и Ирак. Кроме энергоносителей Россия экспортирует в Турцию станки, оборудование, пшеницу. В октябре 2016 года достигнута договоренность о возобновлении поставок на российский рынок турецких помидоров [2]. Нормализация российско-турецкого торгово-экономического сотрудничества призвана оказать благоприятное воздействие на другие области отношений, вернуться к докризисным формам и выйти на новый уровень. Тем самым прорвано кольцо конфликтов вокруг России, открыты новые перспективы для конструктивного двустороннего сотрудничества.

Библиографический список

1. Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции / В.А. Аватков // Свободная мысль. - 2015. - №4.
2. Аргументы недели.- 2016.- №41.
3. Базарова Т.А. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (Исследования и тексты).- СПб.: Историческая иллюстрация, 2015.
4. ВВП стран мира 2014 (обн. 2015) таблица / список / рейтинг [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.statdata.ru/vvp-stran-mira>
5. Визит Эрдогана на Украину. - URL: <http://inosmi.ru/asia/20150324/227082228.html>
6. Встреча с президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом [Электронный ресурс]. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52671>
7. Доклад CSIS "Турция в перестройке Евразии" [Электронный ресурс]. - URL:<http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/326/turczyia-v-perestrojke-evrazii-novyj-doklad-csis-6774>
8. Доклад об экономике России -World Bank Group [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/document/eca/russia/er33-rus.pdf>
9. Замглавы Госдумы РФ: Одних извинений Эрдогана недостаточно [Электронный ресурс]. - URL: <http://rueconomics.ru/181650-v-gosdume-otvetili-na-izvinenie-erdogana>
10. Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. - URL:<http://kremlin.ru/events/president/news/50864>
11. Реакция российских политиков на извинение Эрдогана [Электронный ресурс]. - URL:<http://tass.ru/politika/3408183>
12. Точечные санкции [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2015/11/30/618843-sanktsii-turtsii-rossii>

13. Турецкий марш Эрдогана [Электронный ресурс]. - URL:<http://ru.sputnik.kg/opinion/20160708/1027469605.html>
14. Турция ждет в 2016 году 2,5 млн российских туристов [Электронный ресурс]. -URL:<http://izvestia.ru/news/608796>
15. Число российских туристов в Стамбуле уменьшилось вдвое [Электронный ресурс]. - URL:<http://www.rbc.ru/rbcfreenews/57e3a4b99a79472351925d78?from=newsfeed>
16. Эрдоган извинился перед Путиным за сбитый Су-24 [Электронный ресурс]. - URL:<http://tass.ru/politika/3407975>

*Е.В. Бадалова
А.А. Золотарева*

Стратегическое партнерство Казахстана и Германии

Статья посвящена анализу политико-экономического и культурно-гуманитарного сотрудничества Казахстана с Германией, занимающей лидирующие позиции в мировой политике и экономике. Казахстан и Германия углубляют взаимодействие и практическое сотрудничество, содействуют совместному развитию и процветанию.

Ключевые слова: казахстанско-германские отношения, торгово-экономическое сотрудничество, культурно-гуманитарное сотрудничество

This article analyzes the political-economic and cultural-humanitarian cooperation of Kazakhstan with Germany, which occupies a leading position in the world politics and economy. Kazakhstan and Germany deepen cooperation and practical cooperation, promote common development and prosperity.

Key words: Kazakhstan-German relations, trade and economic cooperation, cultural and humanitarian cooperation

Сотрудничество между Германией и Казахстаном развивается очень динамично с момента установления дипломатических отношений. Германия одна из первых стран ЕС признала независимость Республики Казахстан 31 декабря 1991 г. Дипломатические отношения между этими странами были установлены 10 февраля 1992 г.[6]

Интерес федерального правительства к той или иной стране среднеазиатского региона во многом определялся наличием в ней значительного числа этнических немцев, а его важнейшей задачей стала организация их возвращения в Германию. В связи с тем, что в Казахстане проживало около миллиона этнических немцев, эта республика стала приоритетным партнером Германии в регионе в

первой половине 1990-х гг. Уже в сентябре 1992 г. Германию посетил казахский президент Н. Назарбаев. В ходе этого визита были выработаны Совместное заявление об основах отношений и еще пять документов, которые обозначили рамки двустороннего сотрудничества. Через три года, в апреле 1995 г., с ответным визитом в Казахстан прибыл федеральный президент Р. Херцог.

Германское направление также с самого начала стало приоритетным во внешней политики Республики Казахстан в Европе, так же как и казахстанский вектор является ключевым для Германии в Центральной Азии [2].

В 2007 году в период председательства ФРГ в Европейском Союзе германские дипломаты разработали так называемую «центрально-азиатскую стратегию». Она была официально представлена 22 июня 2007 года на саммите Евросоюза в Брюсселе. Основным направлением партнерства ЕС со государствами среднеазиатского региона провозглашалось содействие в обеспечении их безопасного и стабильного развития. С этой целью объем финансовой помощи всем пяти государствам Средней Азии увеличивался вдвое. В 2007–2013 гг. им было выделено около 750 млн евро, не считая тех средств, которые были предоставлены в рамках реализации двусторонних программ со странами-членами ЕС и по линии международных финансовых институтов [20].

Отношения между Казахстаном и Германией можно назвать стратегическим партнерством. Стоит отметить высокий уровень политического диалога и сотрудничество стран в торгово-экономической, культурной, научно-образовательной и ряде других областей [10].

Казахстанско-германские торгово-экономические отношения постепенно укреплялись. Правовой основой является Договор о развитии широкомасштабного сотрудничества между Республи-

кой Казахстан и ФРГ в области экономики, промышленности, науки и техники, подписанный в 1992 году [5].

С каждым годом росли немецкий высокотехнологический экспорт в Казахстан и казахский сырьевой импорт в Германию, однако привлекательность рынка этой республики для германского капитала по-прежнему вызывала сомнения. Так, по данным Национального банка Казахстана, даже к середине 2000-х гг. объем немецких инвестиций в казахскую экономику (2,3 млрд долл.) был вполне сопоставим с объемом казахских инвестиций в немецкую (1,3 млрд долл.) [21].

Тем не менее, даже с учетом всех этих проблем аккумулированные прямые немецкие инвестиции в казахскую экономику с 1993 г. составили около 0,3 млрд евро. Именно Германия стала основным европейским донором для этой страны, предоставив ей в 1993–2005 гг. техническую и финансовую помощь в сумме более 115 млн евро. По ее совокупному объему ФРГ вышла на четвертое место после США, Японии и Турции [19].

Больше половины от общего объема торговли Казахстана приходится на страны Европейского Союза. В настоящее время среди стран Европы Германия входит в десятку ведущих иностранных инвесторов в экономику Казахстана и в пятерку ведущих торговых партнеров республики.

Товарооборот между РК и ФРГ составляет 1 млрд. 210 млн. долларов США, что составляет около 85% внешней торговли Германии со всеми странами Центральной Азии [4].

За последние годы совместно с германскими компаниями в Казахстане реализовано 19 крупных инвестиционных проектов в сфере строительства, торговли, промышленного производства. Крупнейшими партнерами являются немецкие компании

Siemens, Knauf, MetroCash&Carry, Heidelberg Cement, Quaesta Capital, Linde AG и другие [7].

Значительный импульс двустороннему сотрудничеству придали визиты Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева в Берлин в феврале 2012 года и Канцлера Германии А.Меркель в 2010 году в Астану[6].

Важную роль в развитии торгово-экономического сотрудничества играет совместная реализация Соглашения о партнерстве в сырьевой, промышленной и технологической сферах между Казахстаном и Германией, которое было подписано в феврале 2012 года в Берлине [12]. Данное соглашение дает возможность развивать отношения не только между Германией и Казахстаном, но и между Казахстаном и Евросоюзом в целом.

Функционирует казахстанско-германская Межправительственная рабочая группа по торгово-экономическому сотрудничеству и Деловой совет по стратегическому сотрудничеству, объединяющий ведущие казахстанские и немецкие экономические структуры [13]. Еще одним важным компонентом в двустороннем сотрудничестве является взаимодействие стран в подготовке к проведению EXPO-2017 в Астане и привлечения немецких инвестиций и новейших технологий [3]. Германия, имея большой опыт в проведении подобной выставки в Ганновере, оказывает всяческое содействие в процессе ее организации и проведения.

Немецкие политики охотно налаживали личные контакты со своими среднеазиатскими коллегами. Например, бывший министр иностранных дел и глава Свободной Демократической партии Х.-Д.Геншер стал почетным председателем Казахстано-германского общества.

Помимо экономического сотрудничества, большое политическое и практическое значение отводится сотрудничеству по во-

просам этнических немцев, проживающих в Казахстане (около 180 тыс. чел.), а также проживающих в Германии бывших казахстанцев (более 900 тыс. чел.) и этнических казахов (около 1 тыс.чел.), которые являются важным связующим звеном в отношениях между двумя странами [17].

В целях поддержки интересов немецкой диаспоры в Казахстане функционирует казахстанско-германская Межправительственная комиссия по вопросам этнических немцев, проживающих в Республике Казахстан, а также ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение» [1] и Союз немецкой молодежи Казахстана [14]. Также в Казахстане успешно функционируют областные немецкие этнокультурные объединения, издается республиканская газета «Deutsche Allgemeine Zeitung» [17].

Стоит отметить динамичное развитие сотрудничества Казахстана и Германии в области образования и науки. Основой для двусторонних отношений в сфере образовательной политики служит подписанное в 1994 году Соглашение между Правительством Республики Казахстан и правительством Германии о культурном сотрудничестве [11]. Успешным примером является совместная работа по развитию Казахстанско-Немецкого Университета (КНУ) в Алматы. Также в Казахстане открыты представительства Института им. Гете и Немецкой службы академических обменов DAAD. Германская служба академических обменов DAAD является крупнейшей в мире организацией по поддержке международного обмена студентов и научных работников. DAAD является посредником в организации внешней культурной политики и политики высшего образования и науки Германии; организует и финансирует академический обмен студентами и учеными; поддерживает германистику и изучение

немецкого языка [18]. В связи с ростом числа казахстанских студентов, обучающихся в Германии, в 2009 году было открыто представительство Центра международных программ «Болашак» в ФРГ [8].

С 2012 года реализуется инициатива «Назарбаев-Меркель» по внедрению германской модели дуального профессионально-технического образования в Казахстане. Цель инициативы - использование передового опыта ремесленных палат Германии для развития профессионального технического образования. В рамках этой инициативы реализуется программа подготовки управленческих кадров в Казахстане по линии Германского общества по международному сотрудничеству [9].

Таким образом, к концу 1990-х гг. правительству ФРГ удалось наладить постоянное сотрудничество с руководством Казахстана. Тем самым была создана необходимая база для активизации двустороннего партнерства в начале 2000-х гг., когда ФРГ и ее союзникам по НАТО понадобилась помощь в проведении военной операции в Афганистане. Помимо этого, германскому правительству удалось организовать массовое возвращение этнических немцев в Германию в первой половине 1990-х гг., а также обеспечить финансовую, гуманитарную и культурную поддержку тем из них, кто предпочел остаться в Республике Казахстан. Такой подход способствовал укреплению двустороннего сотрудничества в сфере науки, образования и культуры в целом, так как представительства германских фондов не ограничивались работой только с немцами, а активно вовлекали в сотрудничество местную интеллигенцию и молодежь.

Хотелось бы подчеркнуть, что Германия, начиная с конца XX века, стала фокусировать свое внимание на среднеазиатских республиках. Она понимает, что Средняя Азия с ее полезными иско-

паемыми и недостаточно освоенным рынком предоставляет большие возможности для расширения экономического и политического влияния, и поэтому Берлин решил актуализировать свое партнерство со странами региона. В связи с этим Казахстан как раз и является приоритетной страной в сотрудничестве Германии и среднеазиатских республик, тем более что он обладает наиболее значительными запасами полезных ископаемых и углеводородов. Стабильное социально-экономическое положение республики и благоприятная внутривнутриполитическая обстановка также оказывают положительное влияние на имидж государства.

Большую роль играет наличие в республике немецкой диаспоры. В данном контексте Казахстан также занимает лидирующую позицию, так как, несмотря на то, что процесс выезда представителей немецкой национальности на историческую родину носит регулярный характер, на территории Казахстана все еще проживает значительная часть немцев.

По словам Министра иностранных дел Германии Франк-Вальтера Штайнмайера «Средняя Азия является регионом стратегического значения: в большинстве случаев находясь в тени международного внимания, здесь сталкиваются интересы крупных региональных держав - России, Китая и Ирана»[16].

По словам министра, регион располагает «огромными экономическими возможностями и значительными рисками для стабильности, которые не могут быть нам безразличны»[16].

Сотрудничество Казахстана и Германии развивается сегодня по всему спектру двусторонних отношений, что обусловлено развитием Казахстана в качестве ключевого партнера Германии в центрально-азиатском регионе, а также актуальными вызовами международной повестки дня.

Успешное взаимодействие Республики Казахстан и ФРГ в социально-гуманитарной области позволяет добиться повышения качества жизни граждан двух государств; расширить пространство межнациональных культурных контактов; добиться роста взаимопонимания и взаимного уважения между народами обеих стран.

Библиографический список

1. Ассоциация общественных объединений немцев Казахстана «Возрождение». – URL: <http://www.wiedergeburt.kz/index.php/component/content/article/64-revival/netwg/66-aoonk> (дата обращения: 02.03.2017).
2. Булегенов, экономические Е. Б. Международные отношения и сотрудничестве торговые дипломатия Казахстана / Е. Б. Булегенов // Проблемы управления.- 2012. -№ 2(43). - С. 32-34
3. В Бундестаге подписан Договор об участии Германии в сотрудничестве торговые «ЭКСПО-2017».- URL: <http://mfa.gov.kz/index.php/ru/so-y-zha-aly-tar/129-novosti/6668-v-bundestage-podpisan-dogovor-ob-uchastii-germanii-v-ekspo-2017> (дата обращения: 25.02.2017).
4. Германия сотрудничестве является ключевым партнером Казахстана в сотрудничестве торговые странах Европейского союза. – URL: <http://www.kitf.kz/ru/vystavka/24-press-tsentr/novosti/364-15-04-2015zk> (дата обращения: 20.02.2017).
5. Договор между Республикой Казахстан и сотрудничестве торговые Федеративной Республикой Германия о сотрудничестве торговые развитии широкомасштабного сотрудничества в сотрудничестве торговые области экономики, экономические сотрудничестве промышленности, экономические науки и сотрудничестве торговые техники. – URL: <http://egov.kz/cms/ru/law/list/P930001292> (дата обращения: 17.02.2017).
- 6 Казахстан и Германия отметили 25-ю годовщину установления дипломатических отношений. – URL: <http://www.mfa.kz/index.php/ru/so-y-zha-aly-tar/129-novosti/8251-kazakhstan-i-germaniya-otmetili-25-yu-godovshchinu-ustanovleniya-diplomaticheskikh-otnoshenij> (дата обращения: 28.03.2017).

7. Казахстанско-германские отношения достигли высокого уровня развития. – URL: http://www.inform.kz/ru/kazahstansko-germanskie-otnosheniya-dostigli-vysokogo-urovnya-razvitiya-mid-rk_a2997906 (дата обращения: 18.02.2017).
8. Казахстанско-германское сотрудничество в сотрудничестве торговые области образования. – URL: <http://dknews.kz/society/41-career/learning/12998-kazahstansko-germanskoe-sotrudnichestvo-v-oblasti-obrazovaniya.html> (дата обращения: 10.03.2017).
9. Коммюнике по случаю 25-летия установления дипломатических отношений между Республикой Казахстан и сотрудничестве торговые Федеративной Республикой Германия. – URL: <http://mfa.gov.kz/index.php/ru/so-y-zha-aly-tar/129-novosti/8242-kommyunike-po-sluchayu-25-letiya-ustanovleniya-diplomaticeskikh-otnoshenij-mezhdu-respublikoj-kazakhstan-i-federativnoj-respublikoj-germaniya> (дата обращения: 11.03.2017).
10. Политическое и сотрудничестве торговые экономическое сотрудничество Германии и сотрудничестве торговые Казахстана на сотрудничестве торговые современном этапе. – URL: <http://enu.kz/repository/repository2012/sotrudnichestvo-germanii.pdf> (дата обращения: 15.02.2017).
11. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и сотрудничестве торговые правительством Германии о сотрудничестве торговые культурном сотрудничестве. – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1012969#pos=0;_economic0 (дата обращения: 07.03.2017).
12. Соглашение между Правительством Республики Казахстан и сотрудничестве торговые Правительством Федеративной Республики Германия о сотрудничестве торговые партнерстве в сотрудничестве торговые сырьевой, экономические сотрудничестве промышленной и сотрудничестве торговые технологической сферах. – URL: <http://gb2012.ru/wp-content/uploads/2012/09/o1200000001.08-02-2012.rus.pdf> (дата обращения: 20.02.2017).
13. Сотрудничество Республики Казахстан с сотрудничестве торговые Федеративной Республикой Германия. – URL: <http://mfa.gov.kz/index.php/ru/vneshnyaya-politika/sotrudnichestvo-kazakhstana/sotrudnichestvo-so-stranami-evropy-i-ameriki/12-material-orys/392->

sotrudnichestvo-respubliki-kazakhstan-s-federativnoj-respublikoj-germaniya (дата обращения: 22.02.2017).

14. Союзу немецкой молодежи Казахстана-21 год. – URL: <http://daz.asia/ru/soyuzu-nemetskoj-molodezhi-kazahstana-21-god/> (дата обращения: 04.03.2017).

15. Шерьязданова К.Г., экономические Смагулова Д.К. Миграционные и сотрудничестве торговые диаспоральные аспекты казахстанско-германских отношений / К.Г. Шерьязданова, экономические Д.К. Смагулова // Евразийская Экономическая Интеграция. – 2012. – №1(14). – С. 103-112

16. Штайнмайер пояснил, почему Средняя Азия важна для Германии. – URL: <http://regnum.ru/news/polit/2107924.html> (дата обращения: 18.02.2017).

17. Deutsche Allgemeine Zeitung(DAZ) . – URL: экономические <http://daz.asia/blog/category/zam/> (дата обращения: 05.03.2017).

18. Deutscher Akademischer Austauschdiens (Германская служба академических обменов DAAD) . – URL: экономические <http://www.daad.kz/ru/14871/index.html> (дата обращения: 09.03.2017).

19. Kasachstan. Beziehungen zwischen Kasachstan und Deutschland / Auswaertiges Amt. 2008. March. - URL: <http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/de/Laenderinformationen/Kasachstan/Bilateral.html> (дата обращения: 20.02.2017).

20. Zentralasienstrategie / Auswaertiges Amt. - URL: <http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/de/Europa/Aussenpolitik/Regionalabkommen/Zentralasien.html> (дата обращения: 23.02.2017).

21. Wirtschaftliche Zusammenarbeit / Botschaft der Republik Kasachstan in der Bundesrepublik Deutschland. - URL: <http://www.botschaft-kasachstan.de> (дата обращения: 25.02.2017).

Перспективы развития отношений России и АТЭС

The article drew attention to the current relationships between Russia and Asia-Pacific economic cooperation, discusses prerequisites for closer integration.

Keywords: economic cooperation; APEC; Russia's presence in the Asia-Pacific Region.

В статье обращено внимание на текущие политико-экономические отношения РФ и стран Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, рассматриваются предпосылки для более тесного взаимодействия.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество; присутствие России в АТР.

Множество ученых и политиков предполагают, что АТЭС станут новым экономическим и политическим центром мира в двадцать первом столетии. В последние годы именно Азиатско-Тихоокеанский регион стал точкой для пересечения интересов почти всех крупных геополитических игроков, что совсем неудивительно, ведь на страны АТР приходится больше половины внутреннего валового продукта всей планеты. Очевидно, что одна из крупнейших региональных группировок, форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, влияет на расстановку сил всего мира. На страны-члены АТЭС приходится 40% всего населения земного шара, примерно 48% совокупного объема мировой торговли и мировых зарубежных инвестиций, и около 59% всего ВВП [5]. Это один из самых наиболее динамично развивающихся районов мира, сосредотачивающий в себе крупные экономические, финансовые, технологические и человеческие ресурсы, а также значительный инновационный потенциал. Россия, две трети территории которой находится в Азии, с 1998 года явля-

ется членом АТЭС и в последние годы стремится всё более активно и глубоко участвовать в процессах Азиатско-тихоокеанской интеграции, наладить стабильные экономические отношения с Востоком. Прежде всего, после мировых кризисов 1998 и 2010 годов доступ на мировые рынки значительно сузился, а после 2014 года идеи о переориентации РФ с рынка стран ЕС на рынок Азиатско-Тихоокеанского региона только упрочили свои позиции. Выбор развития интеграции со странами АСЕАН для России обусловлен перспективами и выгодами российского участия в крупных многосторонних объединениях. Именно такая форма деятельности создает новые формы и модули сотрудничества между государствами.

Еще в 1994 году лидеры АТЭС объявили о своей общей приверженности идее построения свободной и открытой торгово-инвестиционной системы к 2010 году развитыми и к 2020 году развивающимися экономиками-участницами. Эти ориентиры получили известность как «Богорские цели» и стали амбициозным свидетельством общей уверенности в том, что обеспечение свободы и открытости торгово-инвестиционной деятельности является ключевым условием для реализации потенциала роста региона и улучшения экономических и социальных показателей всех экономик АТЭС [4]. Разумеется, Россия с удовольствием поддержала эту идею. Сегодня, когда до истечения сроков осталось всего 3 года и, принимая в расчет глобальные изменения, происходящие не только в регионе, но и во всем мире, на последнем саммите АТЭС в Перу лидеры форума сочли своевременным обсуждение процесса формирования видения АТЭС на период после 2020 года. Мероприятия серии таких диалогов планируется проводить каждый год, начиная с 2016 и до 2020 года, говорится в официальной декларации. Кроме того, в документе отображены итоги обсужде-

ния поиска новых источников экономического роста и обеспечения его инклюзивного и устойчивого характера, развития региональных рынков продовольствия, методов содействия выходу МСП на международные рынки, образование и многое другое [3]. Однако, наиболее актуальными темами на саммите стали перспективы формирования Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ), а также связанные с процессом региональной экономической интеграции (РЭИ) вопросы развития сферы услуг и цифровой экономики. Поиск АТЭС новых форм реализации стратегических задач предоставляет российским принимающим решения органам возможности для подтягивания "тылов" в деятельности в рамках АТЭС, а именно, для дальнейшего осмысливания и взвешивания интересов, основных целей, главных направлений, оптимальных форм деятельности в АТЭС, активизации участия в рабочих органах этой организации. Членство России в этой региональной группировке подтверждает статус РФ как крупного азиатского государства.

Основная доля внешней торговли России в рамках АТЭС приходится на Китай, США, Республику Корею, Японию. На долю этих стран приходится 87,6 % российской торговли [2]. Основываясь на членстве в АТЭС, необходимо искать новые возможности, укреплять взаимопонимание деловых кругов и привлекать их внимание к этим новым возможностям. Активная деятельность в рамках АТЭС позволяет России не только не выпасть из тихоокеанского экономического пространства, но и продвигать свои принципы торгово-экономического сотрудничества с учетом своих целей и интересов, участвовать в принятии решений по ключевым вопросам внешней торговли, инвестиционной деятельности, развитию внешнеэкономических процессов всего региона.

Кроме того, сотрудничество с АТЭС соответствует интересам РФ по ряду направлений. Во-первых, это – возможность построения новой энергетической конфигурации и на территории России, и на территориях стран-партнеров по форуму. Это сильно повлияет на диверсификацию географии рынков импорта, осуществлению бесперебойных поставок ресурсов, обеспечение энергетической безопасности в регионе и реализацию будущих подобных проектов по энергетике.

Еще одним перспективным направлением является взаимодействие в области транспорта. Возможность объединения Транскорейской и Транссибирской магистралей, участие российских компаний в международных или межрегиональных транспортных проектах, которые подразумевают строительство дорог из Азии в Европу, открывает пространство для развития всей транспортной системы Азиатско-Тихоокеанского региона [1].

Одной из важнейших составляющих сотрудничества АТЭС и России в области транспорта являются морские порты. Страны АТР – основной рынок сбыта для отечественных товаров, следующих через порты Дальнего Востока. Перспективы развития в этой части РФ морских грузоперевозок связаны в большей степени с проектами на Сахалине и проектом строительства нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан». Еще одним преимуществом участия в АТЭС является возможность обсуждения на уровне глав государств политических и экономических проблем. Встречи в верхах содействуют лучшему пониманию региональных и национальных проблем.

Таким образом, в последнее время мы наблюдаем постепенную активизацию присутствия России в интеграционном пространстве АТР. Председательство России в АТЭС в 2012 году во Владивостоке придали новый импульс азиатской политике России

и открыли новые перспективы для российского государства в АТР. Во многом «переломным» годом для азиатской политики России стал 2014 год, когда в условиях антироссийских настроений на Западе, Россия вынуждена была активизироваться на восточном направлении. На саммите АТЭС 2014 года ярко проявилось противостояние США и Китая, условиях чего Россия поддержала Китай, который, в свою очередь, стал стратегическим партнером России в условиях тяжелой для нее геополитической ситуации [6]. Главным содержанием переговоров В. Путина и Си Цзиньпина в ходе саммита АТЭС 2016 года стало сопряжение проектов ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП), выдвинутого полтора года тому назад, когда противостояние России и Запада из-за Крыма и Донбасса достигло апогея. Очевидная, не декларируемая официально цель этого сопряжения – предотвратить конкуренцию между российским и китайским проектами экономической интеграции в Евразии, не допустив тем самым охлаждения отношений и их перерастания в конфликтную стадию. Проекты ЕАЭС и ЭПШП пересекаются в Центральной Азии, которая и могла стать полем столкновения двух держав. Последнего удастся избежать, но продвигается сопряжение непросто. Россия, обладающая по сравнению с Китаем гораздо меньшим экономическим весом, опасается в результате реализации крупных инфраструктурных проектов попасть в экономическую зависимость от столь мощного соседа, как это уже фактически произошло с большинством среднеазиатских государств.

Исходя из вышесказанного, высокий приоритет приобретает формирование нового внешнеполитического и внешнеэкономического имиджа России в регионе АТР как надежного и перспективного партнера, заинтересованного в развитии региона и равноправных отношениях со странами АТЭС.

Библиографический список

1. АТЭС: к открытому, равноправному сотрудничеству в интересах развития [Электронный ресурс]. - URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50706>
2. Будущее свободной торговли [Электронный ресурс]. - URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=8393#top-content
3. Декларация лидеров АТЭС 2016 года, Лима, 21 ноября 2016 года [Электронный ресурс]. - URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2532005
4. Политическое заявление о результатах работы по реализации «Богорских целей» [Электронный ресурс]. - URL: <http://kremlin.ru/supplement/775>
5. Посол К.В.Внуков: АТЭС-2017 больше повысит значимость Вьетнама во всем мире [Электронный ресурс]. - URL: <http://ru.nhandan.com.vn/chinhtri/chinhtri-doingoai/item/136250-посол-к-в-внуков-атэс-2017-больше-повысит-значимость-вьетнама-во-всем-мире.html>
6. Саммит АТЭС и экономическое сотрудничество России и Республики Корея на Дальнем Востоке [Электронный ресурс]. - URL: <http://mirec.ru/2015-03/sammit-ates-i-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-rossii-i-respubliki-koreya-na-dalnem-vostoke>

СОВРЕМЕННЫЙ ВОСТОК: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИКИ

М.В. Кирчанов

«Индонезия – не только страна мусульман-суннитов»: трудности постколониального политического языка современного индонезийского либерального ислама

Автор анализирует особенности политического языка современного либерального ислама в Индонезии. Автор полагает, что идеологи либерального ислама активно используют политические либеральные и националистические нарративы. Принципы прав и свобод человека, уважение прав национальных и религиозных меньшинств заимствованы ими из западной либеральной традиции. Идеи деарабизации ислама стали результатом влияния идеологии индонезийского национализма. Политический язык либерального ислама имеет постколониальный характер. Тексты либеральных мусульман адресованы образованной части индонезийского общества, которая может понимать и принимать западные ценности. Развитие либерального ислама не только актуализирует постколониальный характер современной индонезийской государственности, переходный характер политического режима, но и содействует модернизации и секуляризации индонезийского общества. Перспективы развития и трансформации либерального ислама продолжают оставаться неясными и неопределенными.

Настоящая статья является продолжением статьи Автора, опубликованной в 2011 году. См.: Кирчанів М.В. Ліберальний іслам в політичному житті Індонезії (2001 – 2008) // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 5. Сентябрь. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/09/1974>. Публикуемый текст представляет собой первоначальный вариант статьи, изданной в журнале «Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность» в № 1 за 2016. См.: Кирчанов М.В. Либеральный ислам в современной Индонезии: основные векторы идеологического развития в первой половине 2010-х гг. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2016. № 1. С. 99-110.

Ключевые слова: Индонезия, ислам, либеральный ислам, *Jaringan Islam Liberal*, политический язык, права человека, секуляризация

The author analyzes the features of contemporary political language of liberal Islam in Indonesia. The author believes that the ideologues of liberal Islam actively use political liberal and nationalist narratives. The principles of human rights and freedoms, respect for the rights of ethnic and religious minorities are borrowed from the Western liberal tradition. The ideas of de-Arabization of Islam appeared as the result of influence of the ideology of Indonesian nationalism. The political language of liberal Islam has postcolonial character. The texts of liberal Muslims are addressed to the educated part of Indonesian society that can understand and accept Western ideals. The development of liberal Islam not only actualize postcolonial nature of contemporary Indonesian statehood, transit character of political regime, but also assist to the modernization and secularization of Indonesian society. The developments and transformations prospects of liberal Islam are still unclear and uncertain.

Keywords: Indonesia, Islam, liberal Islam, *Jaringan Islam Liberal*, political language, human rights, secularism

К постановке проблемы. В исторической и политологической литературе, посвященной проблемам развития стран Юго-Восточной Азии после обретения ими независимости, общим местом успел стать нарратив, согласно которому правящие элиты в той или иной степени активно использовали две универсальные политические тактики – принципы национализма и признаваемую большинством правящего класса универсальность и неизбежность модернизации, ставшей в большей или меньшей степени трансплантацией норм, принятых на Западе, на политическое неевропейское пространство. Фактически подобная ситуация стала и признанием предположения, высказанного в конце 1970-х годов американским литературоведом Э.В. Саидом [Саид, 2006] о конструировании образов Востока усилиями Запада. Спустя несколько лет, в 1983 году, выходит впоследствии классическая монография Б. Андерсона «Воображаемые сообщества» [Anderson, 1983; Андерсон, 2001], в которой фактически описывались попытки, в том числе и неевропейских стран, сконструировать полити-

ческое государство-нацию, используя привнесенную с Запада модель.

Отечественная и зарубежная историография Индонезии, особенно та, которую условно можно отнести к т.н. «большому нарративу» [Андреев, 1974; Беленький, 1965; Беленький, 1978; Голубева, 1980; Другов, 1997; Другов, Тюрин, 2005; Цыганов, 1993; Dahm, 1971; Dahm, 1969], эту схему описания / написания индонезийской истории повторяет и воспроизводит с незначительными модификациями [1]. Именно поэтому, в центре авторского внимания в настоящей статье будут проблемы либерального ислама (точнее – специфика политического языка [2] данного течения) в Индонезии [3] на современном этапе [4] как одного из альтернативных модернизационных проектов, основанного в одинаковой мере на идеологии светского национализма и ценностях ислама.

Политический язык в Индонезии XX века: краткий исторический экскурс. Прежде чем обратиться непосредственно к феномену современного индонезийского либерального ислама необходим краткий исторический экскурс в особенности политического языка в Индонезии в XX веке. 29 февраля 1920 года в центральнойяванском городке Делангту индонезийский мусульманин, националист и коммунист в одном лице Хаджи Мисбах выступил перед рабочими местного сахарного завода, которые, вероятно, не имели ни малейшего представления о Европе. Мисбах обратился к присутствующим со словами: «современную эпоху вполне можно назвать *джаман балик боэно* [5], ибо то, что обычно находилось наверху, теперь оказалось внизу. Говорят, что в стране *Оостенрийк* [6], которой обычно правит *раджа* [7], сейчас произошел *балик боэно*. Теперь ею правит Республика, а многие *амбтенаар* [8] убиты Республикой. Как только бывший *амбтенаар* высовывает нос на улицу, ему сразу же перерезают глотку. Так что, братья, помните!

Земля принадлежит только нам» [Shiraishi, 1990. P. 193]. О чем говорил Хаджи Мисбах, недавно вернувшийся из Мекки? Он рассказывал всего лишь... о падении Австро-Венгерской Империи.

Комментируя слова Мисбаха, Б. Андерсон подчеркивает, что «его слова были во многом новыми как для Центральной Явы, так и для собрания, к которому он обращался, ибо он выступал перед своими слушателями с полной уверенностью в существовании в другой части света страны Оостенрийк, для которой в его собственном языке еще не было названия и в которой он сам никогда бывал. Кроме того, революционные события описывались им как происходящие одновременно с событиями на Яве и таким образом, если можно так выразиться, координировались в одних временных рамках – эпоха мира, перевернутого с ног на голову. Эта координация позволяла ему надеяться, что произошедшее с *радхой* и *амбтенаар* в *Оостенрийке* неизбежно произойдет и с их соратниками в Голландской Индии» [Андерсон, 2006. С. 58].

Из этого небольшого приведенного выше фрагмента речи Мисбаха очевидна не только, что многие слушатели, вероятно, не понимали оратора, который для обозначения социальных реалий использовал голландские термины, но в описании политических процессов и перемен оперировал местными выражениями, которые были, скорее, понятны националистам, как носителям «высокой» культуры, чем рабочим сахарного завода. От подобной двойственности сфера политического языка в Индонезии не избавилась и в настоящее время: политики, в том числе и сторонники либерального ислама, обращаясь к своим потенциальным сторонникам, конечно же, говорят на индонезийском языке [9], но этот политический язык по-прежнему несет отпечаток постколониальности, транслируя в неевропейское политическое сообщество ценно-

сти, привнесенные и позаимствованные из западного политического опыта.

Синтетический характер политического языка либерального ислама. На современном этапе программа сторонников либерального ислама в Индонезии носит синтетический характер, сочетая элементы привнесенные из индонезийского политического национализма и заимствованные из западного либерализма. Либеральные мусульмане концентрируются вокруг сетевого сообщества и проекта «Jaringan Islam Liberal» [10]. Западное влияние не только не отрицается, но и признается теоретиками индонезийского либерального ислама, которые не только занимаются популяризацией либерализма в целом, но и склонны позиционировать себя, используя определения и термины, предложенные Э. Саидом [Kajian Islam...]. Подобный синтетический характер программных установок либерального ислама определяет и ту аудиторию, на которую предположительно направлена проповедническая деятельность сторонников либерализации ислама. Теоретики либерального ислама, пытаясь совместить религиозные ценности с принципами прав и свобод человека [Islam Without Extremes...], вынуждены были признать, что в XXI веке вероятными доминирующими тенденциями в мировом развитии станут «плюрализм, либерализм и секуляризм» (pluralisme, liberalisme dan sekularisme) [Undangan Kuliah Pluralisme...], а «транснациональный исламизм» (transnasional Islamisme) [Kahar] становится анахронизмом. Рассматривая упомянутые выше процессы, теоретики либерального ислама не видят в них угрозы, полагая, что секуляризация не приведет к окончательному исчезновению ислама, хотя и склонны воспринимать ее как преимущественно западный феномен [Mulyartono].

Признавая религию как универсальную форму развития цивилизации, сторонники либерального ислама указывают на то, что секуляризация не только актуализирует адаптивный потенциал ислама [Doktrin-Doktrin yang Tak...], но может стать полезной в контексте приобщения к западному опыту [Sekularisme Direvisi...]. Поэтому, еще в середине 2000-х годов индонезийскими интеллектуалами [Ali, 2006] был поставлен вопрос о важности и необходимости популяризации и распространения идей религиозной свободы и принципов религиозного плюрализма. Сторонники либерального течения в индонезийском исламе ставят весьма острые и дискуссионные вопросы, а именно: как должны развиваться отношения между индонезийскими мусульманами и христианами, возможны ли в Индонезии межконфессиональные браки, насколько плюрализм современного мира соотносится с учением ислама, каковы истоки религиозного насилия в Индонезии, как соотносить законы шариата и принципы панчасилы [11] и насколько последние необходимы индонезийскому обществу в XXI веке? [Undangan “Kuliah Pluralisme” ...]

Ставя столь радикальные вопросы, сторонники либерального ислама дают не менее провокационные ответы. Осознавая, вероятно, неизбежность глобализации, теоретики и идеологи либерального ислама, ссылаясь на авторитет западных политиков и исторических деятелей [12], стремятся модифицировать и применить к индонезийским условиям и реалиям позаимствованную у западных интеллектуалов концепцию мультикультурализма. В частности, ими утверждается, что на протяжении истории Индонезия развивалась в условиях сосуществования различных культурных, языковых и религиозных групп [Tarekat Cleaning Service...], хотя признается и то, что Индонезия является преимущественно мусульманской страной, нуждающейся, правда, в «укреплении меж-

конфессионального согласия» [Membumikan Dialog...]. Сторонники либерального ислама активно используют и концепцию защиты прав человека в целом [13] и меньшинств в частности: например, они отрицательно относятся к преследованию в Индонезии ахмадитов и шиитов [Mengaji Pemikiran...], полагая, что те являются не только мусульманами, но и полноправными индонезийскими гражданами. В отношении последних идеологи либерального ислама декларируют лозунг, согласно которому «Индонезия – не только страна мусульман-суннитов, но и мусульман-шиитов» [Doktrin Syiah...].

Либеральный ислам и индонезийский национализм. Теоретики либерального ислама в связи с этим указывают на то, что на индонезийских мусульманах лежит особая миссия: им, по их мнению, следует придерживаться широкого толкования Корана [Diskusi Bulanan...], допустить обсуждение вопросов авторства Корана [Diskusi Jaringan Islam Liberal: Nabi dan Pengalaman Rewahyuan], содействовать образовательным инициативам в целях борьбы с радикализацией ислама [Ghazali], актуализировать «капиталистическую» компоненту в исламе [Abshar-Abdalla], отказаться от негативных стереотипов о немусульманах, как устаревших и «не подходящих для современного общества... и не соответствующих принципам демократии» [Tadarus Ramadan...], содействовать борьбе с религиозным радикализмом [Damas], демократизации как ислама, так и мусульманских стран [Ahmad] и, тем самым, закрепить на индонезийском исламом статус наиболее демократического и современного. Кроме этого среди своих задач мусульманские либералы видят в формировании позитивного образа ислама, его демифологизации, разрушению негативного образа ислама как религии террористов [Nurdin]. В подобных настроениях заметно влияние не только ценностей западной де-

мократии, но и попытка актуализации идей индонезийского национализма, а также фактически многолетние (нередко скрытые) дебаты среди мусульман по вопросу о неформальном лидерстве и доминировании в исламском мире арабского ислама. Современные идеологи либерального ислама в Индонезии открыто не решаются ставить под сомнение арабское лидерство в исламе, тем не менее, не упускают возможности указать на архаичность именно арабского ислама. Например, салафиты позиционируются ими в качестве радикальной секты, в вину которой индонезийские либеральные мусульмане ставят неуважение прав женщин и проповедь «арабского расового превосходства над другими расами» [Diskusi Jaringan Islam Liberal: "Kritik atas Nalar Salafi"].

Критика именно «арабского» ислама в либеральном исламе в Индонезии может рассматриваться как проявление индонезийского национализма. По мнению индонезийских сторонников либерального ислама, неарабы среди мусульман составляют 87 % в то время как доля арабов не превышает 13 %. Поэтому индонезийские мусульмане настаивают на том, что подчиненное положение мусульман Индонезии в идеологическом плане является несправедливым. Один из теоретиков либерального ислама Новриантони сравнивает современный ислам с самолетом, захваченным террористами – в качестве таковых выступают арабы, которые, по его мнению, содействуют дискредитации ислама, культивируя его образ как архаичной, чрезвычайно традиционной и жестокой религии. В вину арабам ставится то, что они игнорируют местные традиции в регионах со значительной национальной спецификой, в том числе – и в Индонезии [Novriantoni]. Сами идеологи либерального ислама склонны настаивать на том, что Индонезии следует играть большую роль в мусульманском мире. При этом близкой в культурном и языковом плане Малайзии они приписы-

вают второстепенную роль, полагая, что «Индонезия гораздо больше этого заслуживает» [Rahmawati 1].

Либеральный ислам и индонезийская ситуация постколониальности. Развитие либерального ислама в Индонезии, таким образом, не следует, вероятно, сводить исключительно к западным интеллектуальным влияниям. Теоретики течения склонны, наоборот, подчеркивать индонезийские истоки движения, связывая его появление, с одной стороны, с политикой в отношении уммы Сухарто [Ahmad], что повлияло на большую политизацию определенной части мусульманского сообщества, а, с другой, с общей актуализацией всего, что было связано с исламом в условиях демократизации, начавшейся в конце 1990-х годов. Комментируя фактор политического наследия Сухарто, Е. Рахмавати подчеркивает, что «конечно, самая большая проблема связана с эпохой Сухарто, но то же самое относится и к периоду демократии... но самые большие на данный момент проблемы исходят от самой общины» [Rahmawati 2]. При этом ими отрицается связь либерального ислама с другими политическими течениями индонезийских мусульман, которые в ряде случаев определяются ими как «политический шариат» («politik syariah») [Politik Islam...]. За подобными декларациями теоретиков либерального ислама и их критикой религиозного традиционализма можно усмотреть стремление закрепить за собой статус как наиболее последовательных сторонников вестернизации индонезийского общества.

В целом продолжая развивать модернизационные нарративы гражданского национализма, теоретики либерального ислама, в некоторой степени их скорректировав, делают ставку на студенческую молодежь, женщин, средние возрастные группы, которые активно пользуются интернетом. Ставка именно на подобный круг потенциальных потребителей идеологии либерального ислама не

является случайным, так как, по словам А.Ю. Другова, «в Индонезии, где почти 90 % населения считают себя мусульманами, исламские законы в целом не определяют политическое поведение большинства верующих» [Другов, 2009. С. 341]. Такая целевая аудитория и средства общения частично предопределили политические лозунги индонезийского либерального ислама. Поэтому, его теоретиками декларируется необходимость последовательной демократизации общества, расширение прав женщин, достижение подлинного равноправия между полами, а конечной целью объявляется создание «гражданского общества». Примечательно, что подобные идеи индонезийские сторонники либерального ислама предпочитают высказывать и популяризировать на английском языке [Alexandria Declaration...]. В ряде случаев подобные настроения в текстах теоретиков либерального ислама получают последовательное развитие и трансформируются в концепт, который они сами определяют как «мусульманский феминизм». Некоторые предложения сторонников наиболее радикального течения в «мусульманском феминизме» и вовсе носят популистский характер: в частности, признается право женщин носить блузки, мини-юбки, джинсы и сапоги [Mulia].

Итоги и перспективы исследования. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать ряд факторов.

Либеральный ислам, о котором речь шла выше, стал не только следствием той политики модернизации, проводимой индонезийскими элитами в рамках различных режимов после обретения независимости, но и результатом сингулярной модели того национализма, который определял трансформации политического пространства в Индонезии. Сингулярность индонезийского национализма в этом контексте в наименьшей степени связана с уникальностью Индонезии, но в наибольшей мере обусловлена фактиче-

ским переносом тех форм, тактик и практик националистического воображения, которые успешно использовались в других, европейских, регионах. Теоретики либерального ислама склонны легитимизировать свои идеи, используя «западный» язык, что, вероятно, придает им не только радикализм, но и маргинальность, так как число их потенциальных сторонников в индонезийском обществе продолжает оставаться ограниченным.

Развитие либерального ислама в современной Индонезии свидетельствует о том, что национализм в этой стране стал подлинно серийным, так как ценности национализма настолько универсальны, что в одинаковой степени используются и артикулируются как светскими, так и религиозными участниками политического процесса. В рамках идеологии либерального ислама, с одной стороны, в большей или меньшей степени актуализируются идеи политической нации, светские и либеральные ценности, которые возникли в индонезийском обществе вследствие его постколониального характера, то есть были проецированы индонезийскими интеллектуалами извне, привнесены из культурно чуждого западного политического опыта. В подобной ситуации ислам стал некой своеобразной, условно местной, матрицей, в которую встраиваются фактически заимствованные из западной модели развития ценности либерализма и национализма.

В этом контексте не должно вызывать удивления, что теоретики либерального ислама в Индонезии, независимый политический опыт которой не насчитывает и одного столетия, предлагают ускоренные версии модернизации, фактически пребывая в рамках мусульманского дискурса, содействуя секуляризации и вестернизации. Современные либеральные тренды в рамках индонезийского ислама, вероятно, имеют различные истоки, будучи порожденными коллективной памятью о преследованиях и опытом суще-

ствования уммы в условиях военного режима, который именно в политическом исламе видел один из системных вызовов. В генезисе либерального ислама фактор западного влияния, вероятно, следует признать определяющим, что указывает на принадлежность Индонезии в интеллектуальном плане к постколониальному дискурсу, форматоры, носители и теоретики которого условно говорят западными словами (демократия, права человека, либерализм), но используя при этом не совсем западные вербальные практики (ислам). С другой, подобная сингулярность либерального ислама и некая его интегрированность в весьма условный «большой» канон постколониального опыта (если таковой и существует) вовсе не означает того, что теоретики либерального течения в индонезийском исламе не подвержены (в различной степени) влиянию со стороны более раннего индонезийского националистического опыта, либеральные ценности, свободы и права человека для которого могли играть роль в значительной степени меньшую по сравнению с принципами и ценностями этнического национализма.

Таким образом, признание постколониального характера либерального ислама в современной Индонезии не является проявлением его искусственности и ущербности – оно, наоборот, свидетельствует, с одной стороны, о развитии части интеллектуального и религиозного пространства страны в рамках большого и претендующего на универсальность для части Востока и Юго-Восточной Азии постколониального дискурса, а, с другой, вероятно, указывает и на необратимость процессов миксации политических идентичностей в Индонезии, являясь одной из (гипотетических) гарантий страны от вызовов радикального исламизма.

Примечания

1. Не избежал увлечения этой модернизационной парадигмой и Автор настоящей статьи, но если в монографии 2009 года «Национализм и модернизация в Индонезии в XX веке» [Кирчанов, 2009] имело место стремление подвести историю страны под концепт модернизации и предложить авторское видение пресловутого «большого нарратива», то к 2013 году интерес к написанию синтетической истории был утрачен и на смену ей пришла попытка деконструкции, что нашло отражение в книге «“Плачущие по нескончаемому миру”: колониализм, национализм и транскультурализм (проблемы постколониального анализа)» [Кирчанов, 2013]. Тем не менее, эти две монографии объединяет проблема национализма, точнее – трансформаций и злоключений западного националистического гражданского опыта (как сингулярного, т.е. множественного, условно тиражируемого и переносимого на другие регионы) в неевропейском политическом пространстве, т.е. как и почему фактически неевропейские институты, используя западные (по своему происхождению) средства коммуникации, пребывая преимущественно в религиозной или традиционной системе координат воображают / переосмысливают / конструируют парадигму модернизации.
2. Под «политическим языком» в статье понимается «система коммуникативных средств кодирования политической информации, провоцирования политических действий и управления ими» (Язык политики. – URL: http://mirslovarei.com/content_pol/jazyk-politiki-1371.html), а проблемы индонезийского языка (bahasa Indonesia) в его политическом измерении не рассматриваются, так как эти вопросы уже получили определенное изучение в российском индонезиеведении [Кондрашкина, 1986].
3. В современной российской и зарубежной политологической литературе практически отсутствуют исследования, посвященные *специально индонезийскому либеральному исламу и сфокусированные именно на его изучении*. Либеральный ислам в качестве объекта изучения не столь популярен в отличие от его радикальной альтернативы. Некоторые проблемы либерального течения в индонезийском исламе (или ислама в более широком контексте), тем не менее, изучены российскими [Гу-

- сев, 2011; Другов, 2011; Ефимова, 2007; Ефимова, 2011; Ефимова, 2013; Кирчанів, 2011] и зарубежными [Ali, 2005, 2006, 2011] авторами, хотя создание полной идеологической и интеллектуальной картины этого течения в индонезийской мысли представляется задачей будущего.
4. В данной статье Автор ограничился рассмотрением актуального современного идеологического состояния либерального ислама в Индонезии. Проблемы развития либерального индонезийского ислама в 2000-е годы рассмотрены в одной из статей Автора, опубликованной в 2011 году [Кирчанів, 2011].
  5. Древнеяванское выражение, означающее «эпоха мира, перевернутого с ног на голову».
  6. Голландское название Австро-Венгрии.
  7. «Монарх» (индонез.)
  8. «Правительственные чиновники» (голл.)
  9. Трансформации индонезийского языка в ситуации постколониальности относятся к чрезвычайно интересным темам в международных индонезийских штудиях, тем не менее в этой статье собственно лингвистический аспект изучаемой проблематики опущен Автором, так как он нуждается не только в самостоятельном изучении, но некоторые вопросы данной проблемы исследованы российскими учеными [Демидюк, 2013].
  10. Идейними вдохновителями движения являются Улил Абсхар Абдалла и д-р Лутхфи Ассяукани [Assyaukanie, 1998, 2002], деятельность и взгляды которых должны стать предметом самостоятельного исследования.
  11. Сторонники либерального ислама открыто не отрицают принципы панчасилы, пытаясь начать относительно них дискуссию среди мусульман [Indonesia dan Doktrin Pancasila].
  12. В контексте развития либерального ислама в Индонезии примечательно то, что его теоретики нередко цитируют западных авторов на языке оригинала (например, именно таким образом Будхи М. Рахман цитирует слова Авраама Линкольна «We all declare for liberty: but in using the same word, we do not mean the same thing»), что подчеркивает постколониальный характер этого движения [Rahman].
  13. Изучение позиции либерального ислама в отношении проблем прав человека и состояние прав человека в Индонезии в целом не входит в

число задач данной статьи. Эти вопросы анализируются современными российскими индонезиеведами [Другов, 2013].

Библиографический список

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
2. Андерсон Б. Национализм, идентичность и логика серийности // Логос. 2006. № 2. С. 58.
3. Андреев Г.А. Индонезийское государство: проблемы единства и автономии. М.: Наука, 1974.
4. Беленький А.Б. Идеология национально-освободительного движения в Индонезии. 1917 – 1942. Радикальный мелкобуржуазный национализм. М.: Наука, 1978.
5. Беленький А.Б. Национальное пробуждение в Индонезии. М., 1965.
6. Голубева Е.В. Особенности социально-политического развития Индонезии (1960 – 1970-е гг.). М.: Наука, 1980.
7. Гусев М.Н. Ислам в Индонезии. Внешнеполитический курс страны как фактор внутриконфессиональных противоречий // Губеровские чтения. М., 2011. Вып. 2. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Юго-Восточной Азии: история и современность. С. 101 – 112.
8. Демидюк Л.Н. Социолингвистические аспекты процесса заимствования в индонезийском политическом социолекте в конце XX – начале XXI века // Губеровские чтения. М., 2013. Вып. 3. Страны Юго-Восточной Азии и Запад: многообразие форм взаимодействия. История и современность. С. 191 – 199.
9. Другов А.Ю. Индонезия: политическая культура и политический режим. М., 1997.
10. Другов А.Ю., Тюрин В.А. История Индонезии. XX век. М., 2005.
11. Другов А.Ю. Политическая культура и политические реформы в современной Индонезии // Губеровские чтения. М., 2009. Вып. 1. Юго-Восточная Азия: историческая память, этнокультурная идентичность и политическая реальность. С. 330 – 347.

12. Другов А.Ю. Светские истоки этноконфессиональных конфликтов в Индонезии // Губеровские чтения. М., 2011. Вып. 2. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Юго-Восточной Азии: история и современность. С. 132 – 155.
13. Другов А.Ю. Обеспечение основных прав человека в современной Индонезии // Губеровские чтения. М., 2013. Вып. 3. Страны Юго-Восточной Азии и Запад: многообразие форм взаимодействия. История и современность. С. 109 – 122.
14. Ефимова Л.М. Демократия и ислам в современной политической жизни Индонезии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2007. № 10. С. 213 – 230.
15. Ефимова Л.М. Ислам в этноконфессиональных конфликтах в Юго-Восточной Азии XXI века // Губеровские чтения. М., 2011. Вып. 2. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Юго-Восточной Азии: история и современность. С. 29 – 50.
16. Ефимова Л.М. Вызовы современности и исламская общественно-политическая мысль в ЮВА // Губеровские чтения. М., 2013. Вып. 3. Страны Юго-Восточной Азии и Запад: многообразие форм взаимодействия. История и современность. С. 23 – 38.
17. Кирчанів М.В. Ліберальний іслам в політичному житті Індонезії (2001 – 2008) // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 5. Сентябрь. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/09/1974> (дата обращения: 25.05.2014)
18. Кирчанов М.В. Либеральный ислам в современной Индонезии: основные векторы идеологического развития в первой половине 2010-х гг. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2016. № 1. С. 99-110.
19. Кирчанов М.В. «Плачущие по нескончаемому миру»: колониализм, национализм и транскультурализм (проблемы постколониального анализа). Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2013.
20. Кирчанов М.В. Национализм и модернизация в Индонезии в XX веке. Воронеж: «Научная книга», 2009.
21. Кондрашкина Е.А. Индонезия: языковая ситуация и языковая политика. М., 1986.
22. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006.

23. Цыганов В.А. История Индонезии. М., 1993.
24. Abshar-Abdalla U. Islam dan Kapitalisme. – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1755&cat=content&cid=13&title=islam-dan-kapitalisme1> (дата обращения: 10.07.2014)
25. Ahmad S. Demokrasi Islam? – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1622&cat=content&cid=13&title=demokrasi-islam> (дата обращения: 09.07.2014)
26. Ahmad S. Kandasnya Imajinasi Politik Islam. – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1685&cat=content&cid=7&title=kandasnya-imajinasi-politik-islam> (дата обращения: 10.07.2014)
27. Alexandria Declaration On Women rights in Islam. – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1886&cat=content&cid=11&title=alexandria-declaration-on-women-rights-in-islam> (дата обращения: 09.07.2014)
28. Ali M. Gerakan Islam Moderat di Indonesia Kontemporer // Gerakan dan Pemikiran Islam Indonesia Kontemporer / eds. R. Sukma, C. Joewono. – Jakarta: Center for Strategic and International Studies, 2006. – P. 202 – 240.
29. Ali M. Mengapa Membumikan Kemajemukan dan Kebebasan Beragama di Indonesia? / Bayang-Bayang Fanatisisme: Esai-esai untuk Mengenang Nur-cholish Madjid / eds. A. Hakim, Y. Latif. – Jakarta: Paramadina University, 2011. – P. 244 – 281.
30. Ali M. The Internet, Cyber-Religion and Authority: The Case of the Indonesian Liberal Islam Network // Islam and Popular Culture in Indonesia and Malaysia / eds. A. Weintraub. L., 2011. P.101 – 122.
31. Ali M. The Rise of the Liberal Islam Network (JIL) in Contemporary Indonesia // The American Journal of Islamic Social Sciences. 2005. Vol. 22. No 1. P. 1 – 26.
32. Anderson B. Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. NY., 1983.
33. Rahman B.M. Islam dan Liberalisme. – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1540&cat=content&cid=26&title=islam-dan-liberalisme1> (дата обращения: 09.07.2014)
34. Dahm B. History of Indonesia in the 20th Century. L., 1971.
35. Dahm B. Sukarno and the Struggle for Indonesian Independence. L., 1969.

36. Damas T. Tantangan Deradikalisasi. – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1511&cat=content&cid=13&title=tantangan-deradikalisasi> (дата обращения: 10.07.2014)
37. Diskusi Bulanan JIL: "Muslim Liberal Memandang Qur'an". – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1849&cat=content&cid=26&title=diskusibulanan-jil-muslim-liberal-memandang-quran> (дата обращения: 09.07.2014)
38. Diskusi Jaringan Islam Liberal: "Kritik atas Nalar Salafi". – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1885&cat=content&cid=26&title=diskusijaringan-islam-liberal-kritik-atas-nalar-salafi> (дата обращения: 09.07.2014)
39. Diskusi Jaringan Islam Liberal: Nabi dan Pengalaman Pewahyuan. – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1814&cat=content&cid=26&title=diskusijaringan-islam-liberal-nabi-dan-pengalaman-pewahyuan> (дата обращения: 09.07.2014)
40. Doktrin Syiah dalam Konteks Islam Indonesia. – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1763&cat=content&cid=26&title=doktrin-syiah-dalam-konteks-islam-indonesia> (дата обращения: 09.07.2014)
41. Doktrin-Doktrin yang Tak Perlu dalam Agama. – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1454&cat=content&cid=26&title=doktrin-doktrin-yang-tak-perlu-dalam-agama> (дата обращения: 09.07.2014)
42. Faces of Liberal Islam in Indonesia / ed. L. Assyauckanie. – Jakarta: Jaringan Islam Liberal, Teater Utan Kayu, 2002.
43. Ghazali A.M. Menghalau Radikalisme Agama di Sekolah. – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1577&cat=content&cid=13&title=menghalau-radikalisme-agama-di-sekolah1> (дата обращения: 10.07.2014)
44. Indonesia dan Doktrin Pancasila. – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1506&cat=content&cid=26&title=indonesia-dan-doktrin-pancasila> (дата обращения: 09.07.2014)
45. Islam Without Extremes: a Muslim Cas for Liberty. – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1837&cat=content&cid=26&title=islam-without-extremes-a-muslim-cas-for-liberty> (дата обращения: 09.07.2014)
46. Kahar N. Utopia dan Kegagalan Partai Islamis. – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1773&cat=content&cid=7&title=utopia-dan-kegagalan-partai-islamisl> (дата обращения: 10.07.2014)

47. Kajian Islam dan Post-Orientalisme. – URL:
<http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1793&cat=content&cid=26&title=kajian-islam-dan-post-orientalisme> (дата обращения: 09.07.2014)
48. Membumikan Dialog Agama-Agama. – URL:
<http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1830&cat=content&cid=10&title=membumikan-dialog-agama-agama> (дата обращения: 10.07.2014)
49. Mengaji Pemikiran Syi'ah. – URL:
<http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1838&cat=content&cid=26&title=mengaji-pemikiran-syiah> (дата обращения: 09.07.2014)
50. Mulia M. Deklarasi Alexandria. – URL:
<http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1888&cat=content&cid=9&title=deklarasi-alexandria> (дата обращения: 09.07.2014)
51. Mulyartono S. Talal Asad dan Antropologi Sekularisme / S. Mulyartono. – URL:
<http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1597&cat=content&cid=10&title=talal-asad-dan-antropologi-sekularisme> (дата обращения: 10.07.2014)
52. Novriantoni, Islam Tanpa Fatwa Majelis Ulama / Novriantoni. – URL:
<http://www.islamlib.com/?site=1&aid=52&cat=content&cid=7&title=islam-tanpa-fatwa-majelis-ulama> (дата обращения: 10.07.2014)
53. Nurdin N. Bahasa Terorisme itu Mudah Dipahami. – URL:
<http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1566&cat=content&cid=10&title=bahasa-terorisme-itu-mudah-dipahami> (дата обращения: 10.07.2014)
54. Politics, Human Rights, and The Issues of Technology in Contemporary Islamic Law / ed. L. Assyaukanie. – Bandung: Pustaka Hidayah, 1998.
55. Politik Islam ala Ibn Taimiyah dan ibn Qayim. – URL:
<http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1891&cat=content&cid=10&title=politik-islam-ala-ibn-taimiyah-dan-ibn-qayim> (дата обращения: 09.07.2014)
56. Rahmawati E. Indonesia Sebagai Kiblat Pemikiran Islam Dunia. – URL:
<http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1575&cat=content&cid=10&title=indonesia-sebagai-kiblat-pemikiran-islam-dunia> (дата обращения: 10.07.2014)
57. Rahmawati E. Negara dan Hak-hak Minoritas/Individu. – URL:
<http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1829&cat=content&cid=10&title=negara-dan-hak-hak-minoritasindividu> (дата обращения: 10.07.2014)

58. Sekularisme Direvisi: Bedah Pemikiran Talal Asad. – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1568&cat=content&cid=26&title=sekularisme-direvisi> (дата обращения: 09.07.2014)
59. Shiraishi T. An Age in Motion: Popular Radicalism in Java, 1912-1926. NY., 1990. – P. 193.
60. Tadarus Ramadan Jaringan Islam Liberal. Mengaji Gagasan Pemikir Kontemporer. – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1892&cat=content&cid=26&title=tadarus-ramadan-jaringan-islam-liberal> (дата обращения: 09.07.2014)
61. Tarekat Cleaning Service Kota Jakarta. – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1883&cat=content&cid=24&title=tarekatcleaning-service-kota-jakarta> (дата обращения: 09.07.2014)
62. Undangan “Kuliah Pluralisme” Jaringan Islam Liberal, 08 Februari – 01 Maret 2013. – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1815&cat=content&cid=26&title=undangan-kuliah-pluralisme-jaringan-islam-liberal> (дата обращения: 09.07.2014)
63. Undangan Kuliah Pluralisme Jaringan Islam Liberal. – URL: <http://www.islamlib.com/?site=1&aid=1884&cat=content&cid=26&title=undangan-kuliah-pluralisme-jaringan-islam-liberal> (дата обращения: 09.07.2014)

Организация Исламского Сотрудничества: история, структура и основные направления деятельности

В этой статье автор рассматривает Организацию Исламского Сотрудничества в качестве актора международных отношений. Изучая основные понятия, устанавливая причины и предпосылки образования, автор выясняет, какое место ОИС занимает в системе мирового хозяйства и какую роль она играет в жизни стран мусульманского мира и стран, с которыми она развивает международные отношения. В статье внимание уделяется не только сильным, но слабым сторонам организации, на которые направлена основная деятельность ОИС, показывается степень ее самостоятельности в принятии решений, анализируются отношения с Российской Федерацией.

Ключевые слова и фразы: Организация исламского сотрудничества; международная организация; исламский мир; международные отношения; исламская солидарность; интеграция; международная безопасность

In this article the author regards the organization of Islamic cooperation as an actor of international relations. Considering the basic concepts, viewing the backgrounds and reasons for foundation, the author finds out what place it takes in the world economy and the role it plays within Muslim countries and those with which it is developing international relations. The article focuses not only on the strengths, but the weaknesses of the organization, shows the degree of its independence in decision-making process, analyzes relations between the organization of Islamic cooperation and Russian Federation.

Key words and phrases: The organization of Islamic cooperation; international organization; Muslim world; international relations; Islamic solidarity; integration; international security

Начало XXI века можно охарактеризовать стремительным развитием общества, хаотичностью и нестабильностью, расплывчатостью перспектив и неопределенностью будущих направлений деятельности. Государства мира поставлены в такое положение, в котором им необходимо задумываться о своей роли и месте в мировом хозяйстве, приспосабливаться к окружающей реальности, обеспечивать собственное выживание путем решения

насуточных проблем и удовлетворения базовых интересов.

Однако, государства не всегда в состоянии своевременно и действенно устранять возникающие проблемы, реагировать на внешние вызовы и угрозы. Различные конфликты и противоречия могут порождать борьбу за ресурсы, проблемы экологии, усиление миграции, потоков беженцев. В конечном итоге внутригосударственные проблемы перерастают в глобальные, вырываясь за пределы государства, где господствуют такие международные акторы, как международные организации, главной задачей которых является смягчение противоречий и столкновений на международной арене, нейтрализация и ликвидация возможных угроз международной безопасности, решение проблем гуманитарно-экологического характера.

Особое место в системе современных международных отношений занимает мусульманский мир. В период середины — второй половины XX в. политические процессы в исламском мире протекали при наличии двух противоположных тенденций. С одной стороны, тенденции к сближению и сотрудничеству, к укреплению мусульманской солидарности, с другой — тенденции дезинтеграции, находившей свое выражение в разногласиях и конфликтах, вызванных как амбициями отдельных лидеров, так и более серьезными причинами. Интеграционные процессы отражают общность интересов исламских стран, их стремление к экономической независимости, укреплению суверенитета и гарантии территориальной целостности. В основе современного движения «мусульманской солидарности» лежит стремление освободиться от экономического и культурного доминирования Запада, найти свой независимый и самобытный путь, ведущий к созданию «нового исламского общества» [3, с. 4-5]. Движение исламской солидарности отражается в деятельности

международных организаций, самой крупной из которых является Организация Исламская Конференция (ОИК).

Идея кооперирования стран, официальной религией которых является Ислам, имеет довольно серьезные причины. В ее основе лежит положение о том, что ислам является базисом равноправного сотрудничества между мусульманскими народами, т.к. «братство по вере выше национальной и всякой иной лояльности», а определенные несовершенства современного мусульманского мира объясняет «кознями империализма и коммунизма» [1, с. 114]. В рамках данной идеи, как указывает ряд авторов, разрабатывались концепции «исламской экономики», «нового исламского экономического порядка», призванного уменьшить зависимость исламского мира от экономики развитых стран Запада, а также принципы общей оборонной стратегии мусульманских стран [Там же, с. 114].

В 1962 г. в Мекке по инициативе Саудовской Аравии была создана Лига исламского мира — первая «полноценная» международная организация, объединяющая исламские государства по религиозному принципу. Хартия данной организации провозглашала такие цели, как укрепление исламской солидарности, распространение идей Ислама, поддержание постоянных контактов с ведущими религиозными деятелями и учеными, налаживание и развитие тесных отношений с адептами Ислама, проживающими в немусульманских странах, а также «поддержка священной войны мусульман везде, где бы она ни возникла» [4, с. 17]. Структура Лиги не была четко определена. Данная организация пыталась реагировать на основные региональные и глобальные вызовы целостности исламского мира, однако не стремилась к разработке механизмов решения общих для всех мусульманских стран

проблем экономического и социального характера, что предопределило ее слабость и относительную неэффективность, сведя деятельность Лиги исламского мира к провозглашению политических деклараций наиболее общего характера.

Накопленный за все время опыт позволил лидерам мусульманских государств создать в 1969 г. Организацию исламская конференция, ставшую основным органом межгосударственного сотрудничества в рамках исламского мира. Вместе с тем оккупация Израиля в 1967 г. играла не менее важную роль при создании ОИС. В результате поджога мечети Аль-Акса в оккупированном Иерусалиме 20 августа 1969 г., было решено создать саммит, что подтолкнуло мусульманские народы всего мира к единству и стало одной из главных предпосылок создания данной организации.

Организация Исламского сотрудничества является второй по величине межправительственной организацией после ООН. Она объединяет 57 стран на четырех континентах, 56 из которых также являются государствами-членами ООН. Некоторые, особенно в Западной Африке, необязательно являются странами, число мусульман которых составляет большинство. Страны со значительным мусульманским населением, такие как Россия и Таиланд, являются наблюдателями, а другие, как Эфиопия не входят в состав ОИС. Интересная позиция Индии. Хотя она и является третьей страной мира по количеству мусульман, Пакистан блокировал ее заявку на вступление в организацию, так как она выступила против поддержки ОИС решения ООН о плебисците в Кашмире, Индия [8].

В момент возникновения, центром своей деятельности ОИС определила оказание помощи, что предполагало не только моральную поддержку мусульман мира в их борьбе против

угнетения и несправедливости, но и оказание им огромной финансовой, экономической, информационной и иных видов содействия. Особое внимание уделялось разработке общих принципов создания единого исламского государства. Усилия ОИК были также направлены на преодоление духовной деградации мусульманских общин по всему миру, которые существовали в течение длительного времени в условиях принудительной атеизации и пренебрежения со стороны немусульманских правительств.

На сегодняшний момент ОИС — это современная организация, располагающая большим потенциалом. Генеральный секретариат и сами структуры ОИС работают профессионально, соблюдая международные стандарты. Документооборот осуществляется на пяти языках, основным из которых является английский (русский язык также применяется). В своей работе организация широко использует передовые технологии и инновации, современные методы управления, ИТ-решения. Идет постоянный поиск нестандартных способов реализации поставленных целей, привлекаются лучшие интеллектуальные ресурсы для работы в управленческой системе организации. Организация стремится унифицировать законодательства мусульманских стран на основе шариата, предпринимает попытки выработать образцы универсальной конституции для государств «исламского мира». Она ведет борьбу против антиисламской пропаганды и стремится доказать безосновательность теории «столкновения цивилизаций». Сотрудничая с негосударственными межнациональными исламскими организациями, она защищает мусульманские меньшинства в неисламских государствах, что позволяет говорить об ОИС не только как о политическом руководителе, но и как о

«покровителе» мусульман всех стран мира.

Двойственность ОИС раскрывается в том, что, с одной стороны, данная организация следует новейшим принципам международного права, регулирующим деятельность межнациональных образований, а, с другой стороны, в ней заложены древние религиозные устои и обычаи, как и нормы международного права, диктующие поведение ОИС на международном уровне.

Одной из особенностей ОИС является специфический характер ее международной правосубъектности. Эта организация с заявленной широкой компетенцией. Особенность правосубъектности международной организации заключается в том, что как отмечал польский юрист В. Моравецкий, «выражаемая ее органами в принятых ими решениях воля не идентична воле всех ее членов и каждого из них» [2, с. 238]. Правосубъектность организации возникла на основе договора с последующим международным признанием. ОИС имеет возможность участвовать в сессиях и работе Генеральной Ассамблеи в качестве наблюдателя. Ежегодно в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН включается пункт «сотрудничество между ООН и ОИС», и принимается соответствующая резолюция аналогичного названия. Важным аспектом кооперации этих двух организаций являются общие миротворческие усилия. Поэтому об ОИС можно говорить как о мини-ООН для мусульманского мира [9].

Изначально структура ОИС основывалась на особенностях и характерных чертах политической культуры исламских государств. Позже в соответствии с документами ОИС определила следующие главные органы: Исламский саммит - высший орган ОИС, Совет министров иностранных дел и Генеральный

секретариат, выполняющий функцию исполнительного органа [15].

В целях координации своих действий, согласования точек зрения, конкретных результатов в различных областях сотрудничества среди государств-членов, организация создала различные комитеты. Число и виды вторичных органов и институтов, осуществляющих работу по достижению целей ОИС, постепенно увеличиваются и охватывают различные области, такие как культура, наука, экономика, право, финансы, спорт, технологии, образование, СМИ, социальную и гуманитарную сферы. В зависимости от их степени автономии по отношению друг к другу они классифицируются как вспомогательные органы и второстепенные или кооперативные учреждения [15].

Следует добавить и то, что регулирование деятельности правительственных, общественных и частных организаций мусульманских стран в таких областях как транспорт, научные исследования и проч., а также аккумулярование средств для их развития осуществляется целым рядом агентств и фондов, которые были созданы в различное время. (Фонд исламской солидарности, Международный центр исламского образования, Исламский совет гражданской авиации и т.д.). С одной стороны, это позволяет ОИС управлять практически всеми областями межнационального сотрудничества исламских государств, а с другой — предоставляет шанс лидерам этих стран осуществить свой «лидерский» потенциал, не подвергая серьезной угрозе и без того шаткое единство членов Организации.

Одну из ключевых ролей в подъеме авторитета ОИС играют великие державы, особенно США, которые стараются присутствовать в мусульманском мире политическими и даже силовыми средствами. Реакция ОИС на это может показаться

сдержанной, что говорит о неспособности организации отстаивать свое мнение. В 2013 году Президент Америки обнародовал свой ультиматум, касающийся его намерений атаковать Ирак. Существуют различные предположения, что ситуация, вызванная вмешательством США в дела стран исламского мира, является довольно сложной и может иметь значительные последствия. Так, с точки зрения межнациональной деятельности ОИС можно предсказать три основных последствий иракского кризиса 2003 года.

Первым из них может стать падение авторитета ООН среди исламских государств, что приведет к переориентации общественного мнения этих государств на активное содействие ОИС, что будет способствовать укреплению престижа и влияния последней на мировой арене в целом. После обращений Генерального секретариата ОИС в различные структуры ООН с целью активировать усилия в решении противоречий, стала очевидна неэффективность действий ООН по предотвращению очередного иракского конфликта. В одном из заявлений в Комиссию по правам человека ООН, глава ОИС заявил, что «несправедливое нападение на Ирак под руководством Америки может привести к гуманитарной катастрофе, которая будет иметь последствия для всего ближневосточного региона...» и «подорвет престиж ООН, поставив под сомнение компетентность Совета Безопасности, подорвет международное право» [10]. Когда призывы генсека остались без ответа, он начал консультироваться с представителями правительств членов ОИС. Его целью было разработать «систему действий, которые содействовали бы быстрому прекращению конфликта и обеспечению безопасности в регионе» на основе «веса и авторитета ОИС среди исламских государств» [10]. Тем самым Генеральный секретариат ОИС сделал

попытку задействовать региональные ресурсы для урегулирования кризиса в Ираке, не полагаясь на механизмы ООН.

Вторым последствием иракского кризиса, может стать обострение перманентных конфликтов, которые появляются там с середины XX века, таких, как арабо-израильский и индо-пакистанский конфликты. В своем выступлении перед Комиссией по правам человека ООН 18 марта 2003 года, посвященном иракской проблеме, генсек ОИС призвал принять административные меры, имеющих своей целью жесткое отслеживание ситуации с соблюдением прав человека на территории индийского штата Кашмир и «оккупированных Израилем территориях» [11]. Важно отметить, что у ОИС уже имеется опыт в «тактике увязывания» во время обсуждения актуальных для нее вопросов. Например, увязывание политики организации во время конфликта в Косово 1999 года или экономических санкций против Ливии, примененных к данному государству из-за «дела Локкерби» [5, с. 17].

И, наконец, третьим последствием данного кризиса, возможно, станет активизация политики ОИС в отношении государств, где ислам не является государственной религией. Тот факт, что 6 апреля 2003 года, после начала операции Америки против Ирака по инициативе генсека ОИС было созвано совещание экспертов по ситуации в исламских общинах и меньшинствах стран, не входящих в состав Организации Исламского Сотрудничества. Целью совещания стала разработка мер, которые улучшили бы жизненные условия мусульманских общин в неисламских странах и создали «благоприятные условия для развития их культуры» [12].

Несмотря на то, что прерогативное внимание уделялось проблемам развития культуры мусульманских общин и

сохранения их церковной идентичности, проведение данного совещания во время военной операции США против Ирака выглядит символичным. Кроме того, можно прогнозировать в будущем увеличение количества выступлений мусульманских общин в неисламских государствах, целью которых является демонстрация своей солидарности с исламским миром в условиях, когда страны Запада снова попытаются укрепить свои позиции на Востоке силовым способом.

Сейчас организация показывает широкомасштабную политическую активность на мировой арене, хотя кое-какие споры и противоречия между членами организации время от времени возникают. Например, Израильско-Палестинский конфликт, который остается главной проблемой ОИС. Организация Исламского сотрудничества использовала свое влияние в пределах ООН, чтобы настоять на докладе Голдстоуна о состоянии сектора Газа, который обвинил Израиль в злоупотреблении правами человека. ОИС также продолжает настаивать на широком доступе к мусульманским святыням в Израиле. «Сложно говорить, у кого-то есть власть, чтобы что-то предпринять, потому что израильтяне отрицают каждую межнациональную организацию – и, конечно, они отрицают ОИС», - сказал Ихсаноглу на статус мечети Аль-Акса, Аль-Джазира. «Единственный способ, которым мы можем повлиять на события, - это через ООН и ЮНЕСКО».

Касаемо вопроса по правам человека ОИС настаивает на резолюции о диффамации религии в пределах СПЧ, которая акцентирует внимание на защите ислама от оскорблений и стереотипов как религии терроризма. Сторонники говорят, что такие действия необходимы для борьбы с возрастающей исламофобией. Они также говорят, что резолюция, не имеющая обязательного характера, или потенциально обязывающий

договор сократят политическую и религиозную свободу, потому что законы о богохульстве в исламских странах часто используются для устранения религиозных меньшинств и правительственных критиков.

Резолюция о диффамации является ответвлением разногласия определения прав человека исламскими странами. ООН приняла всеобщую декларацию по правам человека в 1948 году, но ОИС приняла свою собственную каирскую декларацию по правам человека в исламе в 1990 году. Декларация по правам человека ООН, например, признает за собой право менять религии, а каирская декларация – нет. Все права в каирской декларации понимаются на основе шариата, который не позволяет перехода из ислама. Доклад Нью-Йорка в 2008 году, основанный Центром исследований, который фокусируется на свободе выражения, утверждает представления каирской декларации - «альтернативную систему прав человека, включающую религиозный язык и многоуровневые исключения, пропуски и оговорки», а также религиозные выступления.

На 38 сессии Совета министров иностранных дел Организации Исламская конференция (ОИК) в Астане, Казахстан государства-члены решили изменить название организации на Организацию Исламского сотрудничества. Несмотря на то, что у Организации появилось новое название и эмблема, знаменательные потрясения в арабском мире, «Палестина» и религиозная «диффамация» продолжают занимать первостепенное значение в повестке дня. Поэтому большое внимание на встрече в Астане было уделено вопросу исламофобии и связанной с ней кампании запрещения религиозной «диффамации».

В своем выступлении Ихсаноглу подтвердил, что это было

«делом чрезвычайной важности для ОИС». «Исламофобия» представляет собой современное проявление расизма и это явление должно рассматриваться в рамках контекста» [16].

Во время встречи в Казахстане, «Обсерватория против Исламофобии» выпустила свой четвертый ежегодный доклад, в котором было указано, что «события, деятельность и высказывания, связанные с исламофобией» увеличились в частоте и интенсивности. В частности, она сослалась на сжигание Корана в маленькой церкви во Флориде во главе с Терри Джонсом [17].

Также отмечалось, что доклад Обсерватории исламофобии имел успех и Совет ООН по правам человека (СПЧ) принял резолюцию на основе консенсуса по «борьбе с нетерпимостью, негативными стереотипами и стигматизации» на основе религии [18]. В докладе говорится, что единогласная резолюция отметила «большой шаг вперед по борьбе с исламофобией и кругом вопросов, относящихся к данной проблеме». Члены ОИС подчеркнули, что принятая резолюция не означает, что с «религиозной диффамацией» покончено, диффамационные тексты, переданные в ООН в предыдущие годы, все еще остаются в силе [Там же].

Что же касается отношений между ОИС и Россией, то на данном этапе развития Организация Исламского Сотрудничества обладает всеми возможностями усилить свой престиж, сплотить своих стран-участниц, укрепить влияние как на международной арене, так и в отдельных регионах. Поэтому неизбежен тот факт, что Российская Федерация, а также представители академического сообщества в будущем будут уделять данной организации должное внимание. По видимости, как бы не развивались отношения между РФ и ОИС, последняя в той или иной степени будет оказывать большое влияние как на политический климат

внутри государства (учитывая количество мусульман, проживающих в РФ), так и на международно-политическое положение дел. Одним из приоритетных направлений России является определение внешнеполитического курса РФ в странах СНГ и Ближнем Востоке, где ОИС играет не самую последнюю роль. Иначе говоря, руководство России следует разработать определенную модель взаимоотношений с данной организацией, которая позволит динамично взаимодействовать с ней и поддерживать необходимые исламские государства, и в то же время не потребует пересмотра государственных границ и отказа от собственных интересов мусульман.

Одним из инициаторов сближения и развития отношений с ОИС является Президент России, который уверен, что такой политический шаг даст возможность создать позитивный имидж РФ среди стран исламского мира, основанный на восприятии РФ как страны, защищающей права всех конфессий, в том числе и мусульманскую, отрицающей исламофобию и не отождествляющей ислам с террористической деятельностью [6].

Кроме Президента развитие отношений между РФ и ОИС поддерживает и Совет муфтиев России, глава которого, Р. Гайнутдин, заявил о том, что «Мы полностью поддерживаем желание Президента страны Владимира Путина о вступлении нашего государства в Организацию Исламская Конференция. Вступление России в ОИК позволит нам не только расширить существующие духовные связи, но и значительно поднять уровень экономического и политического взаимодействия стран, входящих в ОИС. Предложение Владимира Путина о вступлении России в ОИС является примером того, что Президент России видит и предлагает реальные шаги для развития традиционных религий страны». Газета «Татарские новости», в свою очередь, приводит на

своих страницах мнение о том, что членство России в ОИС позволит смягчить позицию общественного мнения мусульманских стран относительно контртеррористической операции в Чечне [Там же].

На саммите в июне 2015 года как сообщил генеральный секретарь Организации исламского сотрудничества Ияд Мадани России и ОИС необходимо наладить взаимодействие для улучшения ситуации в мире. «В будущем будут большие возможности для сотрудничества между Россией и исламским миром не только в одной сфере, в одном направлении и не только с одним государством», — сказал он в ходе заседания Группы стратегического видения «Россия — исламский мир» [13].

По словам Мадани, «необходимо создавать сеть взаимоотношений между Россией и исламским миром, где мы можем работать вместе. Тогда мир будет улучшаться, если Россия и исламский мир смогут увеличить доверие, которое между нами существует, увеличить понимание друг друга и стремится найти способ работать вместе», — отметил он [Там же].

Очевиден и тот факт, что обе точки зрения на перспективы взаимодействия России и Организации исламского сотрудничества имеют под собой весьма веские основания и, более того, являются отражением двух политических направлений, формирующихся как в российском обществе в целом, так и внутри его элиты. Поэтому необходима попытка определения границ эффективного сотрудничества РФ с данной организацией, а также приоритетные направления взаимодействия и их возможные последствия для нашего государства.

В качестве первого направления сотрудничества можно выделить взаимодействие в сфере противодействия радикальным исламским организациям, одной из задач которых является

отделение ряда территорий террористического характера. Российское экспертное сообщество неплохо осведомлено о том, какой богатый опыт накопили мусульманские страны в сфере борьбы с радикальными проявлениями исламизма, способными подорвать государственный строй и престиж государства [7, с. 4]. Установление тесного взаимодействия с ОИС позволит руководству нашей страны более подробно ознакомиться с методами и способами снижения возможности негативного влияния конфессионального фактора на политическое пространство, а также предоставит возможность разработки эффективного механизма противодействия как идеологии чеченского сепаратизма, развивающего свою деятельность под знаменем «ваххабизма», так и проявлениям религиозного экстремизма в тех регионах РФ, где доминируют адепты Ислама.

Необходимо сказать, что результативной борьбе с исламским экстремизмом в России может служить сам факт кооперации между РФ и ОИС, так как данный международный институт осуществляет миротворческую деятельность и следит за миропорядком, который не признается исламскими радикалами. Кроме того, это сотрудничество, может сократить распространение радикальных учений среди российских мусульман и предотвратить расширение сепаратистских движений в регионах нашего государства, населенных адептами Ислама. Депутат Государственной думы РФ Абдул-Вахед Ниязовов заявил в октябре 2003 года о том, что «...Россия снимает весьма болезненный вопрос легитимности своих действий в борьбе с сепаратизмом... Таким образом, сторонники сопротивления лишаются важного козыря. О каком джихаде может идти речь, если с Россией мусульманский мир. И эта поддержка станет более определенной, если Россия вступит в ОИС» [14].

Во-вторых, принятие РФ в состав Организации исламского сотрудничества предоставит шанс России использовать инвестиционные и торговые возможности богатых нефтедобывающих мусульманских стран, которые высказывают интерес в передовых российских технологиях и сельскохозяйственной продукции. Расширение экономических и финансовых связей между РФ и странами-участницами ОИС позволило бы поднять уровень российского производства, создать новые рабочие места и обеспечить, таким образом, условия для подъема российской экономики в целом. Естественно, что в первую очередь экономическое сотрудничество будет развиваться в сфере военной промышленности, а также в сфере ядерной энергетики, где успехи российских ученых и производителей могут легко конкурировать с достижениями их западных коллег.

Таким образом, данное сотрудничество может способствовать укреплению влияния Российской Федерации, а тесное взаимодействие с крупнейшей международной организацией исламского мира позволит восстановить позиции РФ в сфере урегулирования таких региональных споров, как арабо-израильский, индо-пакистанский и т.д. В свою очередь, это может повысить статус нашего государства в ООН и сформировать принципиально новые позиции на переговорах со странами Запада и ведущими западными интернациональными институтами. Этот результат является выгодным и для самой Организации исламского сотрудничества, потому что РФ является постоянным членом Совета Безопасности ООН, членом «большой восьмерки», членом Парламентской ассамблеи Совета Европы и, кроме того, крупнейшей ядерной и космической державой. Укрепление связей России с ОИС способно автоматически поднять престиж последней на международной арене, а также

способствовать формированию более совершенных подходов к решению острых проблем, вставших перед исламским миром в начале третьего тысячелетия.

Библиографический список

1. Левин З.И. Общественная мысль на Востоке. Постколониальный период. М., 1999. С. 114.
2. Моравецкий, В. Функции международной организации. – М;1976. – С. 238
3. Наджип Э.Э. - Международные мусульманские организации. Автореферат. М., 1983. – С. 4-5
4. File of Islamic Summit Conferences and Islamic Conferences of Foreign Ministers. Saudi Press Agency, 1989. P. 17–22.
5. Анкин Л. И приглашают решать косовскую проблему сообща//Коммерсантъ. 21 апреля 1999. С. 17
6. Закирова А. Россия — партнер ОИК // Татарские новости. № 12. 2003.
7. Борисов А.Б. Противодействие исламскому экстремизму. Опыт ближневосточных стран // Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке. М., 1999. С. 4–13
8. ООН и Кашмир. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.1917.com/International/India/1050496464.html>
9. Интервью посла по особым поручениям МИД РФ В. В. Попова. [Электронный ресурс] – URL - http://www.mid.ru/international_organizations/-/asset_publisher/km9HkaXMTium/content/id/502290
10. The OIC Secretary General's letters to the UN Secretary General and the Foreign Ministers of the Members of the Security Council on Iraq. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.oic-un.org/pr/2003/8html>
11. The OIC Secretary General Declares the Organization's Rejection of Military Attack against Iraq. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.oic-un.org/pr/2003/6html>
12. Intergovernmental Group of Experts on the Situation of Muslim Communities and Minorities in non-Member States Holds its Eight Meeting at the OIC Secretariat in Jeddah. [Электронный ресурс] – URL:

- <http://www.oic-un.org/pr/2003/9html>
13. ОИС: России и исламскому миру надо наладить взаимодействие [Электронный ресурс] – URL: <http://ria.ru/world/20150611/1069410314.html>
  14. Восточная станция ожидания. Пять доводов в пользу вступления России в Организацию Исламская Конференция. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rg.ru/2003/10/23/diplomatia.html>
  15. The present Charter of the State Union of the Organization of Islamic Cooperation. [Электронный ресурс] – URL: http://www.oic-oci.org/oicv2/page/?p_id=53&p_ref=27&lan=en
  16. OIC Calls for a Collective Initiative to Combat Islamophobia and Terror. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.islamophobiatoday.com/2010/10/04/oic-calls-for-a-collective-initiative-to-combat-islamophobia-and-terror/>
  17. Пастор Терри Джонс арестован при попытке сжечь 3 тысячи копий Корана. [Электронный ресурс] – URL: <http://ria.ru/world/20130912/962579710.html>
  18. Борьба против диффамации религий в резолюциях ООН. [Электронный ресурс] – URL: http://www.e-vestnik.ru/world/borba_protiv_diffamatsii_3151/?m=print

ИГИЛ и феномен «токсичных государств»

Данная статья посвящена анализу феномена ИГИЛ. В ней автор, рассматривая различные точки зрения на данный феномен, приходит к выводу, что лучше всего помогает раскрыть сущность ИГИЛ (ДАИШ) концепт «токсичные государства», время от времени возникающие в качестве апокалиптической альтернативы современному им миру. Поэтому, как считает автор, недостаточно нанести военное и экономическое поражение ИГИЛ как авангарду международного терроризма – необходимо доказать ложность его идеологии и необоснованность его претензий на создание всемирного халифата.

Ключевые слова: «гибридные войны», ИГИЛ, исламизм, международный терроризм, «токсичные государства», халифат.

This article analyzes the phenomenon of ISIS. The author, considering different points of view on this phenomenon, comes to the conclusion that the concept of "toxic states", which appear from time to time as an apocalyptic alternative to the modern world, helps to reveal the essence of ISIS (Daesh). Therefore, it is not enough to inflict the military and economic defeat to ISIS as the vanguard of international terrorism - it is necessary to prove the falsity of its ideology and the invalidity of its claim to the creation of a worldwide caliphate.

Key words: "hybrid warfare", ISIS, Islamism, international terrorism, "toxic states", caliphate.

О феномене ИГИЛ (ДАИШ)

Что касается ИГИЛ (ДАИШ) как террористической организации, то многие эксперты единодушны во мнении, что она представляет собой террористическую организацию «нового типа», что позволило ей стать «ядром транснационального вооруженного джихадистского движения» [5, с.5], и организаторам которой удалось вывести международный терроризм на качественно более высокий уровень. В качестве особенностей ИГИЛ, отличающих ее от

других террористических организаций, Е.С. Тесленко и Н.Н. Петруилова выделяют:

- 1) значительную скорость распространения ее влияния на территории Сирии, Египта, Ливии и Ирака;
- 2) огромный преступный финансовый оборот по сравнению с другими террористическими организациями;
- 3) отсутствие крупных способных конкурировать с ИГИЛ террористических организаций не только в регионе, но и в мире;
- 4) грамотно организованная информационная интервенция по распространению ее террористической идеологии не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и на страны Европы, Центральной и Юго-Восточной Азии;
- 5) финансовая, политическая и идеологическая поддержка среди мусульман в странах Европы, Центральной Азии и Ближнего Востока;
- 6) значительный масштаб ведения боевых действий и их военное планирование, переход от разовых террористических акций, имеющих целью объявить о себе или запугать население, к крупным ярко выраженным наступательным операциям;
- 7) создание своей медиаструктуры (интернет-ресурсы, телевидение, пресса), деятельность которой направлена на формирование положительных образов терроризма и оправдание своих действий;
- 8) интернациональный террористический характер организации с идеологией терроризма как информационного оружия;
- 8) отсутствие желания идти на диалог с официальными властями и продолжение активных действий по достижению своих исключительных и враждебных действий;
- 9) осуществление массированных психологических операций по вербовке и внедрению «халифатной идеологии» в сознание мо-

лодежи, причем не только мусульманской, через использование СМИ и социальных сетей [13, с.36].

Впечатляют и успехи организации. Она даже после успехов сирийских правительственных войск и их союзников и международной антиигиловской коалиции контролирует обширные территории не только в Ираке и Сирии, но также в Египте (Синайский полуостров) и Ливии, ее вилайаты созданы в Алжире, Тунисе, Нигерии, Йемене, Афганистане, Пакистане, Грузии... ИГИЛ располагает десятками тысяч прекрасно вооруженных боевиков. На верность ей присягнуло 34 террористических группировки. Опираясь на данные Миссии ООН по оказанию содействию Ираку, Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун назвал ее «самой богатой террористической организацией», которая только от продажи нефти и нефтепродуктов, производимых на контролируемых ею территориях за 2015 год получила 500 млн. дол. Плюс 1 миллиард долларов из захваченных банков, столько же от «налога» с владельцев грузовиков, едущих по территории ИГИЛ [2]. Это не считая сотен миллионов долларов доходов от криминальной деятельности и налогов, которые должно платить население, контролируемых ИГИЛ территорий. Предполагалось даже введение собственной золотой и серебряной валюты [5, с.54-80]. Создан ряд медиаструктур («Аль-Фуркан», «Аль-Итисам», «Аль-Хайат», «Аль-Баян» и др.), выпускающих огромное количество информационной продукции, направленной на распространение их экстремистской идеологии по всему миру [5, с.30-37]. В силу чего ряд стран, в том числе и Россия, признав ИГИЛ в качестве террористического государства, начали против ее террористов военные действия, которые ведутся до сих пор.

Правда, стремясь раскрыть феномен ИГИЛ (ДАИШ), эксперты создают довольно противоречивую картину. С одной стороны,

ДАИШ понимается как террористический ответ исламского мира на «американский глобалистский гибридный террор, прикрываемый лозунгами о свободе и демократии» [8]. Другие видят в нем орудие геополитической экспансии Запада, пытающегося достичь глобального доминирования и ослабления своих геополитических противников через создание «управляемого хаоса», а ИГИЛ здесь является важнейшим инструментом [5, с.8-16; 12]. Третьи оценивают ДАИШ как террористическо-криминальную военизированную организацию, мало что имеющую общего с настоящим исламом и играющую свою игру, взаимодействуя с иностранными спецслужбами [6]. Четвертые в качестве базового отличия ИГИЛ отмечают превращение этой террористической организации в террористическое квазигосударство (с подданными, военно-гражданской администрацией, налогообложением, социальной инфраструктурой и др. признаками государственности) с претензией на теократическую альтернативность [3,4]...

Данные противоречия попыталась преодолеть группа ученых из Института международных исследований МГИМО МИД РФ под руководством А.А. Орлова, которая предприняла попытку междисциплинарного анализа такого сложного феномена современной реальности, каким является «Исламское государство» (ИГ) и обозначить его перспективы. Проанализировав становление, структуру, идейно-пропагандистскую практику, финансово-экономические основы существования «Исламского государства», рабочая группа в своем докладе ««Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы» охарактеризовала ИГИЛ как «весьма гибкую, относительно жизнеспособную и быстро восстанавливающуюся в критических условиях структуру, имеющую горизонтально-сетевую конструкцию» [1, с.15], использующую для обоснования легитимности своего господства на контролируемых тер-

риториях идею «халифата» - идеальной, согласно исламской суннитской теологии, модели государства, управляемого прямым потомком Пророка на основе шариата. Причем воссоздание «халифата», которое совершается усилиями джихадистов, может осуществляться не только посредством «мягкой силы», но и, используя насилие по отношению к «неверным», что дает основание идентифицировать ИГ как террористическое государство. Скорее всего, исходя из кочевого образа жизни, присущего арабам при Мухаммеде и «праведных халифах», нынешние «воссоздатели» халифата также не придерживаются принципа территориальной целостности, предпочитая ему контроль над важнейшими объектами, коммуникациями и лояльность подданных (вспомним этимологию этого слова, производного от слова «дань»), что позволяет им совершать экспансию по Ближнему Востоку и даже за его пределы.

К тому же, отмечают авторы доклада, питательную среду для выживания «Исламского государства» создает сохранение на Ближнем Востоке клубка противоречий и множества политических, этно-конфессиональных, социально-экономических проблем, которые способствовали расцвету исламизма в начале XXI века. На фоне исламизации региона происходит углубление расколов по конфессиональной, расовой, этнической, племенной и иным линиям, как на национальном, так и на субрегиональном и региональном уровнях [1, с.38]. Что, по мнению ученых, создает благоприятные условия для дестабилизации региона и переноса активности ИГ в Афганистан, Центральную Азию и другие регионы, где проживают мусульмане, которые вследствие глобализации значительно расширили ареал своего присутствия. Увеличивая, таким образом, зону военно-политической турбулентности, которой традиционно является Ближний Восток, где десятилетиями

ведутся т.н. «гибридные войны», до глобальных масштабов.

О феномене «токсичной государственности» и ИГИЛ

Поднимая тему турбулентности современного миропорядка, мы просто обязаны посмотреть на феномен ИГИЛ (ДАИШ) еще и со стороны его «токсичности» по отношению к миру Модернити с его индустриальным обществом, демократическими институтами, рациональной бюрократией и национальными государствами. Используя данный термин А.И. Неклесса в характерной для него сложной манере применил его для характеристики ДАИШ, ЛДНР и других «горячих площадок сомализации современности», которые не только убивают современный мир «токсичными ядами органической архаики», но и бросают ему вызов, подобно тому как это делали предшествующие им строители очередного «Небесного Вавилона» - от анабаптистов и ихэтуаней до коммунистов...То есть, убивая старый мир, «токсичные политии» создают условия и для рождения на руинах старого мира мира нового, который может сменить мир, созданный Эпохой Просвещения. Правда, вначале этот «новый мир» обретает форму «страшного суда» и реального воплощения Ада, в который погружается охваченное эсхатологической войной человечество...И «гибридные» («перманентные») войны, которые становятся характерной чертой XXI века, ведущиеся с целью дезорганизации и деградации геополитических противников или определенных территорий при реализации концепции «управляемого хаоса», являются мощнейшим инструментом деконструкции мира Модернити.

В своей работе «Небесный Вавилон. Гибридный мир и сирийская комбинаторика» А.И. Неклесса приводит следующие характерные черты современных «токсичных государств», в роли кото-

рых чаще всего предстают постколониальные или постимперские лимитрофы, воплощая «травматическую инклюзию в современном тексте»:

- зыбкие, подвижные границы контролируемых территорий, инволюция к этно/конфессионально ориентированным городам-государствам и дробящимся сообществам;

- социальная деградация и неоархаизация, культурная инверсия и цивилизационная эклектика, аксиологический кризис;

- уничтожение «неправильного» культурного наследия;

- использование элементов захваченной государственной инфраструктуры, оборудования, технологий, бюрократического аппарата, баз данных, финансовых и производственных активов;

трофейная экономика как основа жизнедеятельности, логистическая всеядность, коррупция;

- перманентное ведение иррегулярных боевых действий различной интенсивности при несоблюдении законов войны и неразборчивости в отношении атакуемых целей и применяемых средств, в том числе и с потенциальным катастрофическим результатом в виде труднопрогнозируемых событий, имеющих значительные последствия (т.н. «черные лебеди»);

- политическое и вооруженное противоборство конфликтующих полевых командиров;

- участие несовершеннолетних в военизированных подразделениях;

- казни военнопленных, заложничество;

- фундаменталистское/постмодернистское прочтение традиции/конфессии, парадоксальный идеологический футуризм, религиозный утопизм;

- антропологический пылесос, действующий как вовне, так и внутри территорий, аккумулируя представителей специфических

сообществ и психологических типов (фанатизм, идеализм, инфантилизм, адреналиновая зависимость, асоциальные наклонности), экспортируя в реверсном режиме социальный травматизм;

- гендерные эксцессы;

- криминализация, контрабанда, контрафакт, наркотрафик, торговля людьми и оружием;

- различного рода рестрикции, системное нарушение прав человека, замещение в социальном регулировании конвенции насилем;

- психологическая и санитарно-эпидемиологическая дестабилизация;

- массовые потоки беженцев и переселенцев [9, с.101-102].

ДАИШ, чей феномен А.И. Неклесса характеризует как «синтез геополитического стресса, геоэкономических возможностей и геокультурного футуризма» [9, с.98], идеальным образом воплощает все эти признаки.

Прежде всего, ИГИЛ представляет собой идеальное воплощение государства, созданного с целью ведения перманентной гибридной войны в интересах США и их ближневосточных союзников (Израиля, Саудовской Аравии, Катара, Турции) против своих геополитических противников, как в регионе (Сирия, Иран), так и на глобальном уровне (Китай и Россия) [5; 12]. Правда, иностранные создатели и кураторы «проекта ИГИЛ», скорее всего, не учли потенциала идей халифата, который в условиях глобализации, быстро преодолел заявленные в названии географические рамки Ирака и Леванта (Сирии) и стал расширяться не только в региональном, но и в глобальном масштабе. Об этом свидетельствует военизированный характер этого террористического квазигосударства с претензией на теократию, где все подчинено главной цели – воссозданию халифата и борьбе с его врагами, как внешними,

так и внутренними. Внешний враг – «Запад, Израиль, шиизм и арабские правящие режимы». Внутренний – «нетвердый» мусульманин, зараженный вирусом секуляризма, угрожающего самой природе веры. Придавая исламу кровавый имидж, лидеры ИГИЛ стараются запугать европейцев, разжечь антимусульманский психоз и «приватизировать» ислам для манипулирования им в своих целях. Из «халифата» непрерывно следуют запелляционные заявления о грядущей победе ислама над Европой и США, о скором приходе «гегемонии над всей планетой» [1, с.18].... Борьба ведется как вооруженным путем, так и пропагандой, что соответствует принципам ведения «гибридных войн». Можно сказать, что «Голем» восстал на своего создателя, включившись в «гибридную войну» против него...

Система управления ИГИЛ представляет собой централизованную иерархическую организационную структуру с 4 уровнями управления: Аль-Имара во главе с халифом, советы, провинции (вилайаты) и их сектора, призванные выполнять функции мини-халифатов, что позволяет довольно эффективно контролировать захваченные территории Ирака и Сирии (Леванта) [5, с.45]. Правда за пределами Ирака и Леванта территория Исламского государства представляет собой своеобразную «леопардовую шкуру» с очагами контроля отдельных территорий коллапсирующих государств Ближнего Востока, Африки и Центральной и Южной Азии со стороны полевых командиров, принесших присягу на верность ИГ. Население этих территорий платит налоги новым властям, мобилизуется на войну или на «сексуальный джихад», вовлекается в «серые» и «криминальные» схемы экономики «черных дыр», в которые проваливаются новые «вилайаты».

Исламисты ведут боевые действия против «неверных», параллельно захватывая трофеи в виде предприятий, контрольно-

пропускных пунктов, объектов недвижимости, банков, имущества «неверных», обращения их в рабов и т.п., что составляет основу «трофейной экономики» ИГИЛ.

На захваченных территориях происходит деградация институтов, рожденных эпохой модерна, уничтожается «неправильное» культурное наследие не только античной и христианской цивилизаций, но и тех течений ислама, которые руководством ИГИЛ объявляются еретическими. За что многие богословы отрицают истинность «халифата» [10], который пытаются создать лидеры ИГИЛ, а ряд культурологов и философов [11] даже относят ИГ не к традиционалистам, а к тем, кто осуществляют постмодернистскую деконструкцию модерни и традиционного ислама, расчищая место для нового социума, но его члены вряд ли будут частью постиндустриальной цивилизации – скорее всего, они станут носителями неоархаики «с полевыми командирами, трофейной экономикой, отмеченные стигматами культуры смерти» [9, с.92]. Ведь на территориях контролируемых ИГ вместо обучения в школе детей учат искусству войны, а для проведения терактов активно используются женщины-шахидки. Через массированную пропаганду в джихадизм вовлекаются десятки тысяч сторонников по всему миру – в том числе и за счет неофитов, привлекаемых брутальными образами бескомпромиссных «борцов за ислам», создаваемыми джихадистскими пропагандистами. Для насаждения исламистской идеологии и подавления сопротивления регулярно проводятся казни военнопленных. И как итог – миллионы беженцев, которые заполнили Европу.

Задумываясь об историческом значении токсичных политик, включая и феномен Исламского государства, А.И. Неклесса задается вопросом: «Являются ли эти бредущие сквозь времена и страны призраки реликтами архаичного прошлого, или же они

приметы апокалиптического будущего» [9, с.105]?

И хотя он не дает на него четкого ответа, ограничиваясь общими размышлениями типа: «Трансформации чреватые как рождением нового порядка, так и общей деструкцией» [9, с.105].

Тем не менее, из перспектив существования ИГИЛ как «токсичного государства» можно сделать следующие выводы:

1. Признать кризис современного миропорядка и недопустимость его преодоления через неолиберальный экспансионизм, провоцирующий западные страны на асимметричный ответ в виде международного терроризма.

2. Осознать существенную разницу между исламом как традиционной религией, много что давшей миру, и исламизмом, воспитывающим бездумных фанатиков, способных беспрекословно убивать незащищенных людей, который нередко используют враждебные исламу силы. О чем неоднократно заявляли ведущие исламские богословы, не признающие создаваемый ДАИШ «халифат».

3. Совершенствовать систему международных институтов защиты прав человека – в том числе и в условиях «гибридных войн», сопровождающихся деградацией государств, крахом экономик и гуманитарными катастрофами. Как мы видим по ситуации на Ближнем Востоке, существующие международные институты при ООН со своими задачами не справляются.

4. Объединить усилия международного сообщества по борьбе с международным терроризмом в лице его авангарда – ДАИШ, нанеся ему не только военное поражение, но и блокировав его финансовую и информационную поддержку, как и пополнение террористических бандформирований новыми людьми.

5. Признать, что для противодействия терроризму и экстремизму недостаточно действий силовых структур. Необходимо за-

действовать и ресурсный потенциал здоровых сил общества подобно тому, как это было в Дагестане в 1999 г. и опыт курдской пешмерги по организации отпора террористическим бандформированиям. А чтобы молодежь не становилась поставщиком террористических «кадров» с ней нужно вести работу по формированию антиэкстремистских установок, не допуская при этом перекосов в сторону излишнего пацифизма, готовя ее в случае необходимости на защиту Родины.

Библиографический список

1. Аналитические доклады: Приложение к периодическому изданию «Ежегодник ИМИ». – 2016. – Вып.1(45) Тема: ««Исламское государство»: феномен, эволюция, перспективы». – 43 с.
2. Генсек ООН: на верность ИГ в разных частях света присягнули 34 группировки // ТАСС. – 2016. – 06 февр. – URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2644823> (дата обращения: 27.03. 2017)
3. Денильханов И. Почему ИГИЛ – государство, а не террористическая группировка / И. Денильханов // Кавполит: Блог Исмаила Денильханова. – 2015. – 10 июня. – URL: <http://kavpolit.com/blogs/denilkhanov/16178/> (дата обращения: 28.03. 2017)
4. ИГИЛ. Зловещая тень халифата / [сост. А. Кемаль]. – М.: Алгоритм, 2015. – 224 с.
5. ИГИЛ как угроза международной безопасности / [ред. А.В. Глазова]. – М.: РИСИ, 2015. – 188 с.
6. Керимов С. ИГИЛ – ничего святого, ничего человеческого. Только бизнес / С. Керимов // Turkish Forum: Мир Турецкой Коалиции. – 2015. – 26 окт. – URL:<http://www.turkishtimes.com/ru/content/tag/%D0%98%D0%93%D0%98%D0%9B/> (дата обращения: 27.03. 2017)
7. Кузнецов В. А. ИГ – альтернативная государственность? Чем объясняется притягательность радикалов для жителей арабского

Востока / В.А. Кузнецов // Россия в глобальной политике. – 2015. – №5.
– URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/IG--alternativnaya-gosudarstvennost-17739> (дата обращения: 28.03. 2017).

8. Лепехин В. Международный терроризм как реакция на экспансию Запада / В. Лепехин // РИА «Новости». – 2016. – 19 янв. – URL: <https://ria.ru/analytics/20160119/1361804539.html> (дата обращения: 27.03. 2017)

9. Неклесса А. «Небесный Вавилон». Гибридный мир и сирийская комбинаторика / А. Неклесса // Полис. – 2016. – №3. – С. 92-107.

10. Рамаянов Г. Мнение улемов: у террористов ИГ – черные знамена вероотступников / Г. Рамаянов // Notum.Info. – 2015. – 28 сент. – URL:<http://www.notum.info/news/politika/mnenie-ulemov-u-terroristov-ig-chernyye-znamena-verootstupnikov> (дата обращения: 29.03.2017)

11. Резниченко С. Исламизм как постмодернизм / С. Резниченко // Агентство политических новостей. – 2015. – 27 окт. – URL: <http://www.apn.ru/publications/article34233.htm> (дата обращения: 29.03.2017)

12. Сирийский кризис как этап процесса реформирования Большого Ближнего Востока (круглый стол) // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2015. - №5. – С.8-60.

13. Тесленко Е.С. Феномен «ИГИЛ» / Е.С. Тесленко, Н.Н. Петруилова // Виктимология. – 2015. - №1(3). – С.34-39.

К вопросу общих тенденций миграционных процессов из стран Западной Африки в Европу

В статье рассматриваются основные тенденции современной миграции из стран Западной Африки в Европу. Автор, на основании анализа литературы, выделяет следующие тенденции: омоложение, феминизация, повышение образовательного уровня мигрантов, нежелание части мигрантов интегрироваться в культурное сообщество стран-реципиентов, стремление африканцев мигрировать в страну – бывшую метрополию, несовершенство миграционного законодательства. Автор делает вывод, что несмотря на актуальность изучения вопросов миграции, в трудах исследователей не представлена целостная картина социально-экономических причин, основных тенденций и последствий миграции из стран Западной Африки в Европу.

Ключевые слова: регион, миграция, трудовая миграция, миграционное законодательство, этнические анклавы, ассимиляция мигрантов.

Характеризуя миграционные процессы из стран Западной Африки в Европу нельзя не остановиться на особенностях миграции в 21 веке, по сравнению с веком прошедшим. А.В. Юрин выделяет следующие особенности:

- глобальный характер миграции;
- не только перемещение рабочей силы из развивающихся стран в более развитые, но и, наоборот, «встречный миграционный процесс: перемещение иностранной рабочей силы из более развитых в менее развитые страны» [5];
- доминирование экономических мотивов миграции;
- влияние на миграцию международного разделения труда и деятельности транснациональных компаний;
- увеличение нелегальной миграции рабочей силы;

- все более активное вмешательство государства в процесс миграции [5].

Также автор выделяет одну особенность современной миграции, которая имеет важное значение для нашего исследования. А.В. Юрин подчеркивает, что страны – бывшие метрополии в притоке рабочей силы ориентируются на страны, которые являлись их бывшими колониями [5]. И, наоборот, мигранты из бывших колоний, скорее всего, поедут в страну-бывшую метрополию в силу знания языка, устоявшихся экономических и культурных связей, а также в силу лояльности законодательства стран-бывших метрополий по отношению к выходцам из колоний.

Что касается миграции в страны Европы, то, получив вид на жительство в одной из стран, официальные мигранты могут по факту проживать и работать в соседних государствах или переезжать из страны в страну в поисках лучшей доли.

За последние 50 лет количество мигрантов в страны Европы постепенно увеличивается [5]. Несмотря на то, что ЕС готов принимать мигрантов, но на первый план выходит задача привлечения мигрантов по определенным экономическим и демографическим показателям. возможно, в современных условиях миграционного кризиса, будет иметь значение и религиозный показатель.

Однако среди мигрантов из Западной Африки неграмотные составляют лишь 13% от общего числа эмигрантов, трудовые мигранты из Западной Африки имеют достаточно высокий уровень образования не только по сравнению со своими соотечественниками, но и с европейцами [1]. Африканцы быстрыми темпами повышают уровень образования и становятся востребованными на европейском экономическом рынке. Поскольку уровень зарплаты мигрантов значительно ниже зарплат европейцев с аналогичными профессиональными и образовательными параметрами, то

работодатели часто делают выбор в пользу образованных мигрантов.

Общее повышение образовательного уровня африканцев является одним из факторов, ускоряющих вовлечение населения в миграционные потоки. Поэтому характерной чертой миграции из стран Западной Африки в Европу сегодня является «утечка мозгов», что негативно сказывается на развитии стран региона. «Утечка мозгов» из Африки увеличивалась по мере роста числа специалистов с высшим образованием, не нашедших работу в своей стране.

По оценкам ЮНКТАД, среднегодовое число высококвалифицированных мигрантов, выезжавших из Африки, в 1960-1974 гг. составляло 1800, в 1975-1984 гг. – 4400, в 1985-1987 гг. – 23000, в 1990-1995 – 28 000, а в 1996-2010 – более 35 000 человек [1]. Отъезд высококвалифицированных специалистов является значимой потерей для государств Западной Африки. И.Абрамова считает, что «сегодня страны Африки по существу дополнительно субсидируют развитие и без того богатых западных стран, избавляя их от дорогостоящей подготовки национальных кадров в тех объемах, которые им необходимы. Учитывая возрастающий масштаб утечки мозгов в ряде африканских стран и негативный эффект в связи с отъездом высококвалифицированных кадров, страны назначения должны, видимо, сотрудничать со странами-источниками миграции с целью поиска оптимального решения данной проблемы» [1].

Нельзя не учитывать такую составляющую африканской миграции как отъезд молодежи на учебу в страны Европы и Америки. Причем, четвертая часть мигрантов-африканцев в возрасте 20 – 25 лет назвали стремление продолжить образование главной причиной переезда [1].

Феминизация миграции также является одной из основных ее тенденций. Ученые отмечают, что «среди африканок, относящихся к категории трудовых мигрантов, становится все больше высококвалифицированных специалистов со средним и высшим образованием» [1]. Однако мужчин-мигрантов по-прежнему больше, чем женщин. Что интересно, «среди иммигрантов из Западной Африки в Европе больше представителей мужского пола, чем среди населения страны пребывания; больше женатых/замужних; больше лиц, получивших полное законченное среднее образование или высшее профессиональное образование» [1].

На развитии стран-реципиентов положительно сказывается молодой состав мигрантов, поскольку это оптимизирует структуру трудовых ресурсов, способствует увеличению темпов прироста населения, снижает «бремя пенсионной системы государства», «а преобладание сравнительно дешевого труда позволяет сделать конкурентоспособными трудоемкие отрасли» [1].

Однако существуют и отрицательные моменты и последствия современной миграции. Характерной чертой миграции является увеличение количества нелегальных мигрантов, что влечет за собой массу социально-экономических проблем.

Особенно проблемными являются мигранты, не стремящиеся ассимилироваться в странах Западной Европы, создающие культурные и этнические анклав, являющиеся закрытыми образованиями.

И.Абрамова в связи с этим пишет: «Этнические анклав выходцев из африканских стран (в первую очередь это касается мусульман) интегрировались в общественную, политическую и экономическую структуру стран-реципиентов как замкнутые образования, не ассимилируясь в ней, но **претендуя на все социальные услуги**. Кроме того, эти анклав часто выступали опорой для

формирования и развития криминальных структур, теневой экономики и, в некоторых случаях, террористической деятельности. Все это привело к обострению межэтнических конфликтов в странах-реципиентах» [1].

Что касается миграционного законодательства, то выяснить некоторые его тенденции в странах Западной Африки представляется нам весьма проблематичным. В большинстве своем оно имеет отношение к проблемам внутренней миграции в рамках региона и никак не определяет и не регулирует выезд из страны, особенно в страну – бывшую метрополию [6].

На потоки миграции в большей степени влияет законодательство стран-реципиентов, в данном случае, стран Западной Европы. Интересным в этой связи является законодательство Франции, которая является одним из лидеров иммиграции в Западной Европе.

Например, Закон от 10 декабря 2003 года о внесении поправок в закон № 52-893 от 25 июля 1952 года содержит указание на список безопасных стран (*pays d'origine sûrs*) при решении вопросов беженства и легальной миграции [3]. В соответствии с законом такими государствами являются те страны, в которых соблюдаются принципы свободы, демократии, в которых существует верховенство прав и свобод человека.

На сегодняшний день в этом списке всего 15 стран, 5 из которых находятся в Западной Африке и являются бывшими колониями Франции. Это: Бенин, Кабо-Верде, Гана, Сенегал, Маврикий [3].

Многие авторы отмечают, что подвижность миграционных процессов в странах Западной Африки и стремительные изменения обусловлены политической ситуацией в странах Западной Африки. Если политическая ситуация улучшается и в государствах обстановка стабилизируется, то, несмотря на экономические про-

блемы, многие, покинувшие свою страну, возвращаются на прежнее место жительства. Примером могут служить Мали, Бенин и др. государства региона [2].

Таким образом, А.В. Юрин делает вывод, что «миграционному потоку в ЕС соответствуют следующие качественные характеристики:

- в целом мигранты моложе, чем местные граждане, т.к. большая часть иммигрантов прибывают в ЕС для того, чтобы найти работу. Если самодеятельное население составляет $\frac{2}{3}$ от всей численности населения ЕС, то по отношению к иностранным жителям этот показатель составит 75%-80%;

- число лиц мужского пола среди мигрантов больше чем у местного населения;

- мигранты, как правило, сконцентрированы в больших городах, лишь очень незначительное число иммигрантов проживают в сельской местности;

- средний профессиональный уровень мигрантов, ниже уровня местного населения. К тому же, в большинстве стран-импортеров профессиональные навыки мигрантов значительно ниже уровня навыков местного населения;

- негативные эффекты безработицы больше сказываются на мигрантах, нежели на местных жителях» [5].

Анализ региональных проблем социально-экономического развития стран Западной Африки в качестве причин миграции в Европу позволяет расширить научное понимание как самого процесса регионального социально-экономического развития, так и особенностей этого процесса, определяемых внешними и внутренними факторами.

Однако, несмотря на актуальность изучения вопросов миграции, в трудах исследователей не представлена целостная картина

социально-экономических причин, основных тенденций и последствий миграции из стран Западной Африки в Европу.

Библиографический список

1. Абрамова И. Африканская миграция в Европу: уроки для России. [Электронный ресурс] . - URL: http://www.inafran.ru/sites/default/files/page_file/afrikancy_v_rossii_brak.pdf 4 www.unfpa.org/modules/briefkit/English/ch05.html 5 www.worldbank.org (дата обращения 14. 01.2016г.)
2. Дикко Э.Т.М. Миграционные процессы в Западной Африке на примере Мали. [Электронный ресурс] . - URL: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=2761> (дата обращения 17. 01.2016г.)
3. Закон о праве на убежище. [Электронный ресурс] . - URL: http://www.legislation.cnav.fr/textes/loi/TLR-LOI_52893_25071952.htm
4. Некоторые проблемы современной африканистики. По материалам XI Международной конференции института Африки РАН «Развитие Африки: Возможности и препятствия» (22–24 мая 2008 г.). - Электронный ресурс. - Режим доступа: <http://studik.net/nekotorye-problemy-sovremennoj-afrikanistiki-po-materialam-xi-mezhdunarodnoj-konferencii-instituta-afriki-ran-razvitie-afriki-vozmozhnosti-i-prepyatstviya-22-24-maya-2008-g/> (Дата обращения 01.07.2015г.)
5. Юрин А.В. Миграционные процессы в странах ЕС и пути их регулирования. Автореферат на соискание ученой степени канд. экономических наук. – М., 2010. – С.20 – 21. Режим доступа: <http://isprras.ru/pics/File/avtoref-11/Yurin.pdf> (дата обращения 16.01.2016)
6. Bossard L. Development local et integration regional. URL <http://www.oecd.org/fr/csao/publications/38415548.pdf>

Рейтинг несостоявшихся государств как инструмент информационного воздействия

В статье рассматривается рейтинг несостоявшихся государств в качестве инструмента информационной войны.

Ключевые слова: несостоявшиеся государства, «Фонд за мир», Россия, информационная война.

The article deals with the index “the Fragile States” as a tool of an information war.

Key words: fragile states, The Fund for Peace, Russia, information war.

Сегодня на карте мира существуют более двухсот государств. И каждое из них в большей или меньшей степени соответствует определенным стандартам. Благодаря открытости информации мы можем узнать о политических, социальных, культурных условиях в стране, а также сравнить страны по различным показателям и определить, в каких из них жизнь наиболее благоприятна, стабильна, спокойна.

В политической науке тема состоятельности государств изучается достаточно давно. Кстати, преимущественно, это удел западных исследователей. Хотя нет общепринятого определения «несостоявшегося государства», однако существуют некоторые рейтинги, которые оценивают государства по своим определенным критериям. Такие индексы публикуются: институтами (Brookings Institution Index of State Weakness in Developing World, George Mason University Researchers' State Fragility Index), государственными учреждениями (US Department of State Foreign Assistance Framework Rebuilding Countries), международными организация-

ми (World Bank Fragile States List), негосударственными организациями (Fund for Peace Failed State Index). К сожалению, сегодня публикует ежегодные отчеты и подробно описывает первые государства в списке «несостоявшихся» только американский аналитический центр «Фонд за мир» (The Fund for Peace. The Fragile States Index) [1]. На его рейтинг опирается большинство политических экспертов, а также Организация объединенных наций. Хотя часто правительства стран, попадающих в первые строки данного рейтинга, упрекают Фонд в политической ангажированности.

Данное агентство публикует свой доклад спустя 3 – 4 месяца после анализируемого года. В последнем рейтинге 2015 года, в котором даётся оценка состоятельности государств по истечению 2014 года, были рассмотрены 178 стран [2]. Всего 12 критериев, которые оцениваются по десятибалльной шкале. Чем хуже обстоит дело, тем выше оценка, т.е. государство, занимающее первое место в списке, является наиболее неустойчивым, худшим для жизни. Для наглядности: первые места занимают Южный Судан и Сомали, последнее место за Финляндией. Индекс оценивает проблемы, с которыми сталкиваются национальные государства на основе социальных, экономических и политических показателей, таких как: демографическое давление; массовые потоки беженцев; наличие групп, стремящихся к мести или восстановлению исторической справедливости; устойчивый отток населения; неравномерное экономическое развитие; бедность и резкий экономический упадок; легитимность государства; снижение уровня предоставляемых государством услуг; нарушение прав человека и верховенства закона; силовые структуры; рост раздробленности среди правящих элит; риски внешнего вмешательства [3, С.17]. Западные специалисты, участвующие в составлении индекса, описывают подробнее данные критерии и разъясняют свой выбор стран в качестве несо-

стоявшихся в дополнительной к рейтингу брошюре [3].

В целом, «несостоявшимся государством» называют политику, которая утратила свои основные функции, не может контролировать свою территорию, сохранять правопорядок, обеспечивать устойчивое социальное положение граждан. Внутри происходит сложный процесс фрагментации государственных институтов [4].

Однако в наши дни данный термин изменяет свои границы и характеристики. «Несостоявшееся государство» становится неким клеймом, которое используется в качестве одного из средств ведения агрессивной внешней политики по отношению к своим оппонентам. Одной из форм такой политики сегодня является информационная война.

Конечно, в век информационных технологий мир развивается невероятными темпами. Информационные агентства сначала публикуют информацию, а затем, чаще всего уже другие агентства, опровергают её. Но как за всем уследить, и как не потерять своё лицо на мировой арене?

Этим вопросом задаются давно в разных частях мира. Постоянно профессионалами в области информационной войны разрабатываются правила ее ведения и способы победы в информационном пространстве. Главное оружие здесь – это интерпретация информации в выгодном для себя ключе. Вопрос о правдивости информации отпадает автоматически. Здесь всё решает то, как источник преподносит данные, и от этого уже зависит, как воспримут окружающие это психологическое воздействие. Соответственно, если представляются данные каким-либо информационным агентством, то нужно предоставить определенные доказательства. И тут возникает ещё одна тенденция – создание доказательств. Сразу всплывает ассоциация со скандальной пробиркой американского государственного секретаря Колина Пауэлла, которую он

продемонстрировал на заседании Совета Безопасности ООН в феврале 2003 года (за месяц до вторжения США в Ирак) в качестве доказательства, что Ирак активно создаёт биологическое оружие [5]. Таким образом, создаётся постоянно функционирующая система, именно постоянно, так как если процесс остановить, то обман раскроется, и вся работа была просто зря проделана.

Именно СМИ являются главным поставщиком информационных сообщений о совершенно разных событиях и положениях дел в регионах мира. Если сейчас посмотреть на сообщения мировых информационных агентств, то помимо локальных стихийных бедствий и войн определенную часть эфира будут занимать политические события и отношения между ключевыми игроками на мировой арене. В связи с постоянным идеологическим соперничеством США и России, экономическим – Китая и США, противоречий из-за кризиса в Украине и антитеррористической операции в Сирии данными участниками будут являться Россия, США, Китай, Европейский союз. Следовательно, за внешне- и внутривосточными событиями, связанными с этими регионами, будет следить всё мировое сообщество. Один проступок власти может привести к агрессии со стороны противников. И каждый из игроков ждёт промаха своего оппонента.

Психологическая обработка всего мира доходит до невероятных результатов. И так уж вышло, что проигрыш в информационной войне – это победа в качестве «несостоявшегося государства». Что же следует за отступлением от «информационного» фронта? Если обобщить ответ, то он будет прост: утрата своего положения на мировой арене, потеря своих позиций. Страну-аутсайдера стараются представить в худшем свете, то есть описываются в соответствующем контексте все сферы жизни: политическая, экономическая, социальная, культурная. Конкретно это может выглядеть с

помощью следующих характеристик: страна имеет низкий уровень демократизации общества, высокий уровень социальной нестабильности, постоянное ухудшение темпов роста экономики, застой в политической сфере. Эти обвинения можно услышать практически от любой страны в адрес её противника. Таким образом, проигравшей стране помимо действительно имеющихся проблем приписываются дополнительные. И уже свою позицию она определенно теряет, присоединяясь к более отсталым игрокам.

Данную тенденцию раньше можно было хорошо проследить по передовым странам Ближнего и Среднего Востока. Сценарий примерно следующий: слаборазвитая страна обладает ресурсами, в то время как развитые страны лишены природных богатств. Они стремятся установить лояльную им власть в слабых, нестабильных регионах, происходит внутреннее сопротивление несогласных, в итоге нарастание конфликтности в регионе, а самое худшее её проявление – гражданская война. Развитые государства под флагом урегулирования беспорядков военным путем наводят свой порядок в стране, тем самым обеспечивая себе контроль над ресурсами. Итог для проигравшей страны – присоединение её к списку «несостоявшихся», установление над ней контроля. Здесь можно привести конкретные примеры последствий проигрыша в такой войне. Один из, пожалуй, наиболее часто упоминаемых примеров – это проигрыш Ирака, на который оказали существенное воздействие американские действия в информационном поле. А именно это «информационно-психологические операции» в Ираке [6], когда Министерство обороны призывало частных лиц за определенную сумму создавать новости, политические материалы, рекламу для иракских СМИ, чтобы склонить местное население на сторону США, а также уже упомянутая пробирка Госсекретаря с химиче-

ским оружием [5]. Что теперь представляет собой Ирак, известно всем. Кстати, он занимает 12 место в последнем рейтинге «несостоявшихся государств» [2]. Другой пример – это свержение С. Милошевича в Сербии, итогом которого стала кровавая гражданская война и отделение части территории страны. Этот список можно продолжать достаточно долго.

Но такой вариант событий легко провести в странах, где действительно существовали проблемы, а власть пыталась открититься от помощи из вне. Какой же сценарий подходит для более экономически развитых стран, например, с развивающейся экономикой? В этот список в качестве типичных представителей можно внести страны постсоветского пространства. Они неизменно занимают середину рейтинговых агентств в списке «несостоявшихся государств» и характеризуются как страны с повышенным уровнем опасности, уровень «Предостерегающий». Именно «наведение порядка» в этом регионе является следующей задачей развитых стран. Здесь уместно вспомнить главного координатора внешней политики США Збигнева Бжезинского: «Тот, кто правит Восточной Европой, владеет Сердцем земли; Тот, кто правит Сердцем земли, владеет Мировым Островом (Евразией); Тот, кто правит Мировым Островом, владеет миром» [7]. Следовательно, своих притязаний на данную территорию мировые державы даже не скрывают. Но загвоздка лишь в том, что Россия считает себя покровителем региона, и она не собирается отступать от текущей позиции. З. Бжезинский называет Россию «чёрной дырой», так как после распада СССР Россия со своей огромной территорией стала пристанищем преступности, антидемократии, коррупции, позорным пятном Евразии. Данная книга написана в 1997 году, однако мнение американской элиты вовсе не поменялось. З. Бжезинский по-прежнему популярно цитируется. А планы США, как видимо,

выполняются в срок. Например, З. Бжезинский отдельно выделяет Украину: «Украина, новое и важное пространство на евразийской шахматной доске, является геополитическим центром, потому что само ее существование как независимого государства помогает трансформировать Россию. Без Украины Россия перестает быть евразийской империей. Без Украины Россия все еще может бороться за имперский статус, но тогда она стала бы в основном азиатским имперским государством» [7]. Удивительное совпадение, но именно США является оппонентом России в нынешнем украинском кризисе, а также координатором Украины.

Никого не удивишь заявлением, что сильная часть мирового сообщества настроена против России. Однако как удивительно видеть, что по оценкам рейтингового центра «Фонд за мир» Россия более несостоявшееся государство, чем Украина. Индекс за 2014 год был опубликован весной 2015 года, когда уже прошли события на Майдане, и шла гражданская война на востоке Украины. Россия оказалась на 65 строчке рейтинга и замыкала список стран «Повышенного уровня опасности» (High Warning), а Украина занимала 84 позицию в уровне «Предостерегающем» (Warning) [2]. У Российской Федерации, судя по данным «Фонда за мир», явные проблемы с группами, стремящимися к мести или восстановлению исторической несправедливости; с нарушением прав человека и верховенством закона; силовыми структурами; ростом раздробленности среди правящих элит и со свободой СМИ. Что касается последнего, то приводится пример с закрытием оппозиционного телеканала «Дождь» [3, С.24]. Помимо России, не входящие в ЕС страны постсоветского пространства также находятся в рейтинге на худших позициях, чем Украина. В 2015 году места между государствами распределялись следующим образом: 51 – Узбекистан, 57 – Таджикистан, 62 – Киргизия, 70 – Грузия, 78 – Туркменистан,

80 – Азербайджан, 87 – Беларусь, 96 – Молдавия, 108 – Армения, 110 – Казахстан [2]. Таким образом, выходит, что государственный переворот, отделение части территории и гражданская война для состоятельности Украины как государства не повлияли отрицательным образом. Зато агрессия России, санкции против нее и недемократический режим Путина отнесли страну к одной из наиболее несостоявшейся на постсоветском пространстве.

Конечно, нельзя сказать, что Россия не имеет проблем. Ведь интерпретируют информацию в отношении того, к чему можно «прицепиться» или где существуют реальные проблемы. После развала Советского Союза противники наслаждались крупным фиаско «имперского монстра», который захватил 1/6 часть обитаемой суши всей Земли, а также распространил свою идеологию еще на ряд государств. Россия всегда оставалась комом в горле многих государств как из-за огромной территории, её ресурсов, так и из-за своей непримиримой политической позиции. Еще русский император Александр III сказал: «У России есть только два союзника: ее армия и флот» [8]. Так было всегда: чем больше становилась заметной тенденция на внешнеполитическое усиление России, тем чаще звучала критика в ее адрес со стороны различных политических деятелей и средств массовой информации её противников.

Но времена империи прошли. Помимо армии и флота сегодня необходимо иметь что-то еще в качестве туза в кармане. Анализируя современную ситуацию, можно с уверенностью сказать, что таблетка «плацебо» от информационной войны существует! И это сильная и стабильная экономика. Имея средства, страна в состоянии решить свои проблемы, не вмешиваясь в дела других государств и создав благоприятные условия жизни для граждан собственной страны. Так, например, развитые скандинавские страны,

имея мощную экономику, не навязывают свои правила другим акторам международных отношений. Ведь эти государства и так всё устраивает, их ВВП самый высокий в мире, а значит, каждый житель Скандинавии имеет высокий уровень жизни и дохода.

Следовательно, нужно работать над укреплением национальной экономики. Но что необходимо сделать в период кризиса?

15 сентября 2015 года на межведомственной комиссии Совета Безопасности РФ достаточно известный российский экономист, в прошлом оппозиционер, а сейчас советник президента Сергей Глазьев представил свой доклад «О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России» [9]. С. Глазьев вместе с группой единомышленников (около полутора десятков человек) подготовили конкретные предложения по смене экономического курса. Они заключаются в следующем:

- создание национальной платежной системы обслуживания банковских карточек;
- стратегическое планирование;
- использование отечественных рейтинговых агентств, аудиторских и консалтинговых компаний;
- переход с внешних на внутренние источники кредитования;
- исправление первой ошибки ЦБ, заключающейся в повышении процентной ставки;
- корректировка второй ошибки ЦБ, которая состояла в переходе рубля к свободному плаванию;
- снижение зависимости экспорта от нефтяных цен, колебания цен на мировом рынке, атаки финансовых спекулянтов;
- необходимость валютного контроля со стороны государства;

- деофшоризация экономики, которая обеспечит прекращение оттока капитала, или национализация корпораций, что снизит риск дефолта финансовой системы;
- улучшение состояния инвестиционного сектора, научно-технического потенциала, преодоление технологического отставания;
- превращение иностранных валютных активов в золото или долговые обязательства ШОС и БРИКС [9].

Данные предложения расценены критиками, в особенности либерального толка, как радикальные, жесткие и, возможно, даже некоторые из них неосуществимые (национализация корпораций, например). Но, очевидно, что С. Глазьев предлагает реальные действия для укрепления экономики страны, часть из которых уже не раз предлагалась видными экономистами и учеными. В докладе прописано всё конкретно, кратко и по существу, как и должно быть в такой важной сфере для страны, как экономика. Сейчас работу Сергея Глазьева рассматривает «большой Совет» под председательством президента.

Таким образом, антироссийская пропаганда создала для европейцев и американцев образ России как «империи зла», государства, которое входит в число самых серьезных угроз для мирового порядка. И естественно, без изменения курса своей политики у России есть вероятность остаться на долгое время в политической и экономической изоляции Запада. Но позволять третьим лицам влиять на политику страны означает потерять часть своего суверенитета, а значит, проиграть информационную войну. В таком случае уверенные шаги в сторону экономических преобразований и усиления национальной экономики в целом являются единственным способом занять твёрдую позицию в рейтинге развитых государств.

Библиографический список

1. The Fund for Peace. – URL: <http://fsi.fundforpeace.org> (дата обращения: 28.11.2015).
2. The Fragile States Index 2015 // The Fund for Peace. – URL: <http://fsi.fundforpeace.org/rankings-2015> (дата обращения: 28.11.2015).
3. Fragile States Index 2015 / [под ред. J. J. Messner]. – Washington: The Fund for Peace, 2015. – 40с.
4. Минаев М. Проблематика «слабых государств» в американской аналитике / М. Минаев. – URL: <http://www.intertrends.ru/fourteen/008.htm> (дата обращения: 28.11.2015).
5. Пилкингтон Э. Колин Пауэлл требует ответов по поводу лжи относительно оружия массового уничтожения в Ираке / Э. Пилкингтон, Х. Пидд, М. Чулов. – URL: <http://inosmi.ru/usa/20110217/166595889.html> (дата обращения: 28.11.2015).
6. Токов Е. Ирак / Е. Токов. – URL: <http://psyfactor.org/uspsywar3.htm> (дата обращения: 28.11.2015).
7. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) / З. Бжезинский. – URL: <http://www.lib.ru/POLITOLOG/AMERICA/bzhezinskij.txt> (дата обращения: 28.11.2015).
8. Цит. по: Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/19/19.htm> (дата обращения: 28.11.2015).
9. Доклад Сергея Глазьева, представленный в Совбезе России. – URL: <http://tehnovar.ru/24610-doklad-sergeya-glazeva-predstavlennyy-v-sovbeze-rossii.html> (дата обращения: 28.11.2015).

Нуари Малалааривуни Ралафиариндаза

Партийная конкуренция в Республике Мадагаскар до и после кризиса 2009 года

В данной статье анализируется важность становления института политических партий и политической конкуренции на современном Мадагаскаре, приводятся характеристики межпартийной конкуренции до и после политического кризиса 2009 года. Особое внимание уделено особенностью функционирования политической конкуренции в стране.

Ключевые слова: Мадагаскар, кризис, партийная конкуренция, демократия, политика

In this article, we analyze the importance of the establishment of an institute of political parties and political competition in modern Madagascar, the characteristics of that interparty competition before and after the political crisis of 2009. Particular attention is paid to the particularity aspect of the political competition in the country.

Keywords: Madagascar, crisis, interparty competition, democracy, politics

Оценивая условия, в которых сформировались конкурентные практики, а также основные культурно-исторические особенности соревнования политических элит в Республике Мадагаскар, следует отметить влияние нескольких факторов. Первым фактором выступает роль церкви как посредника между политическими партиями. Говоря о политике Мадагаскара, невозможно исключить место церквей как субъекта, который оказывает влияние на политику и на политические партии в частности.

Как и во многих африканских странах «демократический транзит» в Мадагаскаре с 1991 года означал переход политической системы от авторитаризма к демократии. В Мадагаскаре этот

процесс сопровождался возрастающей некомпетентностью управленцев и общим снижением уровня жизни. В связи с этим возросли требования построения системы, которая уважает всеобщее избирательное право и создает условия для экономического развития и социального прогресса. Этот переход сопровождался конфликтом между несколькими основными акторами: представителями старого режима, которые несмотря на их неудачи, еще имели большую сеть влияния, и сторонниками нового порядка, которые были весьма многочисленны, но не скреплены в единую «сеть». В такой конфликтной ситуации ни одна из партий не имела решающих преимуществ. Для арбитража и разрешения тупиковой ситуации они прибегли к влиятельным лидерам христианской церкви.

В практике африканской публичной политики обычно лидерские позиции занимают личности, которые принимают все конфессии. Но на Мадагаскаре в то время сложилась иная ситуация. В роли объединяющей структуры выступил ФФКМ (Совет христианских церквей Мадагаскара).

Из населения Мадагаскара численностью в 22 миллиона примерно половина относится к традиционной религии и 40% приверженцы разных ветвей христианства [1]. В силу исторических причин четыре церкви являются членами ФФКМ: католическая церковь, протестантская церковь (ФЖКМ), Лютеранская церковь (ФЛМ) и Англиканская (ЕЕМ). Объединение этих церквей фактически не превышает 40% населения Мадагаскара, и они тем не менее оказывают большое влияние на политику этой страны, особенно в борьбе за власти между партиями [2, Р. 318-336].

Из этих четырех церквей католическая была первой, которая задавала вопрос о воздействиях проводимой политики на

протяжении более века, а протестанты показали главным образом националистическую позицию некоторых из их пасторов (самым известным из них был Равелуджауна [3, Р. 216, Р. 256, Р. 249]). Благодаря социальным учениям католическая церковь имеет ряд принципов, которые позволяют участвовать в политической жизни, в то же время эта церковь не сливается с политикой. Эти принципы дают обычным жителям право свободно участвовать в политике.

Когда рухнул режим отца независимости Мадагаскара Филибер Циранана, католическая церковь способствовала проведению изменений без насилия, отвергая племенные противоречия и идеологические манипуляции. Еще при военном правлении 1975 года католическая церковь была первой, кто публично выступал против злоупотребления властью партией (АРЕМА). Затем другие церкви поддержали католическую церковь. Это способствовало созданию Союза церквей ФФКМ в 1980 году. В 1982 этот Союз провёл первый конгресс, и с этого времени влияние Союза в сфере политики страны усилилось. ФФКМ, например, стал играть большую роль в разрешении политических конфликтов среди политических партий. Последним большим вкладом этого союза было национальное примирение с декабря 2014 года до апреля 2015 года для выхода страны из кризиса, который длился с 2009 года пять лет.

Вторым фактором выступает восприятие лидеров партий как родителей (патриархальный тип политической культуры). Для малагасийского общества, принцип “Fihavanana [4]” занимает особое место в социальной, экономической и даже политической жизни страны. Это понятие, которое обозначает родство, дружбу и добродетельность. Согласно этому понятию, каждое общество на Мадагаскаре должно следовать некоторым правилам. Одним из

них является уважение к старшим. В политической жизни страны, начиная с периода князей, руководителей почитают как старших. В настоящее время лидеров партий принимают за старших.

Мадагаскар с 2009 года пережил тяжёлый кризис. Из более 200 политических партий четыре являются самыми главными, это партии четырех бывших Президентов Мадагаскара. Для разрешения этого кризиса ФФКМ (Совет христианских церквей Мадагаскара) и Африканский союз организовали национальное примирение, которое должно было проводиться между всеми политическими силами страны, но для облегчения такого длительного процесса, было решено проводить примирение только между лидерами этих партий (Марк Равалуманана из партии ТИМ [5], Андри Раджуэлина (ТЖВ) [6], Дидье Рацирака (АРЕМА) [7], Альберт Зафи и настоящим Президентом страны Хери Раджаунаримампианина (из партии ХЕРИ [8])).

Третьим фактором выступает наличие собственных национальных концептов, которые регулируют межпартийную конкуренцию и политическую систему в целом. Демократия и свободная конкуренция между партиями остаются желанной концепцией, но это, кажется, недоступно для малагасийских лидеров. «Демократия и реальная конкуренция на Мадагаскаре являются поверхностными. Мы всегда говорим о них, но они никогда не были реализованы».

Больше чем где-либо демократия на Мадагаскаре сильно связана с его монархической историей и его изолированностью (как страна между двумя континентами – Африкой и Азией). После получения независимости Мадагаскар, как и другие африканские страны, принял многопартийную систему (в настоящее время на Мадагаскаре более 250 политических партий). Но численность политических партий этой страны не так сильно

влияет на ее уровень демократизации.

По мнению генерала Дезире Рамакавелу, Мадагаскар уже до колонизации имел свою собственную форму демократии: «Дина» - вид общественного договора между народом и лидерами, а также между политическими объединениями, которые управляли политической и социальной системой страны. «Дина» регулирует отношения между правителями и управляемыми. Никто не был выше «Дина». По мимо «Дина» социальная система управлялась и «Фихаванана» - вид братства, который объединял весь народ страны.

Таким образом, можно отметить, что ряд факторов влияют на межпартийную конкуренцию в республике Мадагаскар. Это во-первых место и роль церквей в обществе, так как религиозная принадлежность очень сильно влияет на формирование партийных элит и на политическую систему в общем. Во-вторых, это сохранение социо-культурных предпосылок управления обществом (геронтократия), согласно которой лидеры и элиты воспринимаются как родители. И в – третьих, это наличие собственных национальных концептов которые также сильно влияют на политическую конкуренцию настоящего времени.

Конкуренция в период выборов до кризиса 2009 года характеризовалась: монополией партии ТИМ; ростом количества экономических элит; электоральным полем, в котором большинством являются крестьяне, так как они были основными партизанами партии ТИМ. Стратегиями политических партий в данных условиях выступили: использование религиозной принадлежности элит, особенно для партии ТИМ, слоганом которой был «Finoana-Fahamarinana-Fahamasinana» (Вера-Правда-Истина) и использование библейских стихов, как «не бойся, только веруй»; использование личного богатства в пропаганде,

большинство элит страны были миллионерами и кандидаты не полностью зависят от их партий; использование и распространение негосударственных радиостанций; использование имиджа кандидатов как «self-made men»; выдвижение программы реконструкция дороги; политическая программа партии ТЖВ, направленная на развитие молодежи.

Основными особенностями межпартийной конкуренции Мадагаскара в этот период стали следующие/ На Мадагаскаре история политической партии, как правило, связана с политической карьерой и даже личностью ее основателя. Последний, как правило, владелец системы патронажа внутри партии, считается, и / или считает себя отцом, а не лидером: за ним часто последнее слово, несмотря на предписания и устав партии. Удаление власти, отставки или смерть лидера часто является причиной снижения, удаления с политической сцены или раскола в партии. Финансирование политических партий не закреплено законодательно. Поскольку государство не оказывает им никакой помощи, то политические партии должны выполнять роль государственной службы, по крайней мере, через свои роли и функции в рамках институтов государства и общества в целом. В ходе обсуждения вопроса регулирования финансирования партий президентам партий АРЕМА и ТИМ была очень неохотно принята идея создать систему финансирования политических партий со стороны государства. Несмотря на их национальный масштаб, широкий территориальный охват, усилия по демократизации, АРЕМА и ТИМ пытаются выиграть выборы на фоне отсутствия финансирования других партий. Последние оказывают противостояние или остаются внепарламентскими партиями.

Это происходит либо через изменение партии и коалиции, либо через создание новой коалиционной группы. Например, при

мандате 1993-1997 гг. , Lider - Fanilo была одной из самых стабильных групп, ФАМИМА и АКФМ - Fanavaozana, МФМ / ФВР и РПСД, напротив, были наиболее неустойчивыми [9, Р. 99]. Отмечается низкий коалиционный потенциал из-за множества политических партии. Это прежде всего происходило до политического кризиса 2009 года, поскольку у каждой партии были разные политические цели и идеологии. Благодаря кризису стало очевидно объединение между партиями, особенно в парламентах и, следовательно, рост уровня конкуренции в политической сфере.

В политической системе сохраняется фактическая несостоятельность императивного мандата и идеологическая размытость, вызванная, как минимум, двумя причинами. С одной стороны, это остатки колониального периода в малагасийской политике, которые ведут к трудностям формирования своего собственного политического направления и копированию идеологии у Франции. С другой стороны, это большое число малагасийских политических партий (после кризиса их число достигает более 300) и трудность выбора одной национальной идеологии. Важным фактором следует признать отсутствие обратной связи с избирателями. Политические партии редко организуют встречи в соответствии с процессом назначения кандидатов или поддержки кандидатов от других партий. Так было с «президентскими» партиями ТИМ, ЮНДД и АРЕМА на президентских выборах 2006 года.

Репрезентативность на национальном и местном уровне у партий может отличаться. Партии слабо закреплены на национальном уровне, в отличие от местного. Действуют хорошо структурированные партии по всей стране, которые в то же время не имеют ожидаемых результатов на национальных выборах.

Участие женщин в политических партиях остается незначительным. До 2009 года по сравнению с официальным числом зарегистрированных политических партий, женщины-лидеры партий не являлись исключением. Большинство женщин теперь являются лидерами партий, среди них Елья Равелумананцуа из «Наш Мадагаскар», Брижит Расамуела из АМП, Ивет Силла из МАМА, Сарах Жоржет Рабеарисуа из «Достоинство Мадагаскара», которые стали учредителями своих партий. До этого женщины не были председателями партий.

Кроме этого заметно слабое представление политических партий на местном уровне. При разных выборах можно легко отметить этот феномен благодаря высокому участию беспартийных кандидатов и сильному недоверию населения к этим партиям. Для политической системы характерна четкая ориентация политических партий на определенные группы электората, поддержкой которого они традиционно пользуются. Межпартийная конкуренция на Мадагаскаре переросла во внутриэлитную конфронтацию, но политическая и культурная элита страны часто выступает на стороне партии власти. Работа политических партий направлена не на привлечение новых сторонников, а на мобилизацию уже имеющихся, из чего следует сделать вывод, что ни одна из политических сил не стремилась осваивать несвойственные для себя электоральные группы (например, никто не пытался завоевать симпатии молодежи) (до 2007 г).

Модель межпартийной конкуренции на Мадагаскаре была выстроена по принципу «партия власти versus оппозиционные партии».

Среди стратегий политических партий в период выборов с 2009 года, можно выделить следующие:

- Альянс с сильными партиями страны (АВАНА с ТИМ и ХЕРИ с ТЖВ).
- Программа о национальном воссоединении после кризиса.
- Использование влияния бывших президентов для повышения популярности новых партий.
- Использование идей о региональной принадлежности кандидатов для получения определенного результата на определенных местах, даже если это противоречит программе унификации страны.

Таким образом, политическая конкуренция в период выборов с 2009 года характеризуется продолжением острой конкуренции между двумя партиями (ТИМ и ТЖВ), но вовлечением в нее «вторичных» партий (АВАНА и ХЕРИ) и появлением разных новых партий на политической арене Мадагаскара.

Партийная система на Мадагаскаре является нестабильной. Партии основываются не столько в рамках политических идей, сколько в интересах тех, кто их создает. Элиты часто используют партизанские организации, как сети, чтобы сохранить свою власть. С момента приобретения независимости все партии были созданы лидерами во главе политической системы для того, чтобы контролировать парламент. Лишь несколько партий могли пережить неудачи своих лидеров на президентских выборах, и почти ни одна не была в состоянии сохранить свое влияние. Лидер выделяет значительные ресурсы для своего удержания у власти. Конкуренция между партиями очень редко используется для достижения общественного интереса или расширения политического участия.

Итак, Мадагаскар - молодая страна на пути демократии, которая использует способы влияния в сфере политической конкуренции. Она столкнулась с трудностями перехода от

традиционной практики политики, от социализма к демократическому пути развития. Конкурентная политика на Мадагаскаре характеризуется преобладанием французской политической практики с некоторыми особенностями, такими, как: элитарная демократия с ролью лидеров партий в этой политической войне.

Еще важно отметить, что создание условий для развития механизмов политико-правового регулирования политической конкуренции вводит жесткий и открытый для социального контроля запрет на участие в политической борьбе органов власти любых уровней и всех ветвей, дальнейшее укрепление реальной многопартийности с обеспечением полноценного и равного участия партий в политической жизни. Усиление негативных тенденций в развитии политической конкуренции в современном малагасийском обществе следует рассматривать как дискредитацию поставленных реформаторами целей, как кризис демократической модели, перспективы выхода из которого просматриваются только в направлении укрепления правовых начал государственности, совершенствовании законодательной базы и стимулирования развития структур гражданского общества. Это предполагает повышение уровня массового политического сознания и укрепление позитивной, социально ответственной гражданской позиции.

Партийная конкуренция в республике Мадагаскар отражается через три аспекта:

- Происхождение и ресурсы политических элит, и их стратегии, которые слишком сильно направлены на достижение личных интересов в политической борьбе.
- Электоральная база и отношение к политике у населения: здесь характерен невысокий интерес народа к политике и,

следовательно, низкий процент участия на выборах. Особенно на электоральную базу влияет специфика политической культуры страны.

- Межпартийная коммуникация и способы взаимосвязи: разные виды лоббизма и кооперация между партиями, особенно в парламенте.

В силу того, что политические организации на Мадагаскаре в большинстве случаев оставались аморфными образованиями, они не имели четких программных установок, что отразилось и на современной ситуации. Значительная часть объединений коренного населения, имевших политический характер, создавалась на этнической или этнорелигиозной основе. Именно поэтому коммуникативные стратегии конкуренции направлены не на межпартийное взаимодействие, а на риторику привлечения электората, которая «перевешивает» внутриинституциональные практики политического соревнования, когда должны применяться не столько технологии «харизматичных лидеров», сколько консенсусные практики.

Библиографический список

1. Tout Madagascar/Religions et croyances. [Электронный ресурс]. – URL: <http://guide.toutmada.com/religions-et-croyances/decouvrir121.html>
2. Madagasikara sy ny fivavahana krisitianina. - Antananarivo, Ambozontany, 1992. - 518 p.
3. Eglise et société à Madagascar. Textes bilingues des évêques de Madagascar (tome I :1889-1960, tome II : 1960-1975 ; tome III :1975-1989), Antananarivo, Foi et Justice,1990, 216, 256 et 249 p.
4. Le fihavanana à toutes les sauces politiques et religieuses, mercredi 29 avril 2015, par Léa Ratsiazo. Tribune Madagascar. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.madagascar-tribune.com/Le-fihavanana-a-toutes-les-sauces,21070.html>
5. От малагасийского TIM (Tiako I Madagasikara – Я люблю Мадагаскар). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tim-madagascar.org/>
6. От малагасийского TGV (Tanora Malagasy Vonona - Молодые решительные малагасийцы). [Электронный ресурс]. – URL: <http://tgv.centerblog.net/>
7. От малагасийского AREMA (Association pour la renaissance de Madagascar – Ассоциация для возрождения Мадагаскара). [Электронный ресурс]. – URL: <http://parti-arema.com/le-parti>
8. От малагасийского HERY (СИЛА). [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.heryvaovao.com/>
9. См. Франсуа Рубо. Персоны и переход к демократии. - L' Harmattan, 2000. - С.99

Дарфур: гуманитарная катастрофа 21 века

Ситуацию в суданском регионе Дарфур называют крупнейшей гуманитарной катастрофой 21 века. К происходящему в этом регионе многие международные правозащитники применяют термин «геноцид». В статье изучены причины возникновения конфликта в Дафуре и реакция на конфликт со стороны международного сообщества. Представлен хронологический порядок развития конфликта в регионе Дафур и его возможные дальнейшие пути развития.

Ключевые слова: геноцид, горячая точка, Дафур, Судан, нефть, гражданская война, этнический конфликт, кровопролитие, арабы, суданцы, граница с республикой Чад

Актуальность данной темы заключается в том, что в настоящее время этнические и военно-политические конфликты приобретают огромные масштабы на территории арабского мира и в северо-африканском регионе. В результате этих конфликтов происходит образование новых территориальных единиц на карте мира, что оказывает влияние на расстановку сил на политической арене, на проводимую разными странами внешнюю политику.

Цели и задачи статьи – выявление причин военного конфликта в Судане, который появился в результате гражданских войн, разделивших страну на две части. Мы выделим основные факторы и их влияние на вопрос сецессии в 2011 году, а так же изучим статистику уровня жизни после обозначенных событий.

Методология и теоретические основания. Изучаемый конфликт своими корнями уходит еще в историю начала 20 века. До середины 20 века Дафур был британской колонией. При этом Великобритания, видя конфессиональные и этнические различия

Севера и Юга Судана, проводила политику раздельного управления этими частями страны. В середине 20 века – в 1956 году Судан получил независимость, и проводимая разумная британская политика правления была перечеркнута ошибкой, которую допустили власти Судана при перераспределении влияния между Севером и Югом страны. Северу было предоставлено больше преимуществ со стороны правительства, поскольку в этой части страны располагались государственные учреждения. В результате проводимой дискриминационной в отношении Юга страны политики, возник конфликт, который длился 17 лет, и из-за которого погибли по разным данным, около полумиллиона человек. В результате Югу Судана была предоставлена автономия.

Однако, через 11 лет конфликт возобновился по причине проводимой властями политики исламизации страны. Президент Судана Джафар Нимейри огласил основание для такой политики – географический фактор. Поскольку северная часть Судана имеет выход в мировой океан через Красное море, а южный Судан такого выхода к морю не имеет, то на настоящий момент южный Судан использует нефтепроводы, которые проходят по территории северного Судана в направлении Красного моря. Что касается территории, то достоверно известно, что иностранные корпорации занимаются скупкой африканских земель. По состоянию на 2012 год, только в Судане почти 2 миллиона гектаров земли принадлежат иностранцам из Саудовской Аравии, Южной Кореи, ОАЭ и Техаса. Ну а, технически, любой конфликт резко снижает стоимость аренды. Можно сказать, что им конфликт выгоден.

Таким образом, видим, что корень рассматриваемого конфликта связан с нефтью. Одним из регионов Судана является Южный Кордофан, в нем располагаются главные нефтяные месторождения страны. Как пишет заместитель директора Института

Африки РАН Леонид Фитуни, в четырех странах Африки расположены 90 процентов всей нефти континента — и одна из них Судан. Нехитрые расчеты показывают, что Судан — хранилище почти четверти африканской нефти.

При формулировке гипотезы по этой теме можно сказать, что пока нет обнадеживающих перспектив развития конфликта. Связано это со сложностью вопроса: помимо военного-политического конфликта в Судане существует еще и социальная напряженность, на фоне серьезных проблем: голода, проблем размещения кочевников, проблемы распределения земель для пастбищ.

В том случае, если конфликт в Дафуре не разрешится разумным компромиссом, данный регион будет горячей точкой, которая может повторить судьбу Ирака, в судьбу которого вмешиваются ряд иностранных держав для того, чтобы урегулировать внутренний конфликт.

Регион Дарфура расположен на западе Судана на границе с Чадом и Центрально-Африканской республикой. Он включает три провинции: Северный Дарфур (центр – г. Эль-Фашер), Западный Дарфур (г. Эль-Генейна) и Южный Дарфур (г. Ньяла). Оценочно, в Дарфуре проживают свыше 5 млн человек (население Судана – 33,56 млн чел.).

В Дафуре проживает сложный этнический состав населения. Самой крупной народностью в этом регионе являются арабского-ворящее население, но большинство говорят на собственном языке. Проживают также большое число арабо-суданцев, нубийцы и несколько десятков более мелких народностей, в основном негроидных. Некоторые из дарфурских народностей арабизированы и утратили свои языки, но сохранили элементы традиционной культуры. В целом по своей культуре большая часть населения

Дарфура гораздо ближе к соседнему Чаду, чем к культуре долины Нила.

По религиозной принадлежности население региона относится к мусульманам суннитам. Но здесь имеется одно отличие: арабо-суданцы в своем большинстве являются сторонниками суфйскоготариката (духовного ордена) «аль-Ансарийа». Это самая крупная и очень влиятельная мусульманская секта в Дафуре. Мусульманское неарабское население в стране можно отнести к участникам сект «ат-Таджунийа» и «ас-Сенусийа». Небольшая часть населения Дафура до сих пор исповедует традиционные верования.

Дафур – это самый засушливый и бедный район Судана, который относят к кризисной продовольственной зоне. В регионе нет запасов полезных ископаемых. Сообщения от 1970-х годов об обнаружении запасов нефти в Дафуре не подтвердились в результате проверок.

В основе экономики региона лежит сельское хозяйство: население выращивает арахис, который занимает долю в 30% от общего национального производимого продукта; просо, гуммиарабик. Животноводство в регионе связано с разведением крупного (33% национального поголовья), мелкого (22%) рогатого скота, верблюдоводством (18%) и коневодством. При этом верблюдоводство является главным видом деятельности кочевого и полукочевого населения [8].

В сегодняшнее время положение кочевников-скотоводов сильно ухудшается из-за нарушения равновесия между величиной пастбищ на территории Дафура и количеством животных. В последнее десятилетие сильно увеличилась численность поголовья скота, из-за чего происходят необратимые процессы истощения пастбищ. В регионе, с другой стороны, начинают появляться зоны

товарного земледелия. Из-за этого часть кочевников, которые ранее были связаны с выпасом скота, переходят на оседлый образ жизни, усиливая при этом борьбу за сохранение существующих и за приобретение новых пастбищных территорий на основе сокращения земледельческих полей. Эта ситуация явилась причиной конфликта в Дафуре. Столкновения на этой почве между местными жителями являются кровавыми, и длятся еще с 1970 годов.

В поддерживании конфликта в Дафуре огромную роль играет демографический фактор, т.е. быстрый рост населения при медленном темпе роста экономики, отсутствии развития транспортной инфраструктуры, изменений в социальной сфере. Также играет роль незначительный рост обрабатываемых площадей при сокращении сокращении пастбищ [4]. Все эти процессы порождают рост безработицы и создают социальную напряженность.

Существует и политическая подоплека конфликта в Дафуре. Представители самой многочисленной народности фора и некоторые представители других местных народностей, относящиеся к деловым кругам и интеллигенции, рассчитывают на получение должностей в местной администрации, которые помогут им в беспрепятственном ведении собственного бизнеса, а также дадут ряд прав для решения региональных проблем. Но из-за присутствия арабо-суданцев в политике и бизнесе, часть мест в администрации отходит им, что ведет к ухудшению отношений, усилению враждебности между негроидными расами и арабами, т.е. создаются также этно-политические конфликты.

Начиная с 2003 года до настоящего времени вооруженный конфликт в Дафуру унес жизни более чем 300 тысяч человек, а более 2,5 миллионов сделал беженцами. 2003 год считается начало вооруженного конфликта, т.к. этим годом датируется первое во-

оруженное восстание в регионе. Повстанцы во время этого восстания ставили перед собой цель вывода Дафура из политической и экономической изоляции, как минимально достижимую, а как максимум они хотели добиться полной независимости Дафура от Судана и свержения центрального хартумского правительства.

Начался данный конфликт с исторического противостояния между арабоязычными кочевниками Дафура и африканским оседлым населением, которое закончилось формированием двух военизированных группировок, которые состояли из представителей этнических африканских групп фура, загава и масалитов, называемых «Движение освобождения Судана» (SudanLiberationMovement – SLM) и «Движение справедливости и равенства» (JusticeandEqualityMovement – JEM)

Под предлогом борьбы с повстанцами правительство Судана задействовало организованное из местных арабоязычных кочевников ополчение «Джанджавид», бойцы которого уже два года проводят регулярные карательные рейды против африканского гражданского населения. Отряды «Джанджавид» поддерживаются регулярной армией: известно, например, о многочисленных фактах бомбардировки мирного населения с использованием самолетов и вертолетов ВВС Судана.

Ситуацию в Дафуре осложняет еще и то, что там недавно были обнаружены богатые нефтяные залежи, и на основании этого конечной целью правительства Судана будет являться тотальное изгнание с этих территорий оседлого африканского населения, либо уничтожение его [2, с. 24].

Правительство Дафура выгоняет людей из их жилищ, уничтожает посеvy, скот, истребляют запасы продуктов и отравляют источники воды. Беженцев загоняют в специальные лагеря, в которых держат без пищи и воды, обрекая на медленную смерть.

Уничтожают всех беженцев, которые выходят из лагеря в поисках воды и пищи. Также правительство Судана препятствует поставкам гуманитарной помощи из-за рубежа для беженцев, отрицая необходимость этой помощи.

По оценкам ООН, количество принудительно перемещенных в результате ситуации в Дафуре лиц – более чем 2 миллиона человек, количество погибших – более чем 180 тысяч человек [5]. Эти цифры не являются точными, поскольку они не учитывают данных о смертности в некоторых лагерях, которые расположены в ряде труднодоступных районов Дафура. Поэтому, если опираться на мнения британских экспертов из британской парламентской комиссии, в реальности можно озвучить цифру в 300 тысяч погибших в результате конфликта в Дафуре.

При этом, несмотря на огласку конфликта в многочисленных докладах международных наблюдателей от ООН и других организаций, международное вмешательство для мирного урегулирования ситуации в регионе является маловероятным. Связано это с тем, что попытки применения экономических санкций против Судана наталкиваются на неприятие этих санкций крупными державами – членами Совета Безопасности ООН, для которых невыгодно прекращение конфликта.

Китай, например, покупает суданскую нефть в больших объемах, а Россия заключила крупные контракты на поставку оружия в Судан. Затягивающийся конфликт, который давно длится в Ираке, не дает возможности выделения денежных средств для проведения миротворческой операции в Дафуре от США и союзников этой страны.

Так, в 2004 году президент США Джордж Буш-младший, хотя и называл происходящие в Дафуре события геноцидом, не сделал никаких попыток остановить кровопролитие. В настоящее

время в Дафуре находится большая группа миротворцев, которые имеют мандат Африканского союза на проведение миротворческой операции, но эффективность этой операции невысока, что связано с плохим финансированием ее, малочисленностью участников операции в сравнении с количеством вооруженных повстанцев, а также с ограничениями, которые накладывает мандат.

Повстанцы и правительственные войска в зоне конфликта обвиняют друг друга в ряде бесчеловечных операций и зверств. В большой степени это касается действий группировки «Джандвид». Конфликт в Дафуре привел к тому, что более миллиона человек из этого региона покинули зону конфликта и стали беженцами в другие страны, в частности в республику Чад.

На протяжении последнего десятилетия, начиная с 2004 года, периодически правительство Судана объявляет о победе в конфликте, например, как было в 2004 году после захвата города Тине на границе с республикой Чад, но повстанцы все равно сохраняют контроль над частью территории.

В регионе Дафур проживает ряд различных народностей, которых можно разделить на две большие группы – арабские племена и чернокожие африканцы. При этом арабские племена проживают на территории с 8 века после нашей эры, а африканские племена – с 10 века. Те и другие в большей степени исповедуют ислам, нежели другие религии, однако этнические конфликты между этими большими группами населения Дафура продолжают возникать с регулярностью и отличаются сильной социальной напряженностью и кровопролитием.

До начала 20 века в Дафуре находился центр работорговли, в котором арабские работорговцы и чернокожие африканцы соперничали друг с другом при продаже и перепродаже рабов в разные регионы Африки. При этом этнические группы конфлик-

товали также в отношении владения земельными и водными ресурсами. В конце 20 века пустыня стала поглощать ранее пригодные к обитанию земли, заселенные арабами-кочевниками, и те стали мигрировать на юг, что привело к обострению межэтнических отношений [8].

Поводом для современного конфликта в Дафуре стало соглашение, которое было заключено между повстанцами Юга Судана и Хартумом о разделе доходов от нефтедобычи. Африканское население Дафура считает, что в данном соглашении не были учтены их экономические интересы.

Таким образом видим, что конфликт в Дафуре имеет этническую, политическую и экономическую окраски. При этом протекает он на фоне напряженной борьбы за водные и земельные ресурсы между арабскими скотоводами и чернокожими земледельцами. Наблюдатели конфликта отмечают, что имеет место политический и этнический перекос в конфликте, т.к. ряд деревень, которые были населены чернокожими суданцами, сжигались властями дотла, а деревни с проживающими там арабскими скотоводами остаются нетронутыми.

Вооруженные отряды «Джанджавид» к весне 2004 года склонили чашу весов конфликта в Дафуре в свою сторону. В этот период конфликт принял международную окраску, поскольку более чем 100 тысяч беженцев из Дафура, которых преследовали вооруженные группировки отрядов «Джанджавид» начали перемещаться в республику Чад, что привело к кровавым столкновениям между пограничниками Чада и группировкой «Джанджавид».

Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан в 2004 году выступил перед мировой общественностью с докладом, в котором он предупредил о том, что существует опасность геноцида в регионе Дафур. Действия группировки «Джанджавид» были сравнены им

с резней в Руанде, а методы, которые применялись в столкновениях – с этническими чистками в Югославии. Осложняла ситуацию удаленность зоны конфликта от международного внимания и сложность доставки гуманитарной помощи для пострадавших от конфликта в Дафуре.

Для оценки ситуации и для поиска выхода из конфликта в начале июля 2004 года Кофи Аннан, генеральный секретарь ООН и Колин Пауэлл, государственный секретарь США, посетили регион Дафур. Европейский союз и Африканский союз также направили в этот период в регион своих представителей для того, чтобы наблюдать за прекращением огня, соглашение о котором было подписано правительством Судана в апреле 2004 года.

Результатом визита стало подписание Советом Безопасности ООН 30 июля 2004 года резолюции, которая обязывала правительство Судана в течение 30 дней провести разоружение отрядов «Джанджавид» [4]. В противном случае Совет Безопасности ООН по отношению к Хартуму обещал применить ряд экономических и дипломатических санкций, даже вплоть до военного вмешательства.

Лига арабских государств посчитала, что необходимо предоставить Судану более длительный срок на выполнение резолюции ООН, и предупредила, о том, что ситуация в Судане не должна повторить Иракскую. ЛАГ категорически отвергла любое военное вмешательство в зону конфликта в Дафуре.

23 августа 2004 года в столице Нигерии начались многосторонние переговоры, которые рассматривали возможности по урегулированию кризиса в регионе Дафур с участием представителей ряда повстанческих группировок - «Суданской освободительной армии» и движение «Справедливость и равенство», действующего

председателя Африканского союза президента Нигерии Олусегуна Обасанджо и правительства Судана.

На этой встрече при участии Лиги арабских государств под эгидой Африканского союза, а также при участии Ливии, Уганды, Эритреи, Мали и Чада, проходил ряд переговоров с повстанцами и правительством Судана, которые не принесли никаких практических результатов.

В 2004 году в августе Еврокомиссия выделила Судану гуманитарную помощь на сумму 20 миллионов евро для того, чтобы преодолеть кризис в Дафуре. При этом 15 миллионов евро предоставлялось на приобретение медикаментов и продовольствия для беженцев, а остальные 5 миллионов должны были перейти на оплату миротворческих операций на территории Дафура. 104 миллиона евро гуманитарной помощи поступило в Дафур в период с января по август 2004 года.

В сентябре 2004 года Совет Безопасности ООН выпустил еще одну резолюцию для влияния на события в Судане, в которой было зафиксировано требование к властям Судана оказать давление на группировки боевиков, которые продолжают убивать мирное население Дафура. Совет Безопасности ООН начал требовать от Судана более активных действий совместно с Африканским союзом, которые бы позволили бы урегулировать конфликт и снизить напряженность в регионе Дафур.

Многие наблюдатели от международных организаций отмечали связь проблем геноцида в Дафуре и нахождением нефти на этой территории. Ведь кризис в Дафуре начался сразу же после обнаружения больших запасов нефти на территории региона. Поскольку разработкой этой нефти занимались нефтяные компании Китая и Франции, то эти страны поддерживают действия правительства Судана, а США выступает против него.

Суданское правительство считает обсуждение кризиса в ООН вмешательством в свои внутренние дела и попыткой США развязать агрессию против своей страны.

18 октября 2004 года в Триполи (Ливия) состоялся саммит с участием делегаций Ливии, Судана, Чада, Египта и Нигерии, а также представителей двух повстанческих группировок Дарфура, где была предпринята попытка урегулировать кризис силами самих африканцев и избежать применения к Судану международных санкций.

Судан выступил в Триполи с рядом инициатив: например, он предложил провести децентрализацию власти в Дафуре, а также предложил создание органов местного самоуправления. Судан объявил о согласии значительно увеличить численность военного контингента Африканского союза в Дарфуре — с 475 человек до 4,5 тысяч человек. При этом председатель Африканского союза Олусегун Обасанджо, заявил о том, что количество войск фактически сможет быть увеличено лишь до 3,3 тысячи человек и не ранее начала ноября. Для содержания и проживания военных миротворческих сил в Дарфуре со стороны ЕС было выделено 220 миллионов долларов [6].

На саммите в Ливии правительство Судана и международные организации договорились, что проблема Дафура будет решена своими силами, т.е. силами правительства Судана, без вмешательства международных сил.

В 2006 году весной в результате переговоров в Абудже между властями Судана и лидерами повстанческих группировок Дафура было подписано мирное соглашение. Однако соглашение это не было выполнено в полном объёме, при этом не охваченные соглашением вооруженные группирования Дафура продолжали

осуществлять военные действия и убийства мирных жителей. Правительство Судана также возобновило военные операции.

В июле 2007 года Великобритания, Гана и Франция разработали проекты представили его в Совет Безопасности ООН. В проекте была представлена резолюция для создания контингента войск ООН в размере 26 тысяч человек для того, чтобы урегулировать конфликт в Дафуре. Этот контингент был сформирован ООН и Афросоюзом. Желание принять участие в этой миротворческой операции также высказали КНР и Россия.

В октябре 2007 года правительственными войсками был сожжён город Хасканита.

Международный комитет Красного креста, одна из немногих гуманитарных организаций, работающих за пределами городских поселений и лагерей для перемещенных лиц, оказывает помощь более чем полумиллиону жителей сельских районов и представителей кочевых сообществ. Операция МККК в этой стране остается второй по масштабам гуманитарной операцией МККК в мире, сообщает [Википедия](#) [3].

В середине февраля 2009 года суданские власти заключили перемирие с одной из самых радикальных группировок – «Движением справедливости и равенства», что дало новую надежду на начало новых переговоров о мире.

В марте 2009 года Международный уголовный суд выдал ордер на арест суданского президента Омара аль-Башира, что резко обострило ситуацию в стране.

Таким образом, конфликт в Дарфуре заметно осложнил и без того весьма непростую военно-политическую обстановку в Судане, привел к появлению на карте страны еще одной «горячей точки». Он принял затяжной характер без серьезных перспектив скорого урегулирования. Более того, конфликт стал приобретать

форму гуманитарной катастрофы. Очевидно, что быстрого решения сложных проблем региона ожидать не приходится. Позиции сторон по основным спорным вопросам пока еще далеки от сближения. К тому же партизанские действия отрядов дарфурской оппозиции могут продолжаться довольно длительное время - суданско-чадская граница (1360 км) слабо контролируется с обеих сторон, а это позволяет повстанцам получать столь необходимую помощь.

В 2011 году на карте мира появилось новое независимое государство, 53-е по счету в Африке — Южный Судан. С 9 по 15 января там прошел референдум по отделению юга страны от севера — непосредственно Судана. Если говорить в геополитических терминах, то новое государство было образовано посредством сепарации. Менее чем через месяц результаты референдума были признаны Омаром аль-Баширом — президентом Судана. «Мы заявляем, что уважаем и принимаем выбор народа Юга и результаты референдума», — говорится в президентском указе, который зачитал министр по делам президентской администрации Бакри Хасан Салех [1, с. 293]. Результаты референдума оказались впечатляющими — более 98 процентов населения проголосовало за независимость и отделение от Севера. Но прошло уже более 4 лет с момента референдума, а ситуация все еще полностью не стабилизировалась. До сих пор можно встретить сообщения об атаках, террористической деятельности или конфликтах на новой границе.

В 2012 году Судан и вовсе признал своего южного соседа агрессором и вражеским государством. Как нам кажется, дело тут в первоначальных причинах конфликта — они не забыты людьми и это заставляет некоторых продолжать борьбу. Не отрицается многими и влияние иностранных агентов и организаций, ведь война за ресурсы (а в Южном Судане крупные залежи полезных

ископаемых, в том числе и «черного золота») никогда не прекращалась. Попробуем ответить на вопрос — что же стало причиной гражданской войны в Судане? Что именно заставляло людей убивать друг друга в ходе 20-летнего противостояния до момента заключения Всеобъемлющего мирного соглашения в 2005 году?

В последнее время наблюдается тенденция к урегулированию конфликта в Дафуре. Лидеры обеих сторон – властей и группировок, встречаясь, используют в своей риторике слова (братья), и доброжелательную лексику.

Можно предположить, что любой конфликт может возвращаться и затухать по принципу маятника, однако при этом его возрастание и затухание всегда связаны с конкретной ситуацией в политике, экономике и событиями в регионе.

Проявление и возбуждение «спящих» этнических конфликтов часто связаны с воздействием «третьей силы» – политков, которые будут заинтересованы в контроле над регионом, и над экономическими конкурентами.

Список используемой литературы

1. Берг И.С. Неправительственные организации о ситуации в Дарфуре / И.С. Берг. – Москва, 2014. – 361с.
2. Блинов А. Мир в обмен на нефть / А. Блинов // Независимая газета. - 2007. - №36. – 40с.
3. Дарфурский конфликт. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B0%D1%80%D1%84%D1%83%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D1%82 (дата обращения 18.05.2016)

4. История конфликта в Дарфуре. – URL: <http://www.vz.ru/information/2009/3/5/262498.html> (дата обращения 16.05.2016)
5. Кудров Е.А. Институт Ближнего Востока «Ситуация в Судане / Е.А.Кудров. – URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2007/12-10-07.htm> (дата обращения 17.05.2016)
6. Серегичев С.Ю. Возможные пути эволюции Республики Судан: факторы и условия / С.Ю. Серегичев. – URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/06-07-06.htm> (дата обращения 17.05.2016)
7. Юрченко В.П. О положении в западных провинциях Судана / В.П. Юрченко. - Москва, 2008. – 307с.
8. Юрченко В.П. Конфликт в Дарфуре: истоки, состояние и перспективы / В.П.Юрченко. – URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/07-04-05.htm> (дата обращения 16.05.2016)

**«Такой Китай представлял бы собой самую
могущественную нацию в мире»:
неизвестные страницы истории китаистики
(Китай в работах украинской национальной
левой эмиграции 1950-х годов)**

Б. Лэвицкий

Ещё раз к вопросу народных коммун в Китае

Народные коммуны возникают путём слияния до настоящего времени продуктивных кооперативов-колхозов. Это, однако, ещё не означает, что они являются из-за этого влитой организационной формой сельского хозяйства; в рядах вновь восстановленных коммун находятся кроме сельскохозяйственных работников также промышленные работники, чиновники, учителя, ученики и даже военные отделы, одним словом, всё население данной территориальной единицы. Первоочерёдным заданием коммун не является труд в сельском хозяйстве, только управление развитием целого хозяйства данной территориальной единицы. Согласно с направляющими Пленума ЦК КП Китая коммуны играют решающую роль в индустриализации страны. Народная коммуна является основной организационной единицей хозяйства.

В среднем коммуна объединяет 10.000 семей до 60.000 душ населения. Однако уже последние известия с Китая говорят, что существует тенденция увеличения коммун. Территориально по-

---

Лэвицкий Б. Ще до питання народніх комун в Китаї / Б. Лэвицкий // Вперед (Мюнхен). – 1958. – Ч. 10 (94). – жовтень. – С. 3 – 4. Перевод с украинского языка А. Бондарь.

крывается коммуна с районом (уездом). Однако уже существует много коммун, охватывающих даже, целую область. Организация руководства является трёхступенчатой: руководящим органом является «штаб коммуны», избираемый путём выборов. (К сожалению, сегодня нельзя ещё про эти выборы чего-то подробного сказать). Нижним органом является «районный штаб» коммуны, управляющий одним отделом коммуны и являющийся средним звеном между главным руководством и третьей ступенью – отдельными рабочими бригадами или колоннами.

Отношения между коммунами и государством не являются ещё совсем ясными. Коммуна поставляет государству часть изделий; другую часть она употребляет для своих собственных нужд. Центральный Комитет КП предложил внести систему заработной платы по трудодням. С других источников, однако, уже известно, что сегодня в коммунах существуют две формы оплаты труда: либо деньгами, либо в форме бесплатного содержания членов коммуны (введены карточки на питание в столовых, билеты в бассейны, бесплатное медицинское обслуживание, пределы – одежды, содержания детей и т. п.). Интересно, что крестьяне, наверное, из-за своих примитивных домашних условий, прилипают к последней форме зарплаты; это также выгодно для руководства коммун, потому что члены коммун работают очень часто далеко от места проживания.

Идея народных коммун выкристаллизовалась в процессе внутрипартийной дискуссии, которая началась в мае прошлого года.

Тогда низвергались такие лозунги, как «пусть расцветут сто цветков», или «за благоустройство стили партийного труда» и т.п., что впоследствии вызвали решение против «правых элементов» и привели к ликвидации либерального курса. Всё-таки в исследова-

нии дискуссии приобрели для себя почву две направляющих: привлечь к активному сотрудничеству более широкие массы населения и начать последовательную борьбу против бюрократизма.

Первая направляющая произвела, между другими, к переменам в целой индустриальной политике китайских коммунистов. Они пришли к убеждению, что сам тезис об индустриализации путём строительства больших и модернизированных заводов не является подходящим, потому что, мол, можно сделать прыжок к высшей форме общественных отношений также путём образования большого количества чугунных и сталелитейных малых предприятий на базе местных ресурсов и рабочей силы. Оказалось, что эта идея имела успех: официально сообщено, что продукция стали в этом году вдвойне возросла. Китай охватила производственная лихорадка. Со слов китайского маршала Ег Чининга с 11 октября с.г. в Варшаве узнаём, что только с января по август 1958 года построено в Китае 7,5 миллионов новых фабрик и ремесленных мастерских!

Также, если идёт речь о сельском хозяйстве, главное внимание сосредоточено не как на управление культурами или рационализацией скотоводства, как скорее на выполнение широко запланированных мелиораций, регуляции рек, посадки лесов на мало управляемых территориях и т.п. Сам факт, что в этом году наводнено искусственно, благодаря строительству арыков (водных каналов), 65,3 миллионов посевной площади, указывает на то, что для выполнения тех работ используются методы «трудармии». В этом году, таким способом, достигнут рекордный урожай. Официально утверждается, что Китай стал независимым от погоды и развязал хлебный вопрос.

Для развязывания вопроса индустриализации какой-нибудь страны в игру входят три фактора: капитал, техника и рабочая си-

ла. Также научные работники утверждают, что в некоторых условиях можно заменить капитал и машины в какой-то мере рабочей силой. В Китае совершается стремление практически осуществить этот вариант. Не обращая внимания на нехватку капитала и техники, на изоляцию от Запада и на недостаточную помощь СССР и стран народных демократий, Китай пытается методами «трудоармии» в народных коммунах быстрыми темпами достичь индустриализации страны. Китайские эксперты признают, что изделия всех тех кустарных предприятий под присмотром качества будут меньшей стоимости. Хотя с другой стороны нужно быть очень осторожным в преждевременных оценках относительно массовых китайских предприятий и печей-лилипотов. Мы часто забываем, что доменные и мартеновские печи существуют не более нескольких десятков лет, а производство стали такое древнее, как наша цивилизация. Что некоторые высоко ценные рода стали, как например, толедская или дамасская, ещё по сей день изготавливаются «примитивными» методами сталеварения. При строительстве автострад, каналов и плотин можно заменить машины стотысячной массой людей с лопатами и молотками. Чтобы таким способом достичь успешных результатов, нужно пользоваться поистине методами военной дисциплины организации жизни.

Народные коммуны представляют собой своеобразную развязку для аграрного перенаселения /3/ страны. Этой проблемой основательно занимаются некоторые эксперты восточных стран, как Польши, Болгарии, и даже СССР, где аграрное перенаселение является на самом деле общественным злом, хоть не таким как в Китае, где оно создаёт внушительную опасность. Когда сегодня народные коммуны применяют метод максимального использования рабочей силы для осуществления планов, превышающих нормальный объём сельскохозяйственных работ, то это практиче-

ски означает уже на сегодняшний день ликвидацию обычных проявлений аграрного перенаселения, то есть существования на селе неиспользованной рабочей силы. Эти методы СССР никогда не касались. Совмещение сельского хозяйства, промысла и управления в одно целое в рамках коммун, делает возможным усовершенствовать рациональное и быстрое разделение труда и создаёт возможность развязать позитивно проблему аграрного перенаселения также на будущее, когда техника массово включится в сельское хозяйство Китая.

Когда советская пресса очень сдержанно и скупо отчитывается, о китайских коммунах, то это ещё не значит, что советские эксперты не проинформированы о реформах в Китае. Их сдержанность, означает, прежде всего, негативное отношение к Китайскому эксперименту. В августовском номере «Вопросы экономики» была опубликована статья Хачатурова «О перспективах технического прогресса», что является своеобразной полемикой с китайскими коммунарами. Автор припоминает, что переход к коммунизму возможен только на базе излишков всех родов изделий, что «осуществление коммунизма зависит не только от увеличения продукции, но и от того, как эти изделия будут продуцироваться», что «марксизм-ленинизм» учит, что перемена общественно-экономической формации будет достигнута не тем, что производится, а каким способом производится». Пояснения здесь излишни.

Много авторов справедливо указывают на то, что организация в Китае народных коммун является однозначным, с полным успехом тезиса «разные пути к социализму», и то в такой форме, которая до сих пор в истории коммунистического движения была неведома. Также подходяще, что провозглашенный в Китае переход к коммунизму автоматически принижает ведущую роль СССР в

коммунистическом блоке. Нам кажется, что следует указать ещё на другую квинтэссенцию последнего поворота в Китае: китайский путь к индустриализации и коммунизму должен, также, внедрить уверенные и позитивные расхождения в мировом коммунистическом движении, ибо не одна «бедная» и недоразвитая страна начнёт искать в китайском опыте то, что в её условиях может найти практическое применение. Сегодня уже не является тайной, что советский опыт строительства коммунизма не только оказался неприменимым в некоторых странах народной демократии, но и вызвал там даже активное сопротивление. А что же здесь вспоминать о некоторых азиатских странах!

Нужно предвидеть, что удачный китайский эксперимент приведёт к проверке теоретических программ многих коммунистических партий, в основном азиатских стран. Важным является утверждение, что китайский народ совершает попытку двинуть свою экономику быстрыми темпами вперёд и стать, таким образом, одним из самых могучих народов мира. Вероятно, ещё наше поколение будет свидетелем этой исторической перемены.

Национальный вопрос в Китае

Согласно сообщения Национального Статистического Бюро Китайской Народной Республики, население Китая (включая Формозу с восточноазиатскими поселениями) составляло в июне 1953 года около 602 миллионов человек. С этого общего количества 94 процента составляют ханьцы, а остальные 6 процентов приходятся на национальные меньшинства. Эти, вроде бы незначительные, процентные данные, однако, нисколько не уменьшают исторического значения национального вопроса в Китае, будущее которого, кроме всего другого, в большей мере зависит именно от развития национальных отношений.

Национальный вопрос в Китае имеет два аспекта: внутринациональные отношения между самими ханьцами и национальные отношения между ханьцами и национальными меньшинствами. Основной темой нашей статьи является рассмотрение второго аспекта, то есть отношений между ханьцами и нацменами, но, ввиду двойного характера национального вопроса в этой стране, первый аспект тоже никак нельзя упускать из виду.

В современном украинском языке как-то позабылось старое название китайцев – ханьцы. Кое-кому казалось, что это слово чужое, позаимствованное нами из европейских языков. В действительности же это название является заимствованным нами в такой же степени, как и европейцами из подлинного названия китайцев – народ Хань, как сами китайцы себя называют. Китай же – это

Чэрнэта В. Національне питання в Китаї / В. Чэрнэта // Вперед. – 1955. – Ч. 1 (50). – січень. – С. 2 - 3, 7 - 8. Перевод с украинского языка А. Бондарь

название многонационального государства, населённого в большинстве ханьцами, но и другими народами.

Первым аспектом национального вопроса в Китае является проблема, что собой представляют сами ханьцы. Дефиниция нации, как общества людей, исторически образовавшихся на базе общего языка, территории, экономики и психики, которая проявилась в общности культуры, не совсем может быть применима к современным ханьцам. Наиболее проблематичным вопросом отношений внутри ханьцев является язык, значит и культура. Ханьцы не имеют одного общего языка, а пользуются вместо того несколькими совсем отличительными языками и многими диалектами. Спросить ханьца или вообще китайца, разговаривает ли он «китайским языком», равнозначно, если спросить европейца, разговаривает ли он «романским языком». Лингвисты (и китайские, и европейские) насчитывают рядом со многими диалектами, шесть главных языков между ханьцами, которые мы представляем вместе с приблизительной численностью населения (1930-х годов), которое использует эти языки: мандаринский язык – 350 млн., язык у – 37млн., кантонский язык – 22 млн., язык Хакка – 20 млн.

Общим признаком этих языков является лишь форма письма, так называемые идеографы. Однако между этими языками существует такая большая фонетическая разница, что ханец, разговаривающий на мандаринском языке, совсем не понимает ханьца, говорящего на кантонском. Идеографы играют лишь ту роль, что и латинская азбука в испанском или итальянском языках. Но часто идеографы имеют не только разную фонетическую транскрипцию, но и разное значение, и внешний вид в каждом из ханьских языков.

Китайцы уже давно поняли необходимость реформировать своё письмо и приблизить его к живому народному языку. Было

согласовано много проектов реформы, начиная с предложений ввести латинскую, и даже кирилловскую азбуку и заканчивая предложением задержки упрощённого и сокращённого определённого количества знаков (идеографов). Однако, вопрос реформы письма с самого начала стал вопросом политическим. Возникли две противоположные политические школы-интегралистов и федералистов. Каждая из этих школ выдвигала свои предложения относительно реформы, исходя из своих определённых социально-экономических и политических интересов. Интегралисты связывали вопрос реформы с развитием капитализма в Китае. Они утверждали, что капитализм требует наличие одного языка и политическое единство нации, чего нельзя было бы достичь, если бы члены одной нации говорили на разных языках. Это была школа молодой китайской националистической буржуазии, девизом которой было: одно государство, одна нация, один язык. Они выступали за сохранение идеографического скрипта и за принудительное введение мандаринского языка во всём Китае. По отношению национальных меньшинств Китая, их программа сводилась к полной ассимиляции через принудительное обучение мандаринскому языку.

В противоположность интегралистам, федералисты выдвинули идею национальной федерации; их формула была и есть – одно государство, много наций, много языков. Позже со временем эта школа была возглавлена китайскими коммунистами, которые и сейчас практически реализуют её программу. Федералисты выступили за реформу письма, говоря, что единство и прогресс нужно искать не в общем скрипте, который народ всё равно не понимает (в Китае около 96 процентов населения неграмотные), а в распространении грамотности среди народных масс. По мнению федералистов, факт, что ханьцы говорят на разных языках, не является

опасным, потому что языковой раздел ещё не означает политического разделения, а ханьцы, разговаривающие не мандаринским языком, всё же принадлежат к ханьской нации (нации Гань или Хань), о чём свидетельствует общее историческое прошлое и культурные традиции.

Очевидно, ответ на вопрос, почему ханьцы, будучи сегодня формально одной нацией, говорят несколькими отличительными языками, нужно искать в материальной базе общества. Слабо развитый капитализм, отсутствие рынков всекитайского масштаба, мизерное развитие путей общения и т. п. – факторы нисколько не благоприятствовали консолидации отдельных диалектов на базе, скажем, мандаринского языка, как языка главного и самого влиятельного. Форма письма тоже не благоприятствовала объединению, а, наоборот, из-за своей недоступности массам, способствовала отдельным диалектам развиваться в отдельные отличительные языки. Из-за общей неграмотности населения сфера культурного влияния была тоже ограничена. Средний китаец не имел никаких возможностей познакомиться с произведениями Ли Бо или Конфуция, потому что препятствием стояло и стоит непонятное письмо. Глядя на общую отсталость в развитии общества, между ханьцами, как и вообще в целом Китае, сейчас не заметно никаких острых национальных отношений или вражды. Характерным признаком этого состояния является тот факт, что во время трёх последних китайских революций XX- столетия (1911-12, 1925-27, и 1949-50 гг.) со стороны ханьцев, которые разговаривают на разных языках, не проявилось никаких тенденций на отделение от целого китайского государства. В России во время обеих революций 1917 года наблюдалось, как известно, совсем противоположное явление, в частности в отношениях между славянскими нациями: российской, украинской и белорусской. По-нашему мнению, такое

положение в национальных отношениях во время революций в обеих странах может указывать только на то, что революции в обеих странах произошли на разных ступенях развития этих стран.

Вместе с разноразличными ханьцами, в Китае насчитывается более 60 разных национальных меньшинств. Хотя нацмены и составляют относительно небольшую часть в населении Китая – только 36 млн. человек, они заселяют более половины всей территории Китая. Наиболее численными компактными группами являются такие народности, как чжуань, буи, и, мяо, уйгуры, тибетцы, монголы, корейцы и т. д. Большинство национальных меньшинств Китая живёт на окраинах – в Тибете, Внутренней Монголии, Синкянге и других провинциях и главным образом в горных районах, мало пригодных для сельского хозяйства. Причиной этого была экспансия ханьцев с востока, которые постепенно оттеснили менее развитые племена на худшие земли и в горы.

Большинство нацменьшинств, это преимущественно племена и народности, которые на сегодняшний день не являются ещё совсем оформленными нациями и находятся в стадии развития и национального становления. Много меньшинств до сих пор живут примитивными коммунами, удерживая племенной уклад. В одной народности только недавно китайские коммунисты запретили рабство. Другие же народности имеют сейчас высокоорганизованные феодальные общества. Однако, капитализм до сих пор не бывал в этих уголках мира. Главным занятием нацменов является скотоводство, охота, хотя много занимается и сельским хозяйством.

В прошлом нацмены претерпели немало всесторонних притеснений от ханьцев. У нацменов отбирали не только лучшие земли, скот и прочую собственность, но и их культурные традиции,

язык, религию. После образования демократической республики в Китае в 1911 году, нацменам гарантировались равные права с ханьцами. Однако с приходом Чан Кайши влиятельному среди националистов, политика китайского правительства по отношению к нацменам резко изменилась. Чан Кайши ввёл политику «пан-китаизма» (велико-китайского национализма), которая заключалась в абсорбировании нацменьшинств ханьской средой. Официальная линия Чан Кайши была подобной линии российского царизма: он не признавал даже самого физического существования национальных меньшинств. В вопросе языковой политики Чан Кайши стоял на стороне вышеупомянутых интегралистов и насаждал принудительное обучение мандаринскому языку во всех школах Китая.

Какой же является национальная политика китайских коммунистов и как они практически развязывают национальный вопрос? Китайские коммунисты осудили и отбросили теорию Чан Кайши о том, что Китай заселённый одной нацией и взамен признали факт, что Китай является многонациональной страной. Национальные меньшинства признаются совсем отдельными нациями со своим собственным языком, культурой и т.д.

Уже в 1938 году, на VI съезде коммунистическая партия Китая признала за меньшинствами право на национальную автономию и выступила против принудительного обучения меньшинств мандаринскому языку. Во всей же ширине национальная политика КПК была сформулирована в «Общей программе» Китайского Народного Политического Консультативного Совета, которая была принята в 1949 году, во время создания центрального коммунистического правительства Китая. Пункт 9-й этой программы гарантирует всем национальностям Китая равные права и обязанности. Пункт 50-й официально осуждает велико-государственный и

местный национализм, причём велико-государственный, то есть пан-ханьский национализм, поставлено на первое место. Пункт 51-й гарантирует нацменам национальную автономию. Пункт 52-й предоставляет нацменам вступать в китайскую армию, а также, что очень важно, создавать свои собственные местные органы безопасности в рамках всеобщей военной системы Китая. И наконец, пункт 53-й этой программы гарантирует свободу национальным меньшинствам развивать свой устный и письменный язык, делеять свои культурные традиции, обычаи и религию.

В административной области основной особенностью этой программы является право национальных меньшинств создавать свои собственные местные автономные области. Есть три типа автономии в Китае: а) областные автономии, где проживает определённая компактная группа, б) пропорциональные автономии, с пропорциональным представительством разных национальных меньшинств в органах власти на территориях со смешанным населением, в) экстерриториальная автономия тем национальным меньшинствам, которые разбросаны по всей стране и не живут компактными массами, им обеспечено право участия в органах власти. С началом 1953 года в Китае было создано 170 автономных областей национальных меньшинств с общей численностью населения более 10 млн. человек. В смешанных же районах под конец 1952 года было создано более 200 пропорциональных, так называемых демократических коалиционных правительств.

Каждая автономная национальная область является интегральной частью КНР, о чём говорит 3-й пункт Конституции КНР. В конституции ни слова не сказано о правах национальных меньшинств на государственное отделение от КНР. Этот интересный факт можно объяснять по-разному. Чжоу Эньлай, например, заявил в 1951 году, что автономия - это лишь начало развязки наци-

онального вопроса в Китае. По его мнению, формы национальной автономии должны отвечать уровню общественного развития отдельных наций, и этим самым он намекал на отсталость нацменов в Китае. Возможно, что и на самом деле национальные меньшинства в Китае сегодня ещё и не нуждаются, и не требуют больших прав, нежели автономия. Вместе с этим, можно предположить ещё и то, что китайские коммунисты сами ещё не лишены некоторых централистических тенденций и поэтому конституция не гарантирует нацменам ничего большего, чем автономия. Например, присоединение Тибета к Китаю коммунисты мотивировали отчасти тем, что, так сказать, Тибет был когда-то частью Китая. Такая аргументация, конечно, не является интернационалистической. Кроме этого можно ещё обратить внимание и на такое сравнительное объяснение. Сегодня ясно, что российским большевикам в 1917 году более всего подходило не освобождение, а получение поддержки в массе нероссийских наций империи. Как признавался сам Сталин, без поддержки этих масс большевики никогда не удержались бы у власти под ударами Деникина и других реставраторов. Чтобы получить эту поддержку, большевики обещали всё, даже право на государственное отделение. Китайские коммунисты в поддержке небольшого количества нацменов не нуждались, поэтому они и не раздавали больших обещаний. Всё же, не обращая внимания на отсутствие гарантии нацменам права на государственное отделение, и даже на государственный статус внутри КНР, нам кажется, что меньшинства в Китае имеют сейчас несравнимо больше свободы, чем нерусские народы СССР со всеми их формальными правами.

В первую очередь очень характерным является отсутствие «старше-братства» со стороны ханьцев по отношению к нацменьшинствам, не обращая внимания на несравненно низкий культур-

ный уровень многих меньшинств. Ханьцы не вопят, как Москва, о благотворном влиянии их культуры на культуру нацменов, о превосходстве ханьской нации, передовой её роли в революции и т.д.

Напротив, они осуждают всякие проявления «старшебратства» и велико-государственного шовинизма. В октябре 1951 года Чжоу Энлай, высказываясь о национальном вопросе в Китае, заявил, что нужно «продолжать обучать китайцев, и специально – кадровиков, серьёзно уважать право национального равенства нацменов, линии их народов, а также ликвидировать всякого рода шовинистические воздействия господствующей нации панкитаизма». Очевидно, что такие слова в России мог когда-то сказать разве, что Ленин, только никто не осмеливался так сказать о великорусском шовинизме в сталинские и после сталинские времена.

Наибольшей автономной областью и по территории, и по населению в Китае является Внутренняя Монголия, автономное правительство которой создано 1 мая 1947 года. Наибольшим районом, принадлежащих группе пропорциональных коалиционных правительств, является провинция Синьцзян, одна из наибольших и наиглавнейших провинций Китая, в которой насчитывается до 13 национальностей. Самой многочисленной национальностью являются уйгуры, которые составляют 75 процентов всего населения провинции.

Наивысшим административным органом Внутренней Монголии является Народный Государственный Совет, который состоит из 20 членов, 17 из которых являются монголами, а 3 – китайцами, которые представляют китайское население, проживающее на этой территории. Наряду с этим, 5 монголов являются членами законодательных органов в Пекине, где они официально представляют Внутреннюю Монголию при центральном правительстве

Китая. Во Внутренней Монголии три четвёртых правительственных работающих являются монголами. Правительственным языком является монгольский язык, а не мандаринский. Внутренняя Монголия имеет свою собственную армию, которая, правда, является составляющей частью китайской армии. Она также имеет свой собственный флаг и т.п.

Подобные вещи существуют и во всех других автономных областях Китая. Все местные административные, экономические, финансовые и культурные дела находятся в руках самих нацменов. Правительственным и школьным языком является их собственный язык. Весьма веским фактом является то, что нацмены имеют право создавать свои собственные органы безопасности. Таким образом, автономные области в Китае имеют отчасти больше прав, а главное – больше свободы, нежели республики в СССР.

Дела национальных отношений во всекитайском масштабе находятся в руках так называемого Комитета по делам национальностей, в который входят представители от всех национальностей Китая. Задаaniem этого комитета является административное урегулирование дел национальных отношений и исправление всяких недоразумений и споров. Этот комитет напоминает собой, что-то вроде Комиссариата Национальностей, который существовал в РСФСР перед образованием СССР в 1922 году.

Немало внимания посвящается в Китае делу культурного развития и воспитания национальных кадров среди нацменов. Для этого в Пекине создан Центральный Институт Национальностей, где обучаются представители 60 национальностей. Языковой отдел Института недавно открыл письмо для народностей и и мяо, которые до этого времени своего собственного письма не имели. Студенты национальных меньшинств в Китае, имеют право первоочередности при поступлении в средние и высшие школы Китая. Эти

меры были приведены для поощрения нацменов, приобретать среднее и высшее образование.

Уже на основании этих фактов можно сделать заключение, что национальная политика КПК значительно отличается от политики КПСС. Китайские коммунисты поступают все по-своему, утверждая, что они проводят в жизнь марксистскую национальную политику, приспособленную к специфическим китайским условиям.

Какие же перспективы развития национальных отношений в Китае на будущее? С развитием продукционных сил в Китае будет увеличиваться и культура, национальное сознание и национальная отдельность народов, населяющих эту страну. Реформа письма, возможно, способствует полнейшему разделению между самими ханьцами. Национальные меньшинства уже сегодня стали на путь преобразования из народностей в нации. На наш взгляд, первым пробным камнем национальных отношений в Китае будет Синкянг, наблюдая быструю индустриализацию этой провинции сегодня. Уйгуры, что составляют три четверти населения этой провинции, завтра будут иметь свою национальную культуру. Или уйгуры и другие национальности предпочтут завтра быть частью Китая или иметь своё собственное государство, зависит от национальной политики китайских коммунистов. Становление наций в процессе индустриализации и общего развития продуктивных сил является исторической закономерностью. Отделение же наций в отдельные государственные единицы есть вопрос политический. Поэтому, не обязательно, что национальные меньшинства в процессе своего экономического и культурного развития требуют права на отделение от Китая. Они требуют этого права и стремятся использовать его только в случае, если их дальнейшее пребывание в составе большого многонационального государ-

ства будет препятствовать их собственному всестороннему развитию, то есть преградой исторической закономерности. В буржуазной Швейцарии могут сосуществовать рядом три разных нации – немцы, французы и итальянцы, потому что у них совместные интересы и ни одна нация не порабощает другую нацию. Так разве невозможно такое сожительство и в Китае, или в ином месте? Поэтому мы и говорим, что политическая целостность Китая в будущем, будет зависеть прежде всего от политики центральной власти.

Аграрный аспект китайской революции

Старый Китай был отсталой сельскохозяйственной страной с очень низким уровнем развития продуктивных сил. Так, промышленная продукция составляла всего около 10%, а продукция сельского хозяйства – около 90% стоимости продукции всего народного хозяйства Китая. Сельское население составляло более 80% всего населения страны, а из 20% городского населения половина была в той или иной степени связана с селом. Всё же население Китая, по переписи 1953/54 гг., составляет 602.000.000 человек, включая Формозу.

Характерной чертой всех недоразвитых стран является аграрное перенаселение. В Китае оно достигает огромнейших размеров: 80% населения живёт всего-навсего на 17% земельной площади Китая, а на каждую квадратную милю обработанной земли приходится 1.500 человек населения. Причиной такого большого аграрного перенаселения является, бесспорно, низкий уровень развития продуктивных сил, в отдельности и прежде всего – промышленности, которая могла бы абсорбировать избыточную рабочую силу из села. Явным следствием низкого развития продуктивных сил есть мизерный процент культивированной земли. Так, из общего количества 300 млн. га полезной для земледелия земли, в Китае перед революцией обрабатывалось около 100 млн. га, то есть всего 33%. Для возделывания остатка земли в Китае не доставало тягового скота и семян, совсем не было машин, плохими бы-

---

Чернета, Василь. Аграрний аспект китайської революції // Вперед (Мюнхен). – 1954. – Ч. 7 (44). – червень. – С. 4 – 5. Перевод с украинского языка А. Бондарь.

ли пути сообщения, а кроме этого и феодально-помещичьи формы собственности на землю не давали возможности крестьянам её обрабатывать.

В Китае 10% хозяйств (помещики и зажиточные крестьяне) владели 68% всей обрабатываемой земли, в то время, когда остальная часть 90% дворов имели всего 32% земли. Таким образом, главную массу китайского крестьянства составляли малоземельные или совсем, безземельные крестьяне. На Западе распространена фальшивая мысль о том, что Китай будто был страной крестьян – собственников. Вышеприведённые данные говорят о совершенно другом. Также с данных китайского Национального Бюро Сельскохозяйственных Экспериментов за 1941 год известно, что 63% китайских крестьян были арендаторами или полуполуарендаторами и только 37% имели в собственности какой-то кусок земли. Это же Бюро сообщило, что за период с 1911 по 1941 год количество крестьян-арендаторов увеличилось, а количество крестьян-собственников уменьшилось на 11%. Этот факт свидетельствует о том, что процесс концентрации земли в руках помещиков непрерывно шёл вперёд, разрушая крестьянство и обостряя классовое противоборство.

Главным средством эксплуатации крестьян помещиками в Китае была очень высокая земельная рента, которая в среднем равнялась 50-60 % урожая, который крестьянин обязан отдавать помещику за пользование его землёй. В некоторых провинциях, например, в Сычуане, рента достигала 75-80% урожая. Существовали все три формы докапиталистической земельной ренты, но превосходила рента натуральная, что свидетельствует о наличии феодализма в китайском хозяйстве.

Китайские помещики были заинтересованы лишь в сборе высокой ренты с крестьян. Концентрируя землю в своих руках путём

её скупки или отбирания у крестьян за долги, они не расширяли свои хозяйства, а сдавали землю в аренду тем же крестьянам, у которых эту землю отбирали. Сдавать землю в аренду было выгоднее, чем обрабатывать её наёмной рабочей силой.

Методы ведения хозяйства в Китае были примитивными, а продуктивность труда чрезвычайно низкой. В результате старый Китай, являясь аграрной страной, вынужден был ввозить пищевые продукты и рис из-за границы, потому, что собственной продукции для пропитания населения, не доставало. Частые голодоморы, забиравшие жизни миллионов крестьян, постоянно вспыхивали в этой стране. Дефицитное сельское хозяйство и обедневшее крестьянство сужали до минимума внутренний рынок в стране, не могли создать сырьевые базы и достаточной покупательской возможности для нормального вольного капиталистического способа индустриализации. Продуктивные силы китайской нации при такой социально-экономической системе развиваться не могли. Аграрная реформа была исторической необходимостью.

Китайское националистическое правительство не делало практически ничего, чтобы развязать аграрный вопрос. Земельная реформа, начатая националистом-демократом, Сунь Ятсеном после первой народной революции 1911 года (которая снесла в Китае монархию и установила демократическую республику), была прекращена после его смерти, когда руководство среди националистов перешло в руки Чан Кайши. Даже программа Чан Кайши, которая предусматривала только снижение земельной ренты на 25%, а не аграрную реформу, была отстранена, потому что помещики и дворяне, которые владели политической властью в своих руках, выступили против неё. Такое положение создало вполне благоприятные условия для выступления коммунистов со своей программой развязки этого вопроса.

Китайские коммунисты до 1931 года, то есть когда к власти КПК пришёл Мао Цзедун, не имели ясной аграрной программы, подобно как Ленин в России не имел её до самого 1917 года. До 1931 года в КПК преобладали разные лево-троцкистские элементы, которых возглавлял Ли Лисань, которые ставили ставку на вооруженный захват индустриальных центров и совсем не придавали значения крестьянскому вопросу.

Мао Цзедун появился в КПК как крестьянский вождь и незамедлительно провёл линию опоры партии на крестьянские массы. С этого времени аграрный вопрос занял одно из центральных мест, в программе китайской компартии.

До 1950 года аграрная политика КПК в основном была подчинена задачам военно-политического характера. Чтобы завоевать симпатии крестьянских масс, партия выдвинула программу насильственной конфискации земли помещиков и зажиточных крестьян и передачи её бесплатно безземельным и малоземельным крестьянам. Во время освободительной войны против японских оккупантов в 1937-1945 гг., когда был создан объединённый фронт с националистами Чан Кайши, партия была вынуждена отказаться от своей левой аграрной программы целиком, чтобы удовлетворить националистов и сохранить целостность всех сил нации в лице империализма. Тогда аграрная политика и коммунистов, и националистов предусматривала лишь снижение земельной ренты.

С 1945 по 1950 годы, когда снова вспыхнула гражданская война между коммунистами и националистами, КПК вновь приняла свою предыдущую левую аграрную программу насильственной конфискации земли не только у помещиков, но и у богатых крестьян. Такая политика мотивировалась условиями гражданской войны и народной революции. Конфискацию земли богатых кре-

стьян КПК оправдывала тем, что богатые крестьяне в основном находились на стороне помещиков и поддерживали Чан Кайши.

В северных районах Китая, занятых китайской красной армией, 10 октября 1947 года была провозглашена первая аграрная реформа. Кроме конфискации помещичьих земель, она провозгласила конфискацию и земель богатых крестьян, но не целиком, а только те земли, которые превышали средний надел земли в данном районе. Земли середняков вообще не затрагивались.

Очень важно отметить, что ни вот эта первая реформа 1947 года, ни предыдущие отдельные территориальные реформы, не провозглашали национализации земли. Только один раз, на VI съезде КПК в 1928 году, было упомянуто, что национализация земли будет проведена после того, как советская власть победит во всём Китае или в решающих районах. Однако, ни в одном из аграрных законов позднего времени про это больше никогда не вспоминалось. Реформа 1947 года провозгласила частную крестьянскую собственность на землю с правом свободной продажи и покупки земли.

Начиная с 1950 года, аграрная политика КПК мотивируется уже заданиями экономически-политического характера. В 1949 году гражданская война вошла в стадию своего победоносного завершения, и целый континентальный Китай оказался под контролем КПК. Победа требовала перемен не только в аграрной, а, и в общей экономической политике партии. Перед КПК и новым правительством Китая появилось новое задание: восстановление экономики страны, находящейся в руинах, а также индустриализации страны. Ясно, что без проведения аграрной реформы в общенациональном масштабе развязка вышеуказанных задач была бы исключена.

Поэтому, 28 июля 1950 года правительство приняло новый закон об аграрной реформе, который касался всей страны. Новый закон резко отличается от закона 1947 года своим рассудительным, реформистским характером.

Уже в апреле 1948 года Мао Цзедун выступил с острой критикой «левых уклонов» в КПК и заявил, что во многих районах много крестьян, «которые не занимались феодальной эксплуатацией», были ошибочно причислены к помещикам и их земли были конфискованы. Это явление Мао Цзедун считал пагубным.

Новый аграрный закон 1950 года уже чётко провозгласил, что земля зажиточных крестьян, которую они обрабатывают сами или с помощью наёмного труда, конфискации не подлежит. Эта политика охраны земли и имущества зажиточных крестьян приняла официальное название «политики сохранения экономики богатых крестьян». Как заявляют китайские коммунисты, такая политика мотивируется интересами развития народного хозяйства Китая, а для этого нужно использовать максимально всю товарность зажиточных хозяйств. Мао Цзедун заявил в июле 1949 года, что «сохранность экономики богатых крестьян послужит стремительному восстановлению всей экономики и одновременно изолирует помещиков».

Богатым крестьянам сейчас разрешено нанимать рабочую силу для обработки земли и ведения хозяйства, разрешено арендовать и покупать землю. Партия заявила, что на данном этапе должна быть ликвидирована только лишь феодальная эксплуатация труда (высокая земельная рента, ростовщический процент и непродуктивная концентрация земли в руках помещиков). Эксплуатация же труда кулаками является капиталистической эксплуатацией и потому должна быть разрешена в данный период так называемой «Новой Демократии», которая в области эконо-

мики обозначает государственный капитализм. («Новой Демократией» Мао Цзедун официально называет современную форму государственно-политической организации общества в Китае). Кроме этого, КПК заявляет, что новая аграрная реформа не является направленной против капитализма, а только лишь против феодализма, пережитки которого существовали в дореволюционном Китае.

Главным положением земельной реформы 1950 года является ликвидация основ помещичьей собственности на землю и установления крестьянской частной собственности. Вся конфискованная помещичья земля передаётся бесплатно в собственность крестьян. Покупка, продажа и аренда земли разрешается законом.

Помещики ликвидируются как класс, а не как индивидуумы (за исключением так называемых «деспотов» и коллаборационистов), и закон охраняет их от всякого физического насилия. Каждый помещик имеет право на кусок земли, равный по размеру среднего крестьянского хозяйства в данном районе. Промышленные и торговые предприятия помещиков, земли и имущество, которые используются для функционирования таких предприятий, конфискации не подлежат, потому что это есть капиталистические, а не феодальные формы собственности.

Эта китайская земельная реформа, как видим, принципиально отличается от земельных законов русской революции 1917-1919 гг. Китайская реформа сознательно охраняет все экономично продуктивные элементы капитализма в сельском хозяйстве (частная собственность на землю, а не национализация, хозяйство зажиточных крестьян, промышленных помещиков и т. д.), потому что КПК, очевидно, исходит из известного марксистского принципа, что новый способ производства никогда не может прийти на место старого, если этот последний не исчерпал ещё целиком все

свои силы и возможности. А капитализм в Китае так был недоразвитым. Русская же аграрная революция, хоть выходила с принципиально подобных исторических условий недоразвитого капитализма, приняла в самом своём начале плебейско-деструктивный характер «чёрного передела», «грабежа награбленного», - и то всё... во имя социализма, то есть высшего, чем капиталистический, способа производства. Последствия русской аграрной революции, как в своё время верно отметила Роза Люксембург, а во время НЭПа признал и Сталин, были очень печальными для социализма: вместо 14 млн. крестьянских дворов создано, аж, 25 млн., а товарная продукция целого сельского хозяйства упала неимоверно низко. КПК, очевидно, осведомлена результатами этого опыта и не хочет его повторять.

Реформа 1950 года в основном была закончена весной 1953 года. На территории с сельским населением около 450 млн. человек, было распределено около 47 млн. га земли, которую получили более 300 млн. безземельных и малоземельных крестьян. Три года, на протяжении которых проводилась реформа, свидетельствуют о том, что проводилась она постепенно и в разное время в разных районах. Проведение реформы происходило под строгим контролем и присмотром правительства, то есть она была проведена свыше, согласно установленному заранее плану. Лю Шаоци, первый секретарь КПК, предостерег крестьян, чтобы они сами не начинали никаких реформ, и если бы они начали спонтанно делить землю, то их нужно от этого сдерживать. Такое отношение к способу проведения реформы свидетельствует о том, что КПК была против революционности и анархии в распределении земли и что сама реформа носит чисто реформистский характер, хотя исторически, обыкновенно, она является сплошь революционным явлением. При проведении реформы в Китае не было никаких

массовых грабежей, сжигания помещичьих поместий, растягивания национализированного добра. Вместо этого господствовал порядок, организованность, законность.

Таким способом проведения земельной реформы китайская революция совершенно отличается от русской революции, где аграрный вопрос развязывался снизу, самими восставшими крестьянами, а власть могла издавать земельные законы только постфактум. Разница эта, очевидно, объясняется в большей мере конкретной обстановкой русской и китайской революций. В России в 1917 году большевистская партия имела немалое количество конкурентов в борьбе за симпатии крестьянства. Такими конкурентами были, прежде всего, эсеры. Чтобы склонить крестьян на свою сторону, большевики были вынуждены выбрасывать деструктивные лозунги «грабь награбленное», «сжигай помещика», «дели землю» и т. п. В Китае ситуация была полностью отличительной. КПК не имела никаких конкурентов, крестьяне были все на её стороне, и поэтому не было надобности выбрасывать деструктивные лозунги. Приход коммунистов к власти в Китае не был бы возможным без массовой поддержки крестьянства. Коммунисты пообещали крестьянам землю и выиграли гражданскую войну. Китайская революция была в большей мере аграрной революцией: крестьянин в ней боролся за землю и за уничтожение старого социального порядка на селе. В этой статье, однако, мы не можем затронуть вопрос, получил ли китайский крестьянин всё то, за что боролся....

Иван Майстрэнко

Укрупнение колхозов и коммун в Китае

Московская «Правда» от 29 августа 1958 года напечатала постановление ЦК Коммунистической Партии Китая об укрупнении сельскохозяйственных кооперативов и переводе их в коммуны. В этом процессе, который должен охватить 500 миллионов аграрного населения Китая, прослеживается две разные тенденции: с одной стороны, это отвечает тому, что произошло в СССР в 1951 году - укрупнение колхозов, с другой стороны образованием сельскохозяйственных коммун выдвигается практическое задание осуществить принцип коммунизма – от каждого по способностям, каждому по потребностям.

Укрупнение сельскохозяйственных кооперативов в Китае отличается от советского, во-первых, тем, что в Китае оно приобретает более грандиозный характер. Там коммуна должна объединять от 2 до 6 – 7 тыс., а в отдельных случаях и до 10 – 20 тыс. крестьянских дворов. Коммуна может охватывать даже целый административный район. В постановлении ЦК КПК сказано: «Необходимо также объединение органа власти с коммуной: волостной комитет партии – это партийный комитет коммуны, а волостной народный комитет – это народный комитет коммуны».

Майстренко І. Укрупнення колгоспів і комун в Китаї / І. Майстренко // Вперед (Мюнхен). – 1958. – Ч. 9 (93), вересень. – С. 3 – 4. Перевод с украинского языка А. Бондарь.

Но всё же укрупнённая китайская коммуна принципиально отличается от укрупнённого советского колхоза, прежде всего своим производственным направлением. В то время, как укрупнённый советский колхоз берёт курс на специализацию производства (колхозы зерновые, животноводческие, хлопковые и т.д.) в Китае прямо заявляют, что «одноотраслевые...кооперативы... уже не отвечают требованиям времени. Теперь окончательным заданием является создание народных коммун, в которых всесторонне развивается сельское хозяйство, лесничество, животноводство, вспомогательное хозяйство, рыбоводство и в которых совмещаются одно с другим промышленность, сельское хозяйство, торговля, образование и военное дело.

Кроме того, китайская коммуна много чем напоминает те советские коммуны первых лет революции, которые Сталин разгромил и перевёл в статус артелей. В постановлении ЦК КПК читаем: «... ломая кооперативные, волостные, уездные границы, широкие массы в своих действиях стали придерживаться принципа: военизировать организацию, действовать в боевом духе и вести коллективный образ жизни, ... создание общественных столовых, детских садов, ясли, швейных мастерских, парикмахерских, общественных бань, «зданий счастья», сельскохозяйственных средних школ/школ подготовки красных и квалифицированных кадров и т. д. ведёт крестьянство к более счастливой коллективной жизни»...

Постоянное подчёркивание военизации и коллективного способа жизни делает китайскую коммуны, в какой-то степени, подобной общинам античной Спарты, с той лишь разницей, что в Спарте руководящие кадры были только военными, которым запрещалось заниматься производством, а в Китае наоборот: предъявляется требование «участия кадровых работников в производстве». Вообще китайцы всеми способами стараются не допустить

бюрократизма советского типа, где бюрократия оторвана от народа, презрительно относится к физическому труду, холодно-эгоистическая. Китайские «аппаратчики» - это пока ещё скромные идеалисты, преимущественно герои гражданской войны. И может поспешность Мао Цзэдуна в «строительстве коммунизма» продиктована стремлением постичь максимум пока ещё не «зачерствелые сердца» китайской бюрократии.

В постановлении ЦК КПК далее сказано: «Хорошо было бы в один приём осуществить укрупнение кооперативов и переход их в коммуны», «Когда нельзя, но нужно это сделать в два приёма». Очень важной стороной решения ЦК КПК о коммунах является требование, «не только не допустить, чтобы это движение негативно сказалось на производстве, но и, наоборот нужно сделать это движение гигантской силой, которая сдвинула бы производство до ещё большего скачка вверх».

Далее в постановлении сказано, что при создании народных коммун не следует торопиться с ликвидацией приусадебных участков, отбиранием фруктов деревьев с индивидуального пользования, обобществления паевых взносов (решение этих вопросов «может быть отложено на 1 – 2 года»), между тем при объединении богатых и беднейших кооперативов нужно «отказаться от скрупулёзности при расчётах, от требования выплаты нехватки (разницы), не увязать в мелочах».

Постановление требует также не переделывать народные коммуны в государственные хозяйства (совхозы), потому что «государственные хозяйства не способствуют внесению в них промышленности, сельского хозяйства, торговли, образования и военного дела».

Постановление требует «после создания народных коммун не спешить с преобразованием собственности во всенародную, чтобы

«избежать ненужных осложнений». Потому что в коллективной собственности, так сказать, уже есть элементы всенародной собственности. «Преобразование коллективной собственности во всенародную представляет собой целый процесс. В одних районах такое преобразование будет осуществлено... за три – четыре года, в других... для этого будет нужно пять – шесть лет, или ещё больше. После того, как народная коммуна перейдёт от коллективной собственности к всенародной и будет похожа на государственное промышленное предприятие, она по своему характеру всё же останется социалистической. Так будет осуществляться принцип: от каждого по способностям, каждому по его труду». Когда увеличится общественный продукт, повысится образование, коммунистическая сознательность и «моральные свойства всего народа», когда исчезнет разница между: городом и селом, между умственным и физическим трудом, «когда функция государства будет заключаться лишь в том, чтобы отражать агрессию внешних врагов, и внутренние функции государства отомрут, только тогда общество в нашей стране вступит в коммунистическую эпоху, в которой будет осуществлён принцип: от каждого по его способностям, каждому по его потребностям». Таким образом, в китайских коммунах в настоящее время ещё не будет реализован этот наиглавнейший принцип коммунизма. Подготавливаются только организационные предпосылки для его осуществления. «Образование народных коммун, - сказано в постановлении ЦК КПК, - преследует, прежде всего, цель ускорения темпов социалистического строительства... Очевидно осуществление коммунизма в нашей стране уже не является чем-то далёким. Мы должны использовать форму народной коммуны и через неё найти конкретный путь перехода к коммунизму».

Образование коммун в Китае не носит того, утопического характера, который был присущ эпохе образования коммун в СССР. В СССР коммуны создавались больше с идеалистических мотивов, а в Китае с хозяйственных – для возведения аграрного производства и не иначе. В этом как будто реализм китайских коммунистов: у них коммун не будет, если одновременно не будет возведения сельского хозяйства. А возведение сельского хозяйства на базе коммун – это уже огромное достижение. Только для реалистического мышления, и прежде всего для мышления марксистского, трудно представить, чтобы мелкий собственник не только охотно пошёл в коммуну (речь идёт обо всех пятисот миллионах крестьян без разбора!), однако при этом ещё и «скачком» повысил бы сельскохозяйственную продукцию.

Есть в китайском коммунизме, безусловно, много насилия. Когда югославские корреспонденты пишут с иронией из Китая, что там домовладельцы выходят на демонстрации и танцуют от счастья, потому что их дома национализированы, то каждому понятно, что это является особенной формой террора. Но всё-таки это гуманнее, чем сталинские высылки на Соловки... Можно даже сказать, что в том танце китайских домовладельцев есть элементы духовной капитуляции перед организованной силой китайского коммунизма. Если была одна только злоба - домовладелец пошёл бы в восстание. Между тем в подстрекании китайских коммунистов самих себя в том, что капиталистический класс в Китае сам «хочет перевоспитаться», как это говорил секретарь ЦК КПК Лю Шаоци, впрочем, как и в наведённой выше цитате о возведении «моральных способностей народа», - есть в тему что-то такое, что разит марксистское ухо. Никогда никакой класс сам себя не отрицает, не считает себя грешным, требующим перевоспитания. Подобным образом моральный уровень всякого народа является вы-

соким ровно настолько, насколько это ему нужно в борьбе за существование. Следовательно, мечта о ещё более высоком вознесении морального уровня народа (до какого уровня вознесение? До уровня, надуманного в догматических кабинетах?) является чем-то чужим марксизму.

Но не будем суровыми к людям, на плечи которых выпала гигантская историческая миссия – как можно быстрее вытянуть 600 миллионов людей из нищеты и темноты. В конце концов, наша суровость – это только тревога перед возможными отклонениями китайской революции на бюрократическое бездорожье. Может как раз в том несчастном Китае, голодном и убогом, заложены возможности для более лёгкой реализации, намеченной ЦК КПК программы, которая в европейских условиях представляется невозможной к реализации, и от какой в 1920 году отказался Ленин, когда провозгласил банкротство политики «военного коммунизма» и замену её политикой НЭПа, то есть рыночной экономики. Ленин поступался перед европейскими принципами, однако ли эти принципы обязательны для Китая – тот ещё вопрос. Людям голодным и ободранным нечего терять от того, что их заставляют коллективно работать и коллективно жить, только бы при этом хоть на сто грамм больше достать хлеба. И когда китайским коммунистам посчастливится дать китайскому человеку хоть на сто грамм больше хлеба, нежели он имел до сих пор, большой эксперимент китайской компартии можно будет считать удачным.

Несомненно, китайский социализм (за 5 – 6 лет) не укладывается в марксистское представление о природе социализма. В марксовой концепции социализма рынок и деньги отмирают тогда, когда выдача человеку продуктов без ограничений, «по потребности» станет ЭКОНОМИЧЕСКИ более выгодным для общества делом, нежели продажей за деньги. Так как теперь уже выда-

ча воды без ограничений (только с приблизительной оплатой за месяц) рентабельнее, нежели измерения её употребления для каждого человека, так марксизм представляет проникновение социализма во все другие сферы хозяйственной и общественной жизни. «Диктатура пролетариата» по Марксу может только способствовать быстрейшему осуществлению этого закона, но не отмены его.

В Китае отдалённость к ликвидации рынка по мотивам рентабельности измеряется, наверное, более, нежели пятью – шестью годами. Стало быть, если там, рынок за 5 – 6 лет исчезнет, то исчезнет он от насилия, а не от хозяйственной рентабельности. И всё же можно себе представить исчезновение рынка в Китае из-за насилия. Принимая во внимание, что для сотен миллионов китайских нищих, рынок до сих пор не играл существенной роли. Однако к такому, без рыночному и без собственному, милитаризованному китайскому обществу, трудно употребить Марксово понятие «социализм». Очевидно жизнь пестрее, чем теоретические схемы. Поэтому нужно думать, что возможны такие общественные формации, где нет ни капитализма с частной собственностью на средства производства, ни социализма в европейско-марксистском понятии. А что-то новое и отменное. Впрочем, европейский цивилизованный путь не во всём является идеальным. Ну, например, в деле ограничения количества детей в семье до 1-2-3. Может Китай как раз отталкивается от таких «достижений» европейской цивилизации и создаёт предпосылки для нормального роста населения также и на высоком цивилизованном уровне.

Так или иначе, но если бы эксперимент китайских коммунистов удался, шестьсот миллионный Китай обратился бы в монолит, без внутренних антагонизмов, с очень быстрыми темпами хозяйственного и культурного развития, к тому же и военизированной

ный... Такой Китай представлял бы собой самую могущественную нацию в мире.

Энциклопедист антисталинской революции Мао Цзэдун

Переворот в Кремле, происходивший во время пленума ЦК КПСС 22 – 29 июня, был подготовлен двумя факторами – материальным и идеологическим. Материальный фактор – это создание в СССР без собственнического общественного строя, что является предпосылкой для нового типа демократии, основанной не на частной собственности на средства производства, где демократия фактически находится в кошельках богатых, а на общественной собственности на средства производства, где демократия будет в руках разумных. Материальные предпосылки для такой демократии в СССР созданы уже давно, и тот факт, что они созданы нечеловеческими кровавыми методами выродка, и преступника Сталина, не меняет сути дела – предпосылки для нового типа демократии существуют. А если они существуют, то они неминуемо входят в противоречие с тоталитарным общественным устройством, созданным во времена Сталина. Этот строй призван был разрушить пережитки частнособственнических основ экономики, переплавить 25 миллионов сельских хозяйств в обобществлённой экономике. И он это сделал. А сделав это, он стал бревном на пути дальнейшего развития, потому что уже некого переплавлять, некого коллективизировать, некого ссылать за сопротивление в Сибирь, не нужен уже террористический рычаг государственной машины. Социалистические нации СССР хотят развиваться сами, собственными силами, демократическим путём: без централисти-

---

Майстренко І. Енциклопедист антисталіністської революції Мао-Цзе-Дун / І. Майстренко // Вперед (Мюнхен). – 1957. – Ч. 7 (80). – липень. – С. 3 – 4, 7.

ческого тоталитарного опекуна. Социалистическая демократия стучится в двери, запакованного в обручи сталинизма, нового общества.

Так обстоят дела с материальным фактором, подготовившим демократическую революцию в СССР, прелюдией к которой являются события и перемены в Кремле. Впрочем, сам материальный фактор не свершает ещё революции, он только её подготавливает. Революцию совершают живые люди. А чтобы они её сделали, нужно их вооружить подходящей идеей, нужно подтолкнуть их думать, к осмыслению того нового, что создалось под скорлупой диктатуры.

Здесь нужно отметить, что сталинизм не давал ни одной возможности для осмысления людьми в СССР новых общественных отношений. Железной рукой террора он губил в зародыше всякую самостоятельную мысль, всякий критический подход к советской реальности. Он фальсифицировал марксизм и ленинизм (в «Социалистическом вестнике» за июнь 1957 Ю.Д. приводит конкретно цитату с Ленина и фальсификацию её в советском «Учебнике политической экономии» в разделе 38 о «социалистическом производстве»). Авторитетом сфальсифицированных Маркса и Ленина сталинизм пытался прикрыть собственные противоречия и оправдать трудности. Особенно жестко бил сталинизм по всякой живой мысли, идущей с капиталистического Запада, хотя бы даже она шла и не от сторонников капитализма. Для этого был создан так называемый «железный занавес» - система духовной изоляции СССР от Запада, включительно с дорогими радиостанциями-глушителями. И какая ирония судьбы: когда-то капитализм боялся коммунистической пропаганды, а сейчас, на 40 – м году революции, сталинизм довёл советское общество до такой степени

безысходности, что вынужден изолировать его даже от капиталистической критики!

Вследствие всего этого в СССР исчезла публицистика, умерли обществоведческие науки. Нет ни одного теоретика марксизма, хотя на преподавание его тратятся миллионы. Только марксизм, как и всякую другую живую мысль, нельзя купить за деньги! Газеты в СССР такие нудные, что их никто не хочет читать, потому что, например, «Правда» наполняется никому не интересной официальной перепиской между Ворошиловым и королями... или нудными рапортами «передовиков» Хрущёву и ответами Хрущёва «передовикам». Словом, мёртвая официальная болтовня, которой люди интересуются только тогда, когда там их персонально вспомнили добрым или злым словом. Точь-в-точь та самая фальшь, которая гениально изображена в произведении Яшина «Рычаги».

На этом фоне всякое живое слово из-за границы, даже слово неправильное, но откровенное и от сердца сказанное, словно благодатные капли дождя на потрескавшуюся от жары землю. Однако такое слово прорывалось из-за границы редко и то преимущественно в иноязычных изданиях, доступных узкому кругу людей в большинстве случаев студенческой молодёжи. К слову это является объяснением, почему именно эта молодёжь больше всего мятежна против сталинизма, объяснение и иллюстрация к вышесказанному – почему сфальсифицированный «марксизм-ленинизм» её не берёт. Впрочем, опубликованное иностранными изданиями для советского читателя, ценное по большей части, только в критике советской действительности, а не в позитивных выводах. Нужно было чего-то такого, что не только побуждало критическую мысль, но и выдвигало бы концепции, показывало перспек-

тиву, причём не назад, а вперёд, не пугало бы контрреволюцией и реставрацией.

Таким живым словом для СССР стали мысли коммунистов: китайских, польских и отчасти югославских (из тех дискуссий между: Москвой и Белградом, которые прорывались в советскую прессу). Но наибольшую роль в просветлении голов широких масс в СССР и прежде всего актива КПСС сыграли статьи китайских коммунистов и прежде всего Мао Цзэдуна. Читая в «Правде» статьи Мао Цзэдуна, приходишь к выводу: в каком безысходном положении находится идеология сталинизма. С одной стороны, он не может не печатать статей Мао Цзэдуна, с другой стороны эти статьи переворачивают вверх ногами всю систему «партийного обучения» в СССР и все старания цадиков сталинизма заморозить живую критичную мысль. Можно не сомневаться, что одним из требований молотовской оппозиции было требование немедленного прекращения печати статей Мао Цзэдуна в «Правде». Но запрещать было уже поздно. Статьи Мао выразились не каплями дождя на жаждущую землю, а искрой в пороховой погреб. Значение статей Мао можно сравнить разве что со значением энциклопедистов, подготовивших великую французскую революцию. Разница только та, что энциклопедисты сознательно подкапывались под враждебную им систему аристократического абсолютизма, а Мао Цзэдун совсем не хотел подкапываться под созданную Сталиным систему, он больше всего хотел только исправить её погрешности. Только и он стал жертвой «железного заслона», который не дал ему возможности рассмотреть страшную подрывную силу его идей, а, также, рассмотреть и природу сталинизма.

Посмотрим, однако, конкретней, в чём именно Мао Цзэдун нанёс удар идеологии сталинизма, и какое воздействие — это будет иметь на развитие событий в СССР.

Квинтэссенция учения Мао Цзэдуна является его концепцией о «противоречиях внутри народа». Мао делит противоречия, которые коммунизм призван развязать, на две категории: на противоречия антагонистические – между государственной системой коммунизма и её явными и непримиримыми врагами, и противоречия неантагонистические – между рабочими и крестьянами (мелкими собственниками вообще). В этой части Мао пока ещё не прибавляет ничего нового к ленинизму. Но дальше Мао говорит о противоречиях между работающими и эксплуататорами, и, по его мнению, эти противоречия «кроме антагонистической стороны, имеют также неантагонистическую сторону», то есть они являются противоречиями внутри народа, также противоречиями, которые должны быть преодолены мирным путём. «В нашем государстве, - пишет Мао Цзэдун, - противоречия между рабочим классом и национальной буржуазией относятся к противоречиям внутри народа. Классовая борьба между рабочим классом и национальной буржуазией относится вообще к классовой борьбе внутри народа, поскольку национальной буржуазии в нашей стране присущ двойственный характер. В период буржуазно - демократической революции ей, с одной стороны, была свойственна революционность, а, с другой стороны, эксплуатирует рабочий класс и вытягивает с него прибыль, однако совместно с этим поддерживает конституцию и желает принять социалистические преобразования. Национальная буржуазия отличается от империалистов, помещиков и бюрократической буржуазии».

Нужно отметить, что подобные мысли, только в узком масштабе, выдвигал в 1920-х годах в СССР Бухарин. Это же он, было, выдвинул тезис о «врастании кулака в социализм». Этот тезис Бухарина легко было распространить и на «национальную буржуазию». Но она была жестоко разгромлена марксистами – догмати-

ками, в том числе и троцкистами. Бухарину же принадлежит тезис, что после завоевания власти пролетариатом идея гражданской войны становится пагубной и реакционной. Мы не будем обсуждать вопрос о том, были ли мысли Бухарина своевременными, или нет. Скажем только, в категорическом отбрасывании этих мыслей был элемент европейского социал-демократического догматизма и презрительного отношения к мелкой буржуазии, что для Западной Европы было бы может и понятным, только для остальных стран это было и есть жизненным вопросом диктатуры пролетариата.

Но если Бухарин уделил этой проблеме лишь несколько убеждений, то Мао Цзэдун развернул целую концепцию, или, точнее, науку о неантагонистических противоречиях в народе, науку, которая взглядом догматиков могла бы показаться просто ревизией марксизма. Но поскольку эта наука защищает диктатуру пролетариата в Китае, то есть служит идее коммунизма, постольку возражение ей с марксистских позиций просто безнадежно. Мао Цзэдун говорит вещи, прямо несовместимые с марксизмом начала XX в. Он говорит, что «противоречия внутри народа – это противоречия, существующие в условиях, при которых интересы народа в основном едины». Говоря о националистических уклонах, Мао выдвигает знаменательное высказывание, которое в ближайшем времени, по всей вероятности, станет знаменем национально-освободительных движений социалистических наций СССР. Если в СССР ещё и сегодня, при переходе «от социализма к коммунизму» национальные уклоны нерусских народов очерняются как «буржуазный национализм», то в мелкобуржуазном Китае, где диктатура пролетариата существует всего семь лет, по Мао Цзэдуну «как великоханьский шовинизм, так и местный национа-

лизм...это – одно из противоречий внутри народа», то есть такое, которое нужно сглаживать мирным путём.

Рассмотрев далее конкретно свойства каждого класса китайского общества, Мао выдвигает в отрасли идеологии принцип – «пускай расцветают сто цветов», «пускай соревнуются сто школ» ... «В искусстве, - говорит Мао – могут свободно развиваться разные формы и жанры. Мы считаем, что принудительное распространение одного жанра, одной школы и запрет иного жанра, иной школы силой административной власти нанесёт урон развитию искусства и науки». И здесь слова Мао звучат как замаскированное выступление против «соцреализма». «Вопрос о правде и неправде в искусстве и науке, - говорит Мао, - должен развязываться путём /4/ вольной дискуссии в кругах деятелей искусства и науки, должен развязываться путём практики в искусстве и науке, а не упрощёнными методами. Для определения правильного и ошибочного часто нужно испытание временем... Правильное, хорошее люди вначале часто не признают «ароматным цветком», а наоборот считают его «ядовитой травой»... Из-за этого к вопросу о правде и неправде в науке и искусстве нужно подходить осторожно, поощряя свободную дискуссию и не делать скоропалительных выводов». Что до «ошибочных взглядов внутри народа», взглядов немарксистских, Мао ставит такой вопрос: «Разве можно запрещать такие взгляды, не давать никакой возможности высказывать такие взгляды?» и отвечает «Конечно, нельзя... Можно не разрешить высказывать ошибочные взгляды, но они всё равно будут существовать. А правильные взгляды, если они выращенные в теплице, если они не имели столкновения с ветром и дождём, если они не приобрели иммунитета, не смогут победить, когда встретятся с ошибочными взглядами. Поэтому только методом дискуссии, методом критики и методом раскрытия истины можно по-

настоящему развить правильные взгляды и преодолеть ошибочные».

Защищая право рабочих забастовок, Мао говорит, что нельзя опрометчиво «выгонять из коллектива предводителей забастовок, за исключением элементов, нарушивших криминальный кодекс и контрреволюционных элементов, нынче занимающихся подрывной деятельностью». Касаясь коммунистических вожakov, Мао пишет «В наше время среди многих наших рабочих растут небезопасные тенденции, проявляющиеся в нежелании делить с массами радость и горе, в стремлении личной славы и выгоды. Это очень плохо». И Мао требует «возврата значительного количества кадровых рабочих на производство» (а не в «экономические районы» и Совнархозы, как делается в СССР).

Из сказанного видно уже без комментариев, какой взрывной антисталинской силой должны были стать выступления Мао на страницах московской «Правды». Читая статьи Мао (при чём, без примечаний редакции «Правды», что эти статьи дискуссионные, то есть с утверждениями, что сказанное Мао Цзэдуном является правильным), коммунисты СССР естественным образом размышляли так: Китай отсталая страна, диктатура пролетариата существует там всего только семь лет, там ещё имеются классы трудящихся и эксплуататоров и всё же для победы социализма вождь китайской революции призывает не к беспощадной борьбе с национальной буржуазией, а к сотрудничеству с ней. Социализма в Китае ещё нет, а Мао не только разрешает, а и требует вольных дискуссий и критики, потому что иначе «правильные взгляды, если они выращенные в теплице... не могут победить». Почему же у нас в СССР, где внутренних противоречий в народе нет, или, во всяком случае их намного меньше, чем в Китае, почему у нас (скажет советский коммунист) призывают к бесконечной бдительно-

сти против невидимых «врагов народа», закрывают рот за всякую критику, каются, что напечатали совсем не антисоциалистический роман Дудинцева, вообще почему у нас заморожена всякая духовная жизнь? Почему в Китае, где опасность реставрации капитализма больше, чем в СССР, говорят не только о местном национализме, но и о национализме велико-государственном китайском, при чём оба национализма не являются «буржуазными», то есть антагонистическими противниками, а у нас, в СССР (скажет коммунист нерусской нации), прославляется русский национализм и империализм (культ Петра I, Суворова и т.п., фальшивый тезис о «добровольном» присоединении к России 400 лет назад Башкирии, Кабарды и т.п.) и справедливая критика этой неправды осуждается как «буржуазный» национализм, то есть как антагонистическое противоречие, предназначенное к беспощадному истреблению? Между тем как эта критика не является даже тем «национализмом» (внутренним противоречием), о котором говорит Мао, а в действительности чистым социалистическим требованием и критикой. И так далее.

Мы будем свидетелями дальнейшего развития событий в СССР, что их оплодотворил своей наукой великий вождь Китайской революции Мао Цзэдун.

При случае несколько слов специально для эмиграционного читателя. Науку Мао о внутренних противоречиях в народе можно было бы назвать национальным солидаризмом, что является программным принципом одной ОУН, а также русской национальной партии НТС. Поскольку сходства очень много. Но и разница огромная и её стоит здесь вспомнить, потому что этот вопрос мог бы быть доброй иллюстрацией к марксистской и идеалистической (в философском понимании) развязке социологических проблем. Национальный солидаризм Мао лишён мистификаций. Если ав-

тор националистического солидаризма (корпоратизма) Муссолини утверждал, что классовая борьба и антагонизмы являются выдумкой марксизма, а в действительности между буржуазией и пролетариатом нет никаких противоречий (чему очевидно возразит целая история человечества, история фашизма и сама смерть Муссолини). Между тем Мао, холодно-математически анализирует конкретные условия Китая и, утверждая принцип классовых противоречий, выдвигает идею национального солидаризма не как вечную мистическую идею, а как конкретную действительность сегодняшнего коммунистического Китая. Но, несмотря на такую принципиально идеологическую разницу с национализмом, Мао как будто хочет сказать, что в живой практической действительности национализм, являясь «внутренним противоречием в народе», может быть конструктивным фактором в строительстве нового бесклассового общества. Тем более это можно сказать об Украине, где внутренних противоречий в народе значительно меньше, нежели в Китае.

Падение Ли Лисаня

Недавно в Пекине состоялся VII Всекитайский конгресс профсоюзов. Одним из важных событий на этом конгрессе было отсутствие Ли Лисаня, председателя Всекитайской федерации профсоюзов и министра труда при коммунистическом правительстве. По известиям из газет, его отсутствие свидетельствует о том, что Ли Лисаня, вероятнее всего, сняли с обоих постов и вычистили из партии. Ранее, на всех предыдущих конгрессах, Ли Лисань был центральной фигурой: он произносил все главные речи и проводил в жизнь законы, относящиеся к профсоюзам и рабочему классу. На этом же конгрессе даже имя его ни разу не было упомянуто. Место Ли Лисаня на конгрессе занял секретарь Федерации Лай Джо-Ю.

Кто же такой Ли Лисань и какое значение имеет его падение? Ли Лисань был главным ставленником Москвы в Китае и лидером сталинской линии в китайской компартии. В 1949 году в «Вперёд» уже раз коротко упоминалось о личности Ли Лисаня. В 1930 году, во время партийной чистки был снят с поста руководителя КП; на его место пришёл Мао Цзэдун. До 1945 года Ли Лисань находился в СССР, но когда в этом же году красная армия оккупировала Манчжурию, он вновь появился в Китае. Тогда он вошёл в состав Политбюро китайской КП, а позже занял пост председателя профсоюзов и министра труда.

Чэрнэта В. Падіння Лі Лі-Сяня / В. Чэрнэта // Вперед (Мюнхен). – 1953. – Ч. 3 (31). – червень. – С. 5. Перевод с украинского языка А. Бондарь

Китайская компартия, как известно, состоит в основном из крестьянского элемента, учитывая сплошь аграрный характер китайского общества. Рабочий класс Китая является очень малочисленным. Москва же, понимая важную, ведущую роль рабочих в историческом развитии общества, знала какой элемент общества нужно контролировать, чтобы контролировать всё общество. С этой целью Москва и поставила Ли Лисаня во главе рабочего класса Китая.

Можно предположить, что такая политика Москвы Мао Цзэдуну не нравилась, и он ждал подходящего момента, чтобы избавиться от этого нежеланного гостя. Такой момент пришёл как раз сейчас, после смерти Сталина. Падение Ли Лисаня, возможно, свидетельствует о начале чистки сталинцев в китайской компартии. Можно надеяться, что на место Ли Лисаня придёт человек лояльный и верный Мао Цзэдуну.

Ли Лисань был не только председателем профсоюзов, но и автором т. н. Профсоюзного Закона Народной Республики Китай, который был утверждён правительством 28 июня 1950 года. Этот закон поставил профсоюзы под контроль государства. Наивысшим руководящим органом профсоюзов является Всекитайская Федерация Труда, которая подчиняется распоряжениям министерства труда. Местные отделы профсоюзов должны быть зарегистрированы в местных органах государственной власти. Но всё же китайские профсоюзы административно и структурально находятся под меньшим контролем государства, чем профсоюзы в СССР. В Китае профсоюзы контролируются только министерством труда. В СССР такого министерства нет, и профсоюзы фактически являются подчинёнными разным отдельным министерствам по производственному принципу, то есть, например, профсоюз железнодорожников - министерству транспорта, профсоюз

металлургов – министерству тяжёлой промышленности, и т. д. В Китае же государство контролирует профсоюзы всех профессий через министерство труда. Кроме того, разница между китайскими и советскими профсоюзами заключается ещё и в том, что в Китае профсоюзы в государственных и кооперативных предприятиях принимают участие в администрации предприятий, в то время как, в СССР это запрещено. Китайские профсоюзы имеют право требовать от администрации государственных предприятий сдавать профсоюзам отчёты о своей деятельности. В СССР это запрещено. В частных же предприятиях Китая существуют такие отношения, как в СССР в государственных: профсоюзы здесь не имеют права принимать участие в администрации предприятий.

Интересной является интерпретация отношений между профсоюзами и государственными предприятиями. Ли Лисань, в отчёте перед VIII съездом центрального совета народного правительства Китая 28 июня 1950 года, заявил, что «до тех пор, пока существует система заработной платы, форма отношений работодатель-работник так же будет существовать». Это был его ответ некоторым китайским коммунистам, которые выставляли аргументы, что «ввиду того, что на государственных предприятиях нет классового антагонизма, и поскольку рабочие и служащие на этих предприятиях служат народу, то есть, рабочему классу, эти рабочие не должны называться пролетариями». Такое заявление Ли Лисаня было равнозначно признанию существования классовых антагонизмов между государством и рабочими, ибо там, где существуют отношения работодатель – работник, там существуют классовые интересы.

Такая ситуация соответствует действительным социальным отношениям в сегодняшнем Китае. Но проблема заключается в чём-то другом. Ведь каждому понятно, что если бы сталинец - Ли

Лисань провозглашал такие истины в СССР и проводил бы в СССР закон, который в какой-то степени делал независимыми профсоюзы от государства, то Ли Лисань давно уже был бы ликвидирован, как «враг народа». Но в Китае проводить такую политику и произносить такие истины является выгодным для Москвы. Профсоюзы подчиняются только министерству труда, что делает их в какой-то мере независимыми от целого государства, но подчинение министерству труда значит подчинение Ли Лисаню, а значит и Москве.

Постановка профсоюзов в антагонистическую позицию по отношению государства в государственных предприятиях, хотя само по себе и является прогрессивным явлением, означает ослабление китайского государства и усиления влияния Москвы на китайский рабочий класс. В этом и заключается суть политики Ли Лисаня.

Личность Ли Лисаня, таким образом, была своеобразным клином между китайским рабочим классом и китайским государством, клином вбитым Москвой. Снятие Ли Лисаня с его постов ещё не развязывает проблемы отношений между рабочим классом и государством, но делает независимым рабочий класс от Москвы. Вследствие получения независимости профсоюзов от Москвы следует ждать создания новых отношений между рабочим классом и государством, которые пойдут по линии или полного подчинения профсоюзов государству, или их полной независимости от государства. Каким путём пойдёт развитие, покажет будущее. Главным же является то, что после снятия Ли Лисаня Москва потеряла непосредственное влияние и контроль над китайским рабочим классом.

ПЕРЕВОДЫ

Квамэ Нкрума

Классовая борьба в Африке

При колониализме появилась интеллигенция, которая обеспечивала связь между колониальной властью и массами. Её ряды обычно пополнялись выходцами из семейств вождей и слоёв денежного населения. Количество интеллигенции ограничивали на минимуме, при котором колониальная администрация могла работать. Она отмежевывалась от общества, став «элитой», настроенной подозрительно как к левым движениям, так и к правым.

В Африке, а также в Европе и других регионах планеты образованность, зачастую, обрекает классовую принадлежность. Мерой повышения уровня письменности, привязанность к племени или этнической группе исчезает, а классовое разделение – становится более выразительным. Возникает что то, что можно было бы назвать *esprit de corps* (корпоративным духом. – «Вперёд»), слишком много среди тех, кто получил образование за границей. Они отчуждены от племенных и местных корней и имеют на этом самом политическую власть, место в обществе и профессиональный статус. Даже сегодня, когда много независимых государств имеют замечательные школы, колледжи и университеты, тысячи африканцев предпочитают учиться за границей. Сегодня около 10.000 африканцев обучаются во Франции, 10.000 – в Британии и 2.000 – в США.

В африканских странах, бывших колониях Британии, в колониальное время появились частные школы на английский лад. Типичными примерами этих школ в Гане являются Адисадель,

Мфатсипим и Ахимота. В этих школах – и в подобных школах, построенных во всех британских колониях в Африке, - учебные планы, подбор дисциплин и занятия физической культурой создавали точную имитацию учебных дисциплин и спортивных игр английских частных школ. Целью было выхолить политические «сливки», сориентированные на Запад и преданные капитализму и идеологии буржуазного общества. В Британии классовая структура в большей степени базируется на образовании. Общественное мнение считает, будто бы те три процента, что являются выпускниками английских частных школ, являются «прирождёнными правителями» страны, то есть такими кадрами, которые лучше других годятся управлять как рождением, так и образованием. Ведь в Британии система образования неотделима от общественно-политической структуры. В то время как в частные школы ходит лишь шесть процентов населения, а в университеты – лишь пять, именно частные школы дают стране 60% директоров предприятий; 70% членов Консервативной партии в парламенте обучались в частных школах, 50% членов разнообразных королевских комиссий и комитетов являются выпускниками частных школ. Другими словами, маленькое меньшинство – продукт престижных образовательных заведений – представляет большое большинство между тех, кто занимает руководящие должности в хозяйстве и в политике страны. Эта иррациональная и престарелая «система» действует вопреки методам распространения образования и доступности его для народных масс. Она безбедно существует, несмотря на всё большее количество специалистов и технократов, которые приобрели образование преимущественно в классической и единственной средней школе. Она и мысли не имеет ослабевать перед всё более большим давлением снизу. Когда бы родители - рабочие имели возможность, они бы тоже устроили своих

детей в частные школы, потому что те открывают уникальную возможность – достать до высших эшелонов общества.

Продукт английских частных школ имеет двойника в прежних британских колониях – деятелей буржуазного истеблишмента, которые стараются быть большими британцами, чем сами британцы, и которые копируют одежду, манеры и даже произношение выпускников британских частных школ и Оксбриджа.

Когда колониалисты приветствуют рост африканских интеллигентов, они имеют на вот эти «формировать местные кадры, которые пригодятся во всех сферах и обеспечить развитие тщательно подобранной верхушки». Это политическая и экономическая необходимость. Как это устраивают? «Мы выбираем своих учащихся, прежде всего из группы детей вождей и аристократов. Престиж, который наследуешь с рождением, должен подкрепиться уважением, которое вызывает знание».

В 1953 году, до получения Ганой независимости с 208 студентов университетского колледжа 12% семей, из которых происходили студенты, имели доход больше 600 фунтов стерлингов за год, 38% - между 250 и 600 фунтами и 50% - около 250 фунтов. Значение этих цифр можно понять, если знать, что только в 1962 году – после энергичных мероприятий в экономической окрестности – удалось достичь среднего дохода на душу населения размером около 94 фунтов.

В отличие от британцев и французов, бельгийцы были против роста интеллигенции. Их девизом, похоже, было «нет элиты - нет проблем». Губительные последствия этой политики стали явными в Конго, например, в 1960 году, когда в стране практически невозможно было найти образованных конголезцев, чтобы они управляли новым независимым государством, возглавили армию и по-

лицию, заняли многочисленные административные и технические должности, освобождённые колонистами, оставившими страну.

Интеллигенция всегда возглавляет националистическое движение на первом этапе. Она стремится сменить колониальную власть, однако не в корне переделать общество. Целью является возглавить «систему», а не сменить её, потому что интеллигенция, в общем, тяготеет к буржуазному способу мышления и опирается на революционное социалистическое преобразование.

Сплочённость интеллигенции перед получением независимости исчезает после её получения. Она создаёт, короче говоря, три главные группы.

Во-первых, есть сторонники нового привилегированного туземного класса – бюрократической, политической и предпринимательской буржуазии, выступающие искренними союзниками империализма и неокOLONиализма. С этой интеллигенции происходят идеологи антисоциализма и антикоммунизма, популяризаторы капиталистических политических и экономических ценностей и понятий.

Во-вторых, есть те, кто защищает «некапиталистический путь» экономического развития, «смешанную экономику» для малоразвитых промышленно регионов мира, как постепенного перехода к социализму. Эта концепция, если её понять ошибочно и перекрутить, может, по всей вероятности, представлять ещё большую угрозу для социалистической революции в Африке, чем открыто капиталистическая позиция, ведь она может смотреть на то, что отстаивает социализм, тогда как в действительности она тормозит шаг. История свидетельствует, что некапиталистический путь развития, если его не принимать как временный этап в поступи к социализму, очевидно, мешает выстраивать этот социализм. Предоставив возможность капитализму и частным предприятиям суще-

ствовать в государстве, преданном идее социализма, рискуешь ввести во власть реакционеров. Частный сектор экономики постоянно пытается выйти за границы, в которые его замкнули, и непрерывно работает на то, чтобы ограничить и подорвать социалистическую политику социалистически-ориентированного правительства. Наконец, если не действуют другие методы, неокOLONIALИСТЫ обычно организывают реакционный государственный переворот, только бы устранить от власти социалистически-ориентированное правительство.

Третья группа интеллигенции, возникнувшая после получения независимости, состоит из революционных интеллектуалов – тех, что дают толчок рабоче-крестьянскому движению за полный социализм и возглавляют его. Именно здесь нужно искать настоящих интеллектуалов Африканской революции. Очень часто они являются теми редкостными продуктами колониальной системы образования, что сильно сопротивлялись идеологической обработке и стали по-настоящему социалистическими и африканскими националистическими революционерами. Задаaniem именно этой третьей группы интеллигенции является сформулировать и провозгласить социалистические цели Африканской революции, а также компрометировать и опровергнуть поток капиталистической пропаганды и ложных концепций и теорий, что хлынут из империалистических, неокOLONIALИСТСКИХ и местных реакционных средств массовой информации.

При капитализме и неокOLONIALИЗме большинство студентов, учителей, рабочих университетов и других принадлежащих широкой категории «интеллектуалов» являются «элитой» среди буржуазии и могут ради политической борьбы стать революционной или контрреволюционной силой. До завоевания независимости большинство их становилось проводниками националисти-

ческих революций. После приобретения независимости они демонстрировали тенденцию к расколам. Те, кто помогал националистической революционной борьбе, управляют страной и ориентируются либо на партийных нуворишей, либо на социалистических революционеров. Другие присоединяются к политической оппозиции, или становятся аполитическими, или выступают за умеренную политику. Ещё некоторые становятся бесчестными интеллектуалами. Конечно, они видят иррациональность капитализма, однако пользуются выгодами что он предлагает, и исповедуют капиталистический образ жизни. Ради собственных эгоистических интересов они готовы подстилаться и быть агентурой привилегированных и реакционных слоёв и поддерживать их.

В общем, интеллектуалы, вышедшие из рабочего класса, склонны быть радикальнее, нежели выходцы с привилегированных слоёв общества. Впрочем, интеллектуалы являются, вероятно, менее всего сплоченной и менее однородной из «элит». Большинство интеллектуалов в США, Британии и Западной Европы принадлежат к правым. Так и стремление большинства африканских интеллектуалов является стремлениями, присущими среднему классу. Они хотят власти, престижа, богатства и место в обществе для себя и своих семей. Много кто из выходцев рабочего класса стремится попасть в средний класс, избегают физического труда и полностью отчуждаются от своего класса и отрекаются от своего происхождения.

Там в Африке, где революционные интеллектуалы – социалисты вошли, в истинно прогрессивные администрации, этим нужно быть обязанным принятию марксизма как политического кредо и формированию коммунистических партий или подобных организаций, что предоставляют возможность поддерживать постоянный контакт с рабочими и крестьянами.

Интеллигенция и интеллектуалы, если они хотят занять своё место в Африканской революции, должны понимать важность классовой борьбы в Африке и выступать на стороне притеснённых масс. Это означает тяжёлый – но не неосуществимый – разрыв с буржуазными взглядами и идеологиями, усвоенными вследствие колониального образования и пропаганды.

Идеология Африканской революции объединяет классовую борьбу африканских рабочих и крестьян с социалистическими революционными движениями мира и с международным социализмом. Она формируется вояремя национально-освободительной борьбы за полное освобождение континента, за политическое объединение и социалистическое преобразование африканского общества. Она является неповторимой, - такой, что развилась в конкретной ситуации Африканской революции; она – продукт африканского человека, но и одновременно она базируется на принципах научного социализма.

Кризис исламского авторитаризма

На Ближнем Востоке разразилась невиданная доселе буря, и все карты могут очень скоро измениться. Опасная угроза в лице «Исламского государства» представляет собой завершение этого политического цикла. На первый взгляд, заметны только разрушения, но механизмы истории продолжают исправно работать: нерешительная политика США, сила шиитов, новые Иран и Египет, игра больших соседей... В Иране уже давно не секрет, что местные «ястребы», которые потерпели поражение с усилением режима Рухани, неоднократно выступали за сближение Исламской республики с египетскими «Братьями-мусульманами», которое должно было вовлечь в истинную и подлинную исламскую революцию их суннитских партнеров. До появления яблока раздора в лице Сирии от рассорившихся с Израилем в 2011 году турок сыпались новые предложения: пристрастное посредничество в пользу Ирана Ахмадинежада в начале ядерного кризиса с Западом, помощь главы турецких спецслужб Хакана Фидана в расформировании сети агентов Моссада на иранской территории...

Правда в том, что мы наблюдаем в большей степени не за идеологическим конфликтом шиитов и суннитов, а парадоксальным возвратом к борьбе, которая ведется уже почти

---

¹⁰ Adler A. *A l'origine de l'islamisme politique contemporain, l'ambivalence de l'Occident à l'égard de la chute de l'empire ottoman* / A. Adler // *Atlantico*. - 2016. - 21 Mai [On-line resource]. – URL: <http://www.atlantico.fr/decryptage/origine-islamisme-politique-contemporain-ambivalence-occident-egard-chute-empire-ottoman-daech-equation-cachee-alexandre-adler-2704239.html#leRrkAdcfSrg8wYy.99> Перевод с французского М.К.

35 лет. Это – конфликт фундаменталистов, которые идут на приступ секулярных или формально таковых государств мусульманского мира с конца 1970-х годов, с рационалистами и модернистами, которых немало как среди шиитов, так и суннитов.

В иранском шиизме ветер задул в другую сторону, к свободе совести и деполяризации религии: наблюдается это даже в известных шиитских школах Кума и Мехшеда, не говоря уже о соседнем иракском шиизме, который пошел на альянс с американцами после свержения Саддама Хусейна. Под руководством своего бывшего лидера аз-Заркави «Аль-Каида» всячески содействовала суннитскому сектантству, связанному с радикальным антихристианским настроем ваххабитского режима Саудовской Аравии. В Ираке этот курс исламистов не привлек на их сторону большинство суннитов, они голосовали на свободных выборах и стремились избавиться от власти ИГИЛ.

В других государствах, в частности в Алжире, где радикальный исламизм был побежден после десятилетней гражданской войны, Ливии, где генерал Хафтар при поддержке Египта дал отпор исламистским силам, Тунисе, где давление в пользу светского общества исходит от мягкого суннизма, и Египте, в котором 10 миллионов демонстрантов заставили «Братьев-мусульман» оставить власть в июне 2013 года, происходящее напоминает контратаку светского государства и модернизма. Саудовский режим с XVIII века не прекращает гонения на шиитские меньшинства, придерживается религиозного сектантства. Все заявления о том, что движения противников современного фундаментализма ограничиваются одним лишь Ираном, являются пропагандой Эр-Рияда.

Сунниты формируют большинство в мировом исламе, они наносили самые значимые удары по фундаменталистам с 2001 го-

да. Светские турецкие силы не сдаются перед лицом режима Эрдогана и составляют основу оппозиции исламизму, но узкость мышления мешает выработать им совместную программу с либеральными курдами и умеренными мусульманами, что позволило Эрдогану продержаться на страхе и шантаже, несмотря на потерю абсолютного большинства в парламенте. В Индонезии умеренные сунниты движения «Нахдатул Улама» остановили попытки политической исламизации общества. Саудовской Аравии же сейчас приходится отойти на оборонительные позиции на фоне наступления светских сил и рационализма.

Сегодня саудовскому руководству выгодно мешать всех противников исламизма в одну кучу, но после событий 2013 года тут сформировалось два полюса: националистический, светский и суннитский Египет маршала ас-Сиси и шиитский Иран, который с энтузиазмом восстанавливает связи с международным сообществом. За пределами Ирана представляющая собой меньшинство шиитская диаспора на Ближнем Востоке, например, в Ливане, находится под влиянием сил, которые отрицательно относятся к Израилю и связаны с теми группами в Тегеране, что представляют себя наследниками «старого режима» Хомейни. Единственная сложность сокрыта в этом и проистекает из противостояния и соперничества саудовского режима и египетских «Братьев-мусульман». Это и есть, вероятно, последняя неизвестная в политическом уравнении революционного кризиса на Ближнем Востоке.

Сведения об авторах оригинальных статей

Д. Вограненко – студент, Кафедра международных отношений и мировой политики, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

М.В. Кирчанов – д.и.н., доц., Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

А.В. Погорельский – к.и.н., доц., Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Т. Хабибова – магистрантка, Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Ю.Можаренко – студентка, Кафедра международных отношений и мировой политики, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Ю.В. Власова – к.и.н, Федеральное государственное казённое военное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

Н.П. Горошков – к.полит.н., доц., Исторический факультет, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Л.Е. Мелкумян – Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Отдел международного сотрудничества

Галеб Хайтам – магистрант, Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Д.С. Маджун – к.и.н., с.н.с. Центра дунгановедения и китаистики Национальной Академии наук Кыргызской Республики

К. Каблуков – студент, Кафедра международных отношений и мировой политики, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Т.А. Гадаева – магистрантка, Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Ю. Голотвина – студентка, Кафедра международных отношений и мировой поли-

тики, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Ж.Э. Серикова – студентка, Кафедра международных отношений и мировой политики, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

В.А. Тонких – д.и.н., проф., Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Е.В. Бадалова – к.и.н., доц., Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

А.А. Золотарева – студентка, Кафедра международных отношений и мировой политики, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

В.М. Новоселова – магистрантка, Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

М. Пукалова – студентка, Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

В.И. Сальников – к.и.н., доц., Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Аугушту да Силва Ие – магистрант, Кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Н. Богатырёва – студентка, Кафедра международных отношений и мировой политики, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Нуари Малалааривуни Ралафиариндаза – магистрант, Кафедра международных отношений и мировой политики, Факультет международных отношений, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»